

Смена

ISSN 0131-6656

№ 6 (1412) март 1986

ВЕСНА
НАШЕГО
ОБНОВЛЕНИЯ

ВСТРЕЧАЕМ
УТРО ГОДА.

Почему
райком комсомола
закрыт по выходным?

Виктор Розов
об Олеге Ефремове.

СЪЕЗД, УСТ

XXVII
СЪЕЗД
КПСС

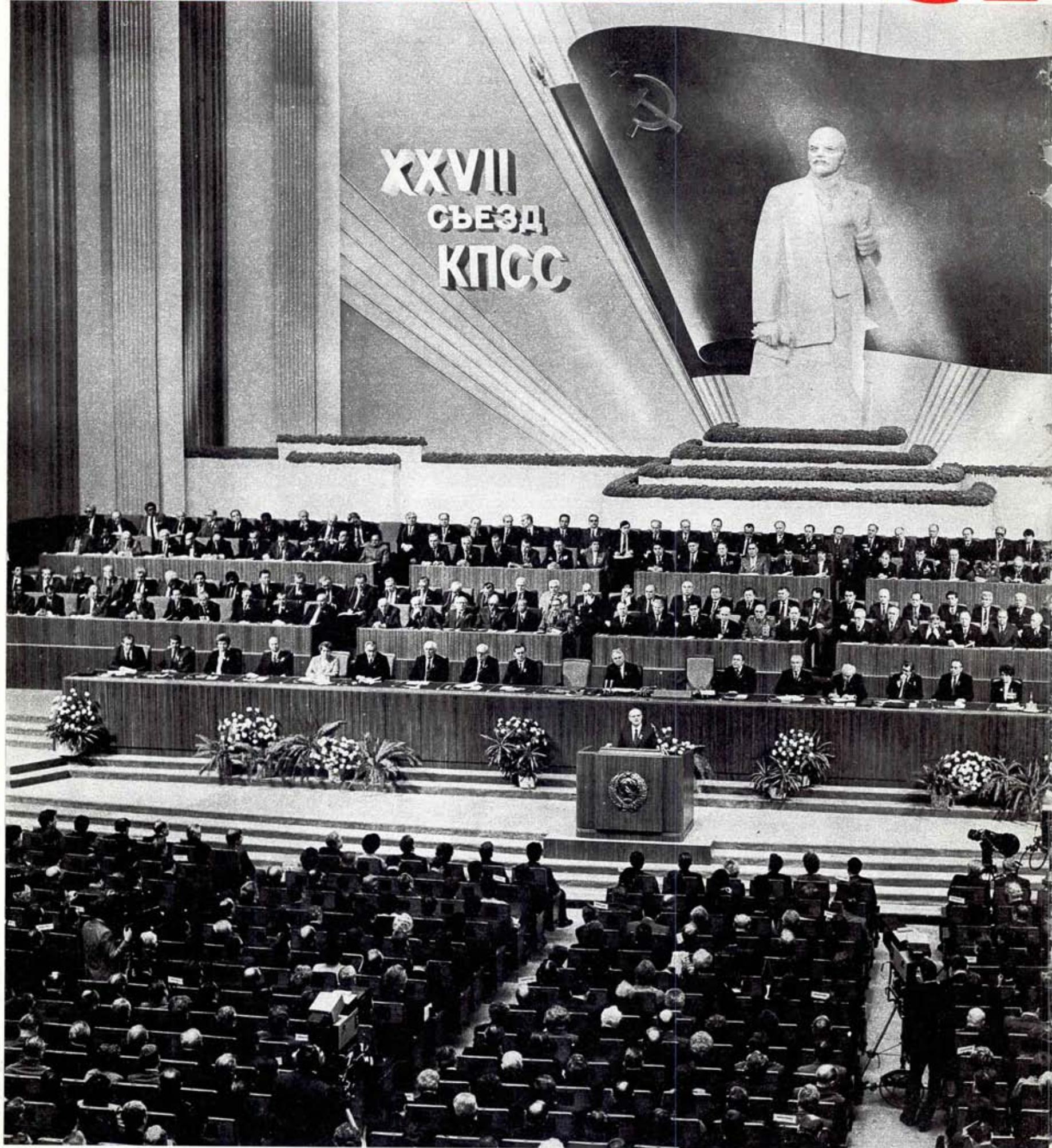

ФОТО Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА и Алексея ГОСТЕВА.

РЕМЕНЬИ В ЗАВТРА

Великое ленинское учение всегда, на всех крутых поворотах истории нашей страны надежно выверяло курс, служило руководством к действию для партии коммунистов.

Программа созидания, которую принял XXVII съезд партии, программа работы, намеченная им, носит поистине революционный характер, она вобрала в себя величие целей и реализм наших возможностей, соединила планы партии с надеждами и чаяниями каждого советского человека.

Делегаты съезда заслушали и обсудили Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев.

Были приняты новая редакция Программы КПСС, изменения в Уставе партии, Основные направления развития народного хозяйства на пятилетку и перспективу.

Это документы громадного исторического значения. Документы, содержащие оценку прошлого, поставившие и четко сформулировавшие неотложные задачи дня сегодняшнего, наметившие зримые контуры грядущего.

XXVII съезд партии еще раз с убедительной ясностью запечатлев в сознании каждого из нас высочайший авторитет коммунистов, подтверждающих реальными делами свое право быть впереди, право, которое партия завоевала и укрепила умением решать сложнейшие задачи, в ситуациях переломных брать на себя всю полноту ответственности, всю тяжесть принятия решения, находить то решающее звено, за которое нам надо взяться всем сообща, чтобы с достоинством и честью двигаться вперед.

Съезд подчеркнул: необходимо качественное обновление всех сторон нашей жизни — в сфере экономики и социальной, в духовной жизни и в методах хозяйствования. Необходимо удвоить за предстоящие пятнадцать лет производственный потенциал страны, поднять на новый уровень благосостояние народа. Этого требует конкретная историческая обстановка. Съезд партии четко сформулировал: «...ускорение социально-экономического развития страны — ключ ко всем нашим проблемам: ближайшим и перспективным, экономическим и социальным, политическим и идеологическим, внутренним и внешним. Только таким путем может и должно быть достигнуто новое качественное состояние советского общества».

Урок съезда — мужество, с которым партия смотрит правде в глаза, решимость, с которой берется за громадную, революционную по сути дела работу.

Урок съезда — мужество и, говоря ленинскими словами, героизм будничной, повседневной работы, без которой бессильны самые смелые решения и планы.

Урок съезда — опора на людей, на их творческую силу, на их инициативу и заинтересованность, умение будоражить трудящихся, вести за собой, говорить с ними так, чтобы миллионы осознали, что они лично не вправе оставаться в стороне от великого созидательного дела, что они должны найти в нем свое место.

Рапорт Ленинского комсомола партийному съезду — это не просто перечень трудовых достижений миллионов советских юношей и девушек. В нем прозвучала готовность делом откликнуться на все, что партия поручает комсомолу.

А главное, коренное поручение партии — коммунистическое воспитание нашей молодежи. Сегодня комсомолия страны решительно перестраивает свою работу, выверяя ее по деятельности партии.

XXVII съезд КПСС придаст этой перестройке новый импульс — партия настойчиво стремится учить молодых коммунизму, прежде всего поручая им самые ответственные дела, расширяя права и круг ответственности комсомольских организаций.

И сегодня комсомолу необходимо как можно лучше пользоваться своим главным, исконным правом — быть в гуще молодежи, знать ее настроения и интересы, активно участвовать в их формировании, поддерживать и направлять все живое, активное, творческое, воспитывая тем самым людей, которым по плечу требования как сегодняшнего, так и завтрашнего дня. Там, где комсомольские работники сполна используют это право, высок авторитет комитетов комсомола, с ними считаются, от них не отмахнутся и самые ретивые администраторы. Там же, где суть и смысл работы комитетов — бумаготворчество, показуха и дежурные мероприятия, только и слышатся жалобы и ссылки на «объективные» обстоятельства.

Необходимо перестраиваться, необходимо дорожить своим званием комсомольца, уважать себя и добиваться уважения других — делом, активностью, принципиальностью, готовностью и умением вести большую работу.

Молодежь способна на большее. Комсомол должен помочь ей реализовать свои способности в полной мере. Эту задачу поставил перед ним партийный съезд.

XXVII съезд завершил свою работу. Грандиозная работа по выполнению намеченных им планов разворачивается во всю ширь, по всей стране.

Нет времени на раскачку и прикидки. Не то сейчас время.

Могучая энергия обновления и созидания, единая воля партии и народа способны решить назревшие проблемы развития нашего общества.

МОСКВА. КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ.

25 ФЕВРАЛЯ 1986 ГОДА. ПРЕЗИДИУМ XXVII СЪЕЗДА КПСС.

НА ТРИБУНЕ — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС ТОВАРИЩ М. С. ГОРБАЧЕВ.

Бригадир тракторо-полеводческой бригады совхоза «Кенашинский» Кокчетавской области Майра КАСЕНОВА:

«Съезд партии требует от нас работать творчески, с полной отдачей. Трудно ли это? Отвечаю: только так и возможно сегодня, только такой труд и может доставить радость рабочему человеку...»

МОЛОДЫЕ ДЕЛЕГАТЫ ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА:

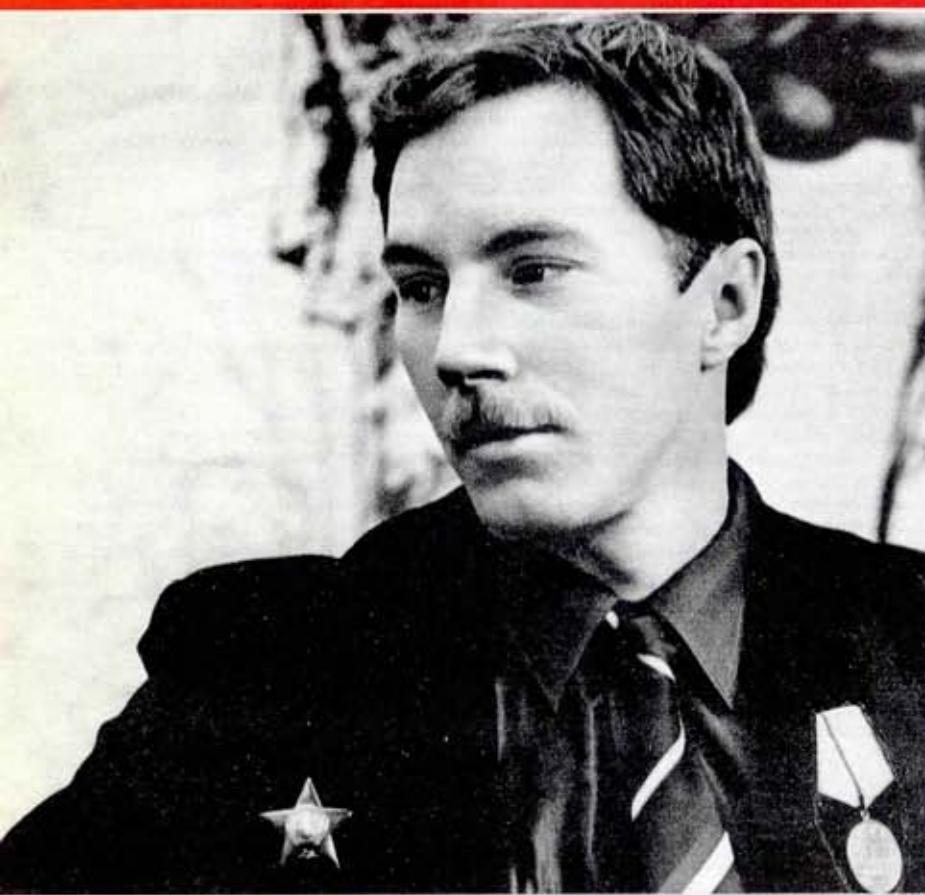
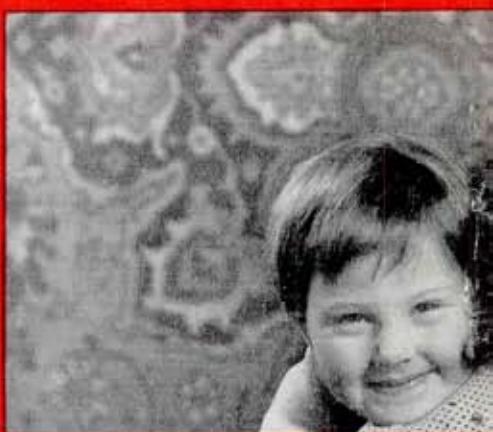

Звеньевой оленеводов совхоза «Тигильский» Корякского автономного округа Анатолий АКЕЕВ:

«Долг коммуниста — быть там, где труднее, где опыт и мастерство дают наибольший эффект, брать на себя самую ответственную работу и показывать в ней образцы труда».

Бригадир штукатуров новосибирского треста «Сибакадемстрой» Надежда ДОКИНА:

«Самое главное в работе строителей — качество. Не должно быть у нас бракоделов, неумех. Качество труда — мера всех вещей».

ЧУВСТВО ПОВЫШЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Бригадир штукатуров-маляров, член Воронежского обкома КПСС Мария ЕЛИСЕЕВА:

«В дни, когда проходил партийный съезд, наша бригада трудилась уже в счет апреля 1988 года. Работать, опережая время, — закон жизни нашего коллектива. Думаю, у каждой бригады есть свои резервы ускорения, найти которые, привести в действие — наш общий долг перед партией, перед страной...»

Делегат XXVII съезда КПСС, студент второго курса Московского авиационного института Анатолий КАЧАЛИН

отвечает на вопросы «Смены»

Признаюсь, с волнением ждали мы в редакции прихода Анатолия Качалина. В 23 года быть делегатом партийного съезда — такое выпадает не всякому. И баловнем судьбы его не назовешь, биография обычная: школа, ПТУ, завод, служба в армии... И все же чем-то он выделяется из тысячи своих сверстников.

Но вот и сам Анатолий. Пополдня подтянутый, стройный и, как скоро выяснилось, рассудительный, несуетный. Не спеша снял куртку, поправил галстук (приехал из школы, встречался с ребятами), блеснули на груди боевые награды.

— Когда вы, Анатолий, стали коммунистом?

— Два года назад. В Афганистане. Партийный билет мне вручали перед строем, в перерыве между боевыми операциями. Быть коммунистом мне хотелось еще и раньше — учась в ПТУ. Потом, когда я работал слесарем-сборщиком на авиационном заводе, мне давали рекомендацию, но подошло время идти в армию.

— За что вы награждены орденом Красной Звезды?

— Мы попали под сильный артоб-

стрел душманов. Контузило командира нашей батареи. Мне поручили вести огонь. Ребята стреляли отлично — подавили несколько огневых точек противника. Это и обеспечило успех операции.

— Страшно было?

— Конечно. Служба подходила к концу, в это время все мысли о доме, о матери... Но бой есть бой.

— Самый памятный эпизод службы?

— В предгорьях в одном кишлаке мы с группой проходили между двумя дувалами — это такие длинные глинобитные

ТВОЯ

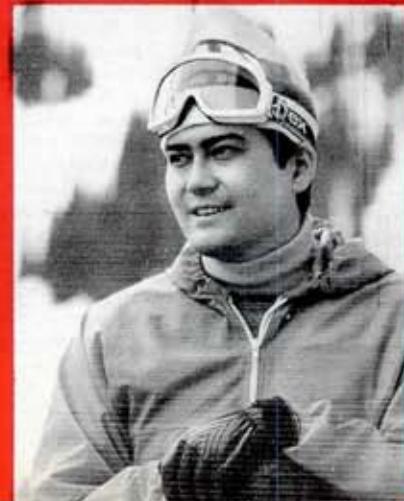
заборы, как стена. Вдруг на улицу из подворотни прямо перед нами выскочила девочка лет двенадцати, восторгаясь, бойкая, точь-в-точь, как моя сестренка. Зашли мы в дом, а там — целый детский сад, мал мала меньше. Хозяйка угостила нас чаем, виноградом. Уходя, мы оставили детям почти все свои запасы. Свой паек я целиком отдал той девочке. Так делают многие наши солдаты, идя на операцию, берут побольше хлеба, сахара, чтобы потом угостить афганских ребятишек.

— Изменилось ли что-то в ваших представлениях о жизни после службы?

Солист Казахского Государственного академического театра оперы и балета имени Абая Алибек ДНИШЕВ:

«Нести людям сокровища искусства, культуры, приобщать их к прекрасному — значит, на мой взгляд, самым активным образом участвовать в коммунистическом воспитании».

Шлифовщица ставропольского завода «Электроавтоматика» Лариса ЕПРИНЦЕВА:

«Без автоматики сегодня и шагу не сделаешь. Но мы не должны забывать о том, что качество всех автоматизированных линий, четкость их работы зависит от нас, рабочих».

Сталевар Череповецкого металлургического комбината
Леонид ЧЕРНЯЕВ:

«Умеем ли мы дорожить металлом? Ведь сколько его теряется, идет в отходы. Давно пора научиться обращаться с металлом действительно по-хозяйски».

Швея Александрийской швейной фабрики Кировоградской области Надежда ГОРОВЕЦКАЯ:

«Съезд поставил задачу повысить производительность труда в легкой промышленности на 24–26 процентов. Для этого нам надо шире развивать движение многостакониц, активнее осваивать каждому смежные специальности...»

Электросварщица Николаевского судостроительного завода имени 61 коммунара Анна БИЛЕЦКАЯ:

«Считаю, что сегодня каждый из нас должен трудиться с твердой убежденностью в том, что именно на его участке решается задача подъема всего народного хозяйства».

— В боевой обстановке человек быстрее взрослеет. Понимаешь, ничто просто так не дается.

— **Что именно?**

— Абсолютно все. Всю жизнь, которая нас окружает, к чему мы давно привыкли, воспринимаем как само собой разумеющееся. Понимаешь, что и от тебя в этой жизни многое зависит. Нельзя равнодушно взирать на зло, закрывать глаза, делать вид, что тебя это не касается. Любой недостаток воспринимается острее, болезненнее что ли.

И все-таки сказать, что сейчас я

мольское влияние? Так и у нас на факультете было, пришлось даже повесить маленько.

— **Повоевать? Как?**

— А так: недовольны мы были работой факультетского комитета комсомола. Впрочем, и работы-то, по сути, никакой не было. Многие комсомольцы даже не знали, как зовут секретаря. В общем, сплошной формализм. Но где звучала критика? В коридорах, за глаза. Вот это меня и задело. Во время отчетно-выборной конференции поднялся на трибуну и высказал все наболевшее.

— Не поверили в ваше бескорыстие?

— Не только это. Наша инициатива не вписывалась в принятые схемы. Эти «активисты» в кавычках привыкли все делать по указке, «от сих до сих». Перестраховщики, а не вожаки. Об этом я и сказал на конференции. Теперь у нас другой состав комитета, секретарем стал хороший, энергичный парень.

— **А ребята из детского дома помогли?**

— Помогли. Отряд, правда, у нас был небольшой—пять девушек и двенадцать ребят. Строили новые корпуса МАИ. А сейчас мне поручено сформировать новый отряд безвозмездного труда. В него войдут студенты почти всех факультетов.

— **Вы женаты, Анатолий?**

— Нет. Честно сказать, немного завидую своему однополчанину Саше Шрамко. Прошлой осенью он приглашал меня к себе в Харьков на свадьбу.

— **А какие девушки, если не секрет, вам нравятся?**

— Какие?.. Простые, открытые. Но если девушка курит, то все ее достоинства для меня меркнут.

— **Качества, которые вы цените в людях?**

— Доброта, трудолюбие. А вообще-то я люблю общаться с самыми разными людьми, особенно с теми, кто при случае прямо может сказать мне о моих недостатках.

— **Есть человек, которому вы стараетесь подражать?**

— Кого-то одного выделить не могу.

Мне везет на хороших людей. В ПТУ—мастер Виктор Васильевич Александров, спокойный, справедливый. А сколько хорошего мне дал мой дедушка, Николай Васильевич Сергеев. В войну он был машинистом, водил эшелоны на фронт, награжден орденом Ленина. Многое я перенял от родителей, они строители. А еще учусь у литературы. Любимые герои—Овод, Корчагин. Сейчас читаю Чехова, Алексея Толстого.

— **А в часы отдыха?..**

— Люблю работать с деревом—вырезать, выжигать. Но, честно сказать, свободного времени почти нет.

— **Вы ведь еще работаете чертежником на заводе?**

— Да. Это нужно мне, чтобы глубже знать специфику производства. Моя будущая специальность—самолестостроение. Под руководством Леонида Петровича Поняева, опытного инженера, пытаюсь разработать модель самолета своей конструкции.

— **Мысль об учебе в МАИ давно появилась?**

— Еще в ПТУ. Кстати, в профтехучилище я пошел с той же целью. Считаю, что настоящий конструктор должен пройти через рабочую профессию.

— **Съезд партии поставил большие, сложные задачи. Что, на ваш взгляд, требуется сегодня от каждого молодого человека?**

— Ответственность—вот чего ждут от молодых. Готовность не на словах, а на деле взять на свои плечи груз наших общих проблем. Эта мысль не покидала меня все дни работы съезда.

ПОЗИЦИЯ

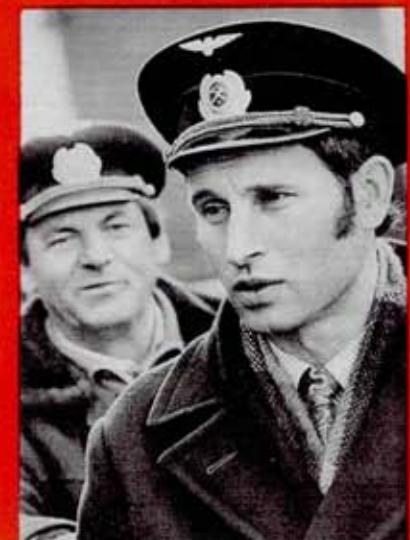
как-то иначе смотрю на жизнь, я не могу. И до службы в армии у меня были такие же мысли, убеждения. Сейчас, когда моя жизненная позиция прошла основательную проверку, прежние взгляды еще больше укрепились.

— **Ваше мнение о комсомольской работе. Какие недостатки вам бросаются в глаза?**

— Главная беда—формализм. Иные активисты зарылись в бумагах, живого дела не хватает. Часто комитетчики что-то там обсуждают в кабинетах за закрытыми дверями, а жизнь молодежи как шла, так и идет своим чередом. Где же комсомольская инициатива, комсо-

до сих пор не могу успокоиться, когда вспоминаю один случай. Побывали мы в подшефном детском доме, где воспитываются ребята до восемилетнего возраста. Отремонтировали игровую площадку, расчистили территорию. И, конечно, поиграли с малышами. Но разве это помощь? Решили летом поработать в стройотряде и все заработанные деньги перечислить на счет детдома. Пришли с этим предложением в комитет комсомола—и что же слышим? «А зачем это нам? Кто пойдет в такой отряд?» Кое-кто заподозрил нас в карьеризме, дескать, славы захотели...

Шлифовщица Барановичского завода автоматических линий Валентина СИМОНЧИК:
«Приметой времени, необходимой чертой характера современного рабочего считают точность во всем. Понятие это не только техническое, но и нравственное, включающее в себя и обязательность, и чувство ответственности...»

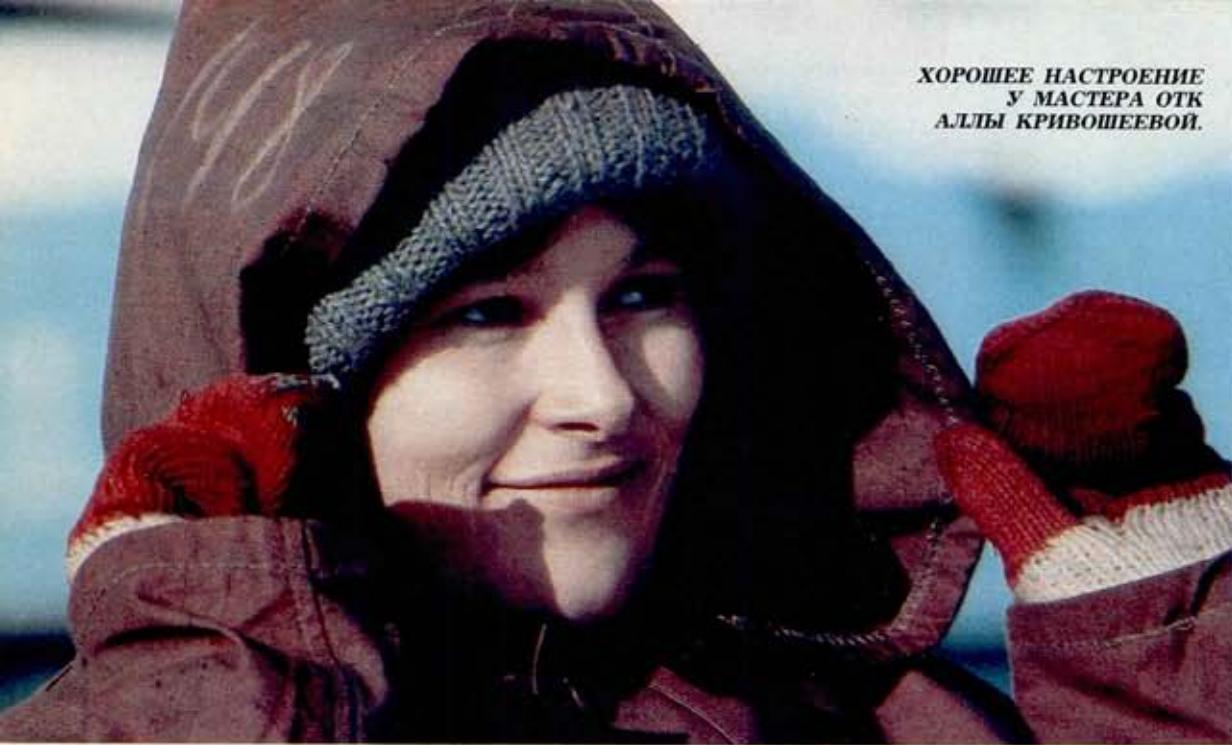
Машинист электровоза Батайского депо Северо-Кавказской железной дороги Владимир УДОВИЦКИЙ:

«О работе железнодорожников судят по срокам доставки грузов. Вот почему для нас беречь рабочую минуту—прямой путь к ускорению».

Секретарь комитета ВЛКСМ Нижневартовского домостроительного комбината Ольга СУРКОВА:

«Главное—в любой ситуации быть честным. Если есть у человека честь, совесть, он никогда не покривит душой, не подведет товарищем, коллегам».

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ
У МАСТЕРА ОТК
АЛЫ КРИВОШЕЕВОЙ.

XXVII съезд КПСС
требует от нас...

Ударная комсомольская стройка двенадцатой пятилетки. Здесь тысячи молодых рабочих испытывают себя в большом, государственного масштаба деле, чувствуют ответственность работы в настоящем трудовом коллективе, его силу и возможности.

Ударные комсомольские выполняют возложенные на

АНДРЕЙ ЗЕЛЕНКОВ,
депутат XXVII съезда КПСС,
лауреат Государственной
премии СССР,
бригадир экскаваторщиков
объединения «Экибастузуголь»

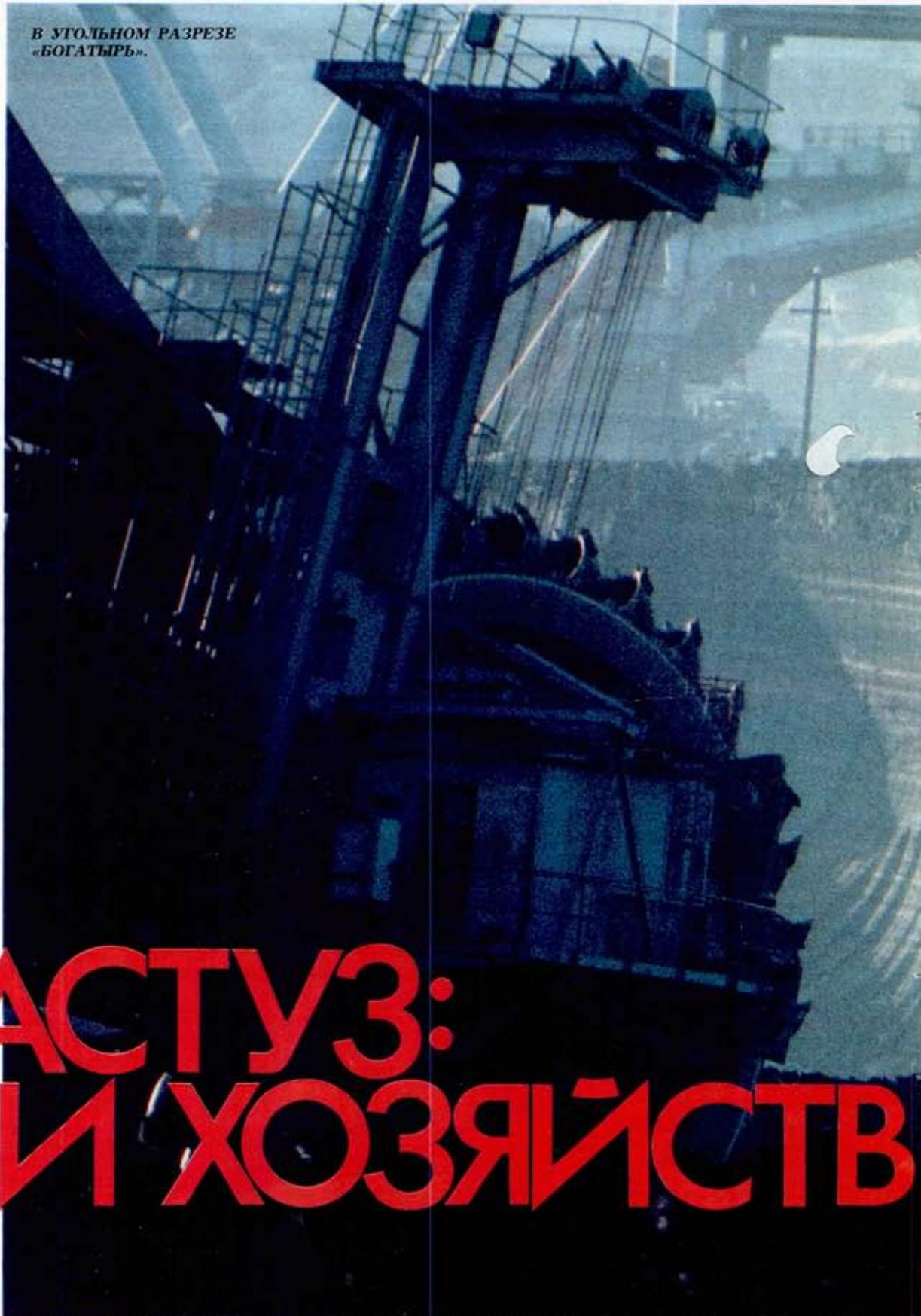
Есть разные предположения о том, как был найден экибастузский уголь. Согласно одной версии, его открыл пастух, заблудившийся в степи. Пережидая буран, развел костер из кизяка, поставил чайник на какие-то черные камни. Кизяк быстро прогорел, и тут пастух обнаружил, что горят и сами камни.

Другая легенда тоже связана с огнем. Остановились чабаны на ночлег в урочище Экибастуз, разожгли костер. Вдруг подул ветер, и земля вокруг костра занялась жарким пламенем: загорелся угольный пласт, выходивший в этом месте на поверхность.

Множество существует легенд. Подобные случаи, вполне возможно, были в жизни: угля в Казахстане много, часто он залегает близко к поверхности. Уже в наше время краеведы разыскали документы, которые помогли установить первооткрывателя экибастузского месторождения: им был рудознатец Косум Пшембаев, служивший в конторе купца Артемия Дерова. Известно и время открытия — середина июня 1867 года. О жизни самого Косума тоже ходит немало легенд. Например, будто бы английские промышленники его даже в Лондон приглашали, как опытного рудознатца. Имя Пшембаева помнят в народе, оно осталось и в названиях некоторых мест: «Косумовская балка», «Косумов грот», «Косумов камень»... Без сомнения, был он человеком очень одаренным, личностью незаурядной.

История развития угледобычи в Экибастузе полна драматических моментов, взлетов и падений. В конце девяностых годов купец Деров организовал здесь акционерное общество, которое очень быстро обанкротилось: сказалась неспособность совладельцев развернуть дело в больших масштабах. Угольные котлы были проданы англичанину Л. Уркарту. Но и этот делец, оставивший о себе недобрую память жестокостью по отношению к рабочим, хозяинчал не так долго, до 1917 года...

Перед въездом в наш город, справа от дороги, — стенд, и красными буквами на нем слова В. И. Ленина: «Главное из всех вопросов — Экибастуз и его

В УГОЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ
«БОГАТЫРЬ».

ЭКИБАСТУЗ: ТАК ЛИ ХОЗЯЙСТВ

них задачи там, где энтузиазм молодых подкреплен точным расчетом, умением грамотно организовать дело, где слова не бросают на ветер, где с людей не только спрашивают, но и заботятся о них. Решения съезда партии требуют от комсомола нового уровня деловитости, компетентности, творческой отдачи, смелости в решениях и действиях.

Ваше слово, ударные комсомольские!

МАШИННЫЙ ЗАЛ ЭКИБАСТУЗСКОЙ ГРЭС.

ВЗРЫВ ПОМОГАЕТ ГОРНИКАМ.

Фото Евгения СТЕЦКО

УЕМ?

НА «КОМАНДНОМ ПУНКТЕ» РОТОРНОГО ЭКСКАВАТОРА — СТАРШИЙ МАШИНИСТ АЛЕКСАНДР ШМЕЕР.

значение для Урала». Политбюро ЦК РКП(б) в сентябре 1922 года трижды рассматривало вопрос о концессионном договоре с тем самым Уркартом. Решили вынести обсуждение на Пленум ЦК РКП(б). Пленум отклонил договор, основывавшийся на грабительских условиях. А слова Ленина написаны на следующий после пленума день. По его предложению была развернута дискуссия в «Правде» — продолжать ли переговоры с англичанином? Предложения высказывались прямо противоположные. Можно представить, как трудно далось окончательное решение — ведь страна остро нуждалась в топливе, а поднять самое производство в Экибастузе ей было не по силам. Но решался вопрос — отдавать ли на разграбление национальные богатства ради нескольких процентов валовой добычи? — и Ленину важно было знать народное мнение. Он так и сказал в интервью английскому корреспонденту: «Мотивировка нашего отклонения договора с Уркартом выражала непосредственно, можно сказать, не только общепартийное, но именно общеноародное настроение всей рабочей и всей крестьянской массы».

В 1925 году экибастузские угольные копи законсервировали. Победа или поражение? Уверен, большеви-

Звезда Гудиашвили

Астрономы не погрешили
против правды в небесном труде,
имя совместное —

Гудиашвили —
подарив безымянной звезде.
И когда на рассвете

во Мцхете
вдоль духовных ступало ланда,
звезды прыгали,

словно дети,
в молодые ладони Ладо.
И одна ему в душу попала,
чтобы только

не шлепнуться в грязь,
будто с неба совсем не упала,
а внутри родилась и зажглась.
И когда танцевал он в Сигнахи
у фонтана —

отнюдь не воды, —
шло свечение из-под рубахи
от горячей под кожей звезды.

Он,
посмертно взошедший звездою,
был в спесивых глазах не звезда,
но бедою оншел,
как водою,

так, что не прогибалась вода.
Среди тех,

кто, искусство обжулев,
был на трупах до звезд вознесен,
разрисовывал абауры
для каких-то артельщиков он.
И однажды, пируя отпето
и тоскуя беззвездной тоской,
расписались три брата-поэта
у Ладо на стене в мастерской.
И картина, как будто кулиса,
скрыла в тяжкие времена
Тициана, Паоло, Бориса
незапятнанные имена.
И сквозь розовость

ышней вакханки
рвались в жизнь, в переулки, в сады,
холст Ладо прожигая с изнанки,
три припрятанные звезды...

Я не знаю, насколько я вечный:
может, искоркой сгину в чаду,
может, стану пыльником млечной,
а звездой, как Ладо, не взойду?
Жизнь моя —

как сплошные поминки,
но на млечном невечном пути
могут памятливые пылинки
до потерянных звезд дорasti.
Даже слава не съест,
не заездит, —
лишь бы не позабыть никогда,
что дитя всех погибших созвездий —
наша собственная звезда.
Прежде чем нас почтут астрономы,
беззащитны мы в нашей борьбе.
С раздирающими остриями
наши звезды мы носим в себе.
Наши звезды из нас вышибают,
на предсердье от них — волдыри,
и печеньку, дымясь, выжигают
звезды, вскрикивающие внутри.
Настоящий художник извелся —
он ступает по звездной золе.
Только те превращаются в звезды,
кто не лжет никому на земле!

ки тех лет думали о будущем, о своих потомках и
цену немалых лишений сохранили для нас завоеванное
революцией. Конечно, это была победа. Победа
сильного духа, дальновидности, уверенности в завтрашнем дне. И такой день пришел в декабре 1954
года, когда был введен в строй первый угольный
разрез Экибастуз, первый заложен с топливом от-
правлен на Урал.

Говоря о сегодняшнем ЭТЭКе — Экибастузском
топливно-энергетическом комплексе, придется не
раз повторить слово «самый». Угольный разрез «Богатырь» — самый крупный в стране, и ЭТЭК в це-
лом — крупнейший комплекс открытой добычи. Еже-
минутно у нас добывается более 150 тонн угля! За год — около восьмидесяти миллионов! Наша
ГРЭС-1 — самая крупная в мире электростанция, ра-
ботающая на твердом топливе. По мощности — четы-
ре миллиона киловатт — она равна почти восьми
ДнепроГЭСам. Строится вторая такая же ГРЭС.

Словом, нетрудно представить значение Экибасту-

за для экономики страны. Топливо, электроэнергия
ЭТЭКа — «хлеб насыщенный» сотен, если не тысяч
промышленных предприятий, строек.

За несколько месяцев до съезда все мы познакоми-
лись с проектами Программы КПСС. Основными
направлениями развития нашего хозяйства на пяти-
летку и до конца века. Было время основательно
изучить, продумать задачи, выдвинутые в предсъез-
довских документах.

И все-таки теперь, когда эти документы утвержде-
ны партийным съездом, как-то по-иному осознаешь
все значение, масштаб поставленных задач. Прошло
время обсуждения проектов. Настало время реши-
тельных действий. Мы привыкли к размаху наших
планов, но такого, по-моему, еще не было: **всего за
пятьнадцать лет предстоит удвоить промышлен-
ный потенциал страны!** Стало быть, каждый челове-
к, каждый коллектив — в том числе и мы, горняки
Экибастуза, — должны научиться работать вдвое луч-

ше, эффективней, производительней. Я возвращался
из Москвы, со съезда в нелегких раздумьях: что нам
надо сделать, чтобы осуществить намеченные пла-
ны? Что менять в организации труда? Какие пробле-
мы ждут срочного решения?

Пятилетку мы завершили неплохо, планы перевы-
полнены. За эти годы перекрыта проектная мощность
«Богатыря», сдана в эксплуатацию первая очередь
разреза «Восточный» с принципиально новой техно-
логией работы: уголь отсюда вывозится не в вагонах,
а по транспортеру. Есть немало других технических и
технологических новшеств.

Я бы так сказал: Экибастуз — это своего рода
полигон по разработке и внедрению новой техники и
технологии. Экибастуз — хорошая школа для горняка.
Многое можно рассказать о наших трудовых рекор-
дах, победах, достижениях. Но настрой, заданный
партийным съездом, предполагает иной разговор — о
том, что мешает идти вперед.

Добыча угля растет с каждым годом. Но если

НЕСВЕРШЕННОЕ ВСЕ СОВЕРШИТСЯ

Евгений ЕВТУШЕНКО

Допотопство

Эта женщина шла мимо Лобного места,
Пожарского с Мининым,
и несла туалетной бумаги рулоны —
штук двадцать как минимум,
и несла не в руках,

а бечевку прорезнув на шее...

Вот какие бывают сейчас на Руси ожерелья!

И была эта женщина —

боже мой! — чуть ли не гордой,

ну, а я от стыда о брускатку

как будто бы шмякнулся мордой,

потому что в России

Гагарина и Шостаковича

муки всех доставаний —

такая стыдобища!

Неужели на космос

хватило ума и отваги,

а ума недостаточно

для туалетной бумаги?

Героически строили мы неудобства.

Допотопство —

иначе сказать не могу —

допотопство.

Видит с Лобного места

в растерянной тягостной думе

голова Стеньки Разина

бой за кроссовками в ГУМе.

Зрят бунтарские очи,

почти выворачиваясь наизнанку,

rossиянку с ярмом непонятным,

похожую на полонянку.

Перед самым Кремлем —

кто со швейной машинкой ножкою,

кто —

с персидским ковром,

а совсем не с персидской княжною.

И когда каждый день

допотопные эти потопы,

Стеньке тяжко понять:

кто тут баре, а кто тут холопы.

Мы живем в стране богатейшей,

красивой,

где нельзя допускать

допотопщины сивой.

Мы живем в стране

не самой удобной,

в стольком первой,

а в чем-то еще допотопной,

и у этого нашего допотопства

дух гнилой полубарства
и полуходопства.

Когда наши задрипанные полубаре
оставляют зерно

в худокрышем амбаре

и бросают компьютеры
гибнуть под снегом —

это пахнет почти чингисханским набегом.

Полубаре чванливо глядят,

хамовато,

а копнешь их поглубже —

там вата,

там холоповато.

Это ими поставлены в парках,

пусты и бесполы,

допотопные гипсовые дискоболы.

Дискоболы их свалятся от подзатыльника.

Не проснутся будильники их

без будильника.

Это их магазины,

где ты приодеться не пробуй,

где не платья — проклятья,

не обувь, а гробувь.

Овощные их склады —

для смертников ямы,

непонятно, как тонны опять

превращаются в граммы.

Это их ожерелья

на шеях измотанных женщин —

туалетной бумаги рулоны,

а вовсе не жемчуг.

И когда пустозвонные полуходопы

вместо дела разводят

притопы-прихлопы,

то забытый совсем,

без вины виноватый

в хомуте допотопном

бредет человеческий фактор.

И я верить хочу,

что, призвав допотопство к ответу,

мы отменим навек

магазинное сътое: «Нету!»

Несвершенное все совершился.

Неспетое все доется.

Мы весенным потопом

смоем все допотопство,

и на шеи любимым,

чтоб выглядели загляденем,

ожерелья,

какие они заслужили,

наденем!

Зоя Осипова

Зоя Осипова —
телефрафистка.
В ее пальцах —
такая печаль.
От нее и до полюса близко,
а до счастья —
дальнюющая даль.
Зоя, мать-одиночка, измаялась.
Сын ее безотцовный слег.
Может стены
в бараке измайловском
подпалил золотой хохолок.
Сын живым обручальным колечиком
с жизнью,
полной невзгод и обид,
на двух стульях
свернувшись калачиком,
в отделенном почтовом сплит.
Мать, как может, его убаюкивает,
и на сто телетайпных ладов
то счастливо,
то грустно выступает

чи-то смерти,
рожденье,
любовь.
И по клавишам пальцы летают,
шар земной пробивая насквозь,
но квартиру на телетайпе
Зое выбрать не удалось.
Выбивает она комнатеночку
неумело, не напролом,
чтобы ей, и сынику,
и котеночку
стало чуточку легче втроем.
Но когда она ходит, мешая
тем, кто чувствует что-то навряд:
«Ну, у вас-то семья небольшая...» —
по-отечески ей говорят...
Равнодушие —
это агрессия.
Зоя Осипова —
не страна,
не Вьетнам,
не Ливан и не Греция,

но защита ей тоже нужна.
Можно,
даже повесив лозунги,
где пикасовский голубок,
разбомбить
равнодушьем в лоскуты
тех, кто загнан и одинок.
Пусть от имени материинства
будет нами запрещена
бытового милитаризма
необъявленная война!
Как немножечко надо,
господи,
и на каждого,
и на страну,
чтобы телографистка Осипова
позвала меня утром к окну.
Ее синие радость не выревели,
но, как будто бы два луча,
на мгновение
бородками вынырнули
из ладони ее два ключа...

Алданочка

Долгожданочка-алданочка
смотрит:
гость или жиган!
На плече ее —
берданочка,
где в любом стволе —
жакан.
В том, что гость,
удостоверилась,
колупнула мох носком,
и не то, чтобы доверились,
а примерились глазком.
У нее повадка соболя.
Зорко села на крыльце
и под веер приспособила
глухариное крыло.
И во всех
движеньях мягонькая,
синьорита трех дворов
смотрит искося, отмахивая
камарилью комаров.
И мантилья накомарника
чуть дрожит настороже,
ну а я молчу,

как маленький,
хоть и старенький уже.
Трудно строю самокруточку —
я на это не мастак.
Говорю словами шуточки,
а без слов примерно так:
«Я почти уже пропал.
Растерял я адреса.
На заемку я попал
из Буэнос-Айреса.
Тот, кто скажет два дома, — тот
рад и шалашу.
Третий дом горит вот-вот,
а я не гашу.
Не охальник я ничуть,
но в избу свою
не пускайте прикорнуть —
и ее сплю.
Я забыл, кто я таков.
Я — сплошной изьян.
Я отнюдь не с облаков,
а скорей из ям.
Я в тайге среди коряг,
лакомый ножу,
из особенных бродяг —
сам в себе брошу.
И такие там болота,
непроруб,
непроворот,
но голубенько что-то
потихонечку цветет.
Столько в жизни назапутал,
все, что делал, — все не то,
а я весь — из незабудок.
Не могу забыть ничто.
Все порушил, все разбил,
но поверте мне, вралю:
никого не разлюбил,
никого не разлюблю.
Осыпается сараночка,
как ее ни размахровь!
Не в любви любовь, алданочка,
есть еще неразлюбовь.
Вы так молоды сейчас
и прекрасны до поры,
и, за вами волочась,
вас вкушают комары.
Я немножко староват,
но у этого крыльца
разрешите постоять
возле вашего лица».

Трус был свеж.
Трус был розов.
Таким обкрадываются
тихой сапой
столовые и детдома.
«Я, увы, невесесилен! —
развел он руками с почти
некрываемой радостью. —
Сожалею весьма!»
Даже крупные трусы
в продуманной волчьей лисиности
прикрываются справочкой о невесесильности.
Убежал бы я в лес,
полежал на траве бы я
и ни с кем не боролся,
да вот не выходит никак.
Невесесильность для трусов — комфорт.
Невесесильность для сильных — трагедия.
Хвост Жар-птицы в руках
и бессмысленный хруст в кулаках.
Невесесильность для сильных больней,
чем бессилие полное.
Жаль колен,
если ты за обманчиво радужным перышком полз.
Непристойно себя утешать
принесом посильную пользу,
если трусость
под знаменем так называемых «маленьких польз».
Несвершение менее горько,
чем четвертьсвершение:
ведь оно четвертует
природного замысла суть.
Четверть правды есть ложь.
Полуправда — обман, совращение.
Правды девять десятых
способны и то обмануть.
Но когда невесесильность,
себя осознавшая горестно,
непосильную правду
берется тащить на спине,
то всевидящ Бетховен глухой,
и крылатка на Гоголе горбится —
два всесильных крыла
прорастают в акцизном сукне.
Нет всецело всесильных,
а есть лицедеи, которые нас обмишулили.
Зверобой и ромашка
поддельно всесильных лекарств поценней.
Панацеи любые

внимательно проанализировать положение, станет ясно, что рост связан не столько с повышением производительности труда, сколько с вводом новых мощностей, привлечением дополнительных трудовых ресурсов. То есть говорим об интенсификации, а сойти с экстенсивного пути развития никак не можем!

В то же время основной техникой объединение «Экибастузуголь» обеспечено в достатке. Но как она применяется? Коэффициент использования одноковшовых и роторных экскаваторов чуть больше 0,5. Иначе говоря, половину рабочего времени простаивают. Этот показатель у нас хуже, чем, скажем, в объединениях «Кемеровоуголь», «Востсибирголь», «Красноярскуюголь». Та же самая картина и в использовании локомотивов, буровых станков.

Может, техника плохая — конструктивно несовершенная, изготовленная некачественно? Трудно предъявлять кому-то претензии, пока сами во многом виноваты. Достаточно привести такие цифры: только

8 процентов аварийных простоев экскаваторов происходят по вине конструкторов и изготовителей. Почти 70 процентов потерь рабочего времени лежит на совести горняков: неважная организация труда, слабая технологическая и трудовая дисциплина, несоблюдение правил эксплуатации техники и плохой ремонт. Таковы выводы наших же специалистов. Хочу обратить внимание: все названные причины полностью зависят от отношения людей к делу. От квалификации, ответственности, дисциплины, профессионализма. Вот где почти нетронутые пласти резервов эффективности! И, конечно же, в правильной организации труда.

Несколько лет назад наша бригада предложила работать по-новому — методом бригадного подряда. Мы заняты внешне не очень видной работой: укладываем в отвал вскрышку — пустую породу. Но от нас, как и от вскрышных бригад экскаваторщиков, зависит очень многое — своевременная и качественная подготовка фронта работ для очистных бригад, тех самых,

которые добывают уголь. В нашем хозяйстве самое слабое звено — подъездные пути. Железнодорожное полотно было постоянно в плохом состоянии, из-за этого вагоны с породой чуть не каждый день сходили с рельсов, задерживались перевозки. Ремонтом занимаются путейцы, но профессия эта малоинтересна, непрестижна. Поэтому и людей у них не хватает. Как быть? Мы и предложили взять под свою ответственность содержание четырех километров подъездных путей, соответственно подготовив экскаваторщиков к совмещению профессий. Записали это в подрядном договоре с администрацией.

Идея бригады встретила понимание и поддержку со стороны руководителей разреза «Северный», где мы работаем. Но... только на первых порах. О чём речь? Перед бригадой стоят четко определенные задачи на день, неделю, месяц. Исходя из них бригадир планирует количество людей, расставляет каждого на нужный участок. Однако приходит начальник участка и рушит все бригадные планы, забирая горняков на

В ПРОВОДАХ — 1150 000 ВОЛЬТ.

другие работы. Может, эти работы и впрямь срочные, но бригаде-то от этого не легче!

Нашему примеру последовала бригада экскаваторщиков Т. Ариева — заключила подрядный договор. Вначале тоже повысила показатели. А вскоре выполнение норм выработки упало до 50—70 процентов... В чем дело? В несогласованности действий железнодорожников и инженерной службы разреза: «забыли» согласовать график ремонтных работ и тем самым обрекли бригаду на простой. Нужен порожняк, а его нет: где-то как раз идет ремонт станционных путей, стрелочных переводов.

Но план-то бригаде никто не снижал, договор на подряд не отменял! Чтобы погасить задолженность, экскаваторщики вынуждены были грузить породу и в те дни, которые по графику отводятся на профилактику механизмов. Месячный план бригада вытягивала ценой дополнительных рабочих дней. А из-за отсутствия профилактики порой возникали даже аварийные ситуации. Бригадир и сам понимает, что такая практика никуда не годится. Но как же получается, что подрядные бригады вынуждены идти на нарушения, чтобы выполнить договор? Объясню: за невыполнение условий договора горняки расплачиваются рублем из своего кармана. Администраторы, инженерные службы не несут практически никакой (кроме разве моральной) ответственности за исполнение взятых обязательств по отношению к бригаде. Что я имею в виду? Прежде всего инженерную, технологическую подготовку производства. Нужно подготовить фронт работ, обеспечить бригады запчастями, не отвлекать их на незапланированные работы, увязать графики работы экскаваторщиков и железнодорожников... Заметьте: я говорю о тех проблемах, **которые должны решаться на месте**.

...Бригадный подряд не очередной модный почин. Лицо я связываю с ним все то, о чем говорил выше: повышение ответственности, дисциплины, квалификации. Но такое возможно лишь в том случае, если подряд перестанут считать делом только рабочих коллективов. Дескать, подписали договор, а там они как хотят, так пусть и выполняют.

Сейчас при горкоме партии создан координационный совет, который анализирует контрольные цифры на пятилетку. Главная задача совета — перевести трудовые коллективы на рельсы интенсификации, научно-технического прогресса, на использование внутренних резервов. Один из них — совершенствование бригадного подряда, внедрение подлинного хозрасчета. Это то звено, «потянув» за которое мы можем резко поднять многие экономические показатели.

В общем, наши «внутренние» проблемы — нам садим и решать. Я вспомнил о них, чтобы показать: мы свои недостатки видим, знаем, говорим о них, не стесняясь. Пора, когда мы мирились с ними, прошла. Мне бы теперь хотелось обратить внимание на то, что силами одних экибастузцев решить невозможно.

Наш город, образно говоря, стоит на угле. Но не только же ради угля живет и работает здесь человек! Ему необходимы современные дома, дворцы культуры, кинотеатры, магазины... И многое другое, что предусмотрено комплексной программой развития региона. Однако именно комплексности у нас нет. Министерства, большие и малые ведомства стремятся «вырвать» свои объемы, свои объекты, не считаясь с нуждами города. Между строительством производственных мощностей и объектами соцкультбыта образовалась огромная диспропорция по вине прежде всего головных министерств — Минэнерго и Минуглепрома. Сегодня обеспеченность экибастузцев объектами социально-бытового и культурного назначения составляет только половину от общепринятых нормативов! Вот это тормозит развитие ЭТЭКа, рождает дефицит и текучесть кадров.

Приведу примеры. В прошлой пятилетке комбинат «Экибастузшахтстрой» недодал к плану 35 тысяч квадратных метров жилья, два детских сада на 480 мест, школу на 1668 мест, несколько магазинов, столовых... Похоже, о людях забыли в Минуглепроме, других ведомствах, причастных к развитию Экибастуза. Щедро вкладывают миллионы в промышленное строительство, и по крохам отпускают на все остальное. Неужели такое отношение к горнякам не изменится?

Насколько я знаю, подобные беды стали прямотаки отличительной чертой почти всех молодых городов-новостроек. Кажется, всеми уже давно признано: хороший быт — основа хорошей работы. Ни в одном министерстве не найдешь работника, который откровенно ратовал бы за бытовую неустроенность жителей индустриальных центров. На словах-то все за создание людям надлежащих условий жизни. А на деле вспоминают об этом в последнюю очередь.

Забывают не только о людях... Хотел бы коснуться и некоторых экологических проблем — они нас тоже очень тревожат. Как мы хозяйствуем на земле? Как

**СЕМЕЙНЫЙ ЭКИПАЖ ЭКСКАВАТОРЩИКОВ —
АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
и ВЛАДИМИР ПОЛТОРИСТОВЫ.**

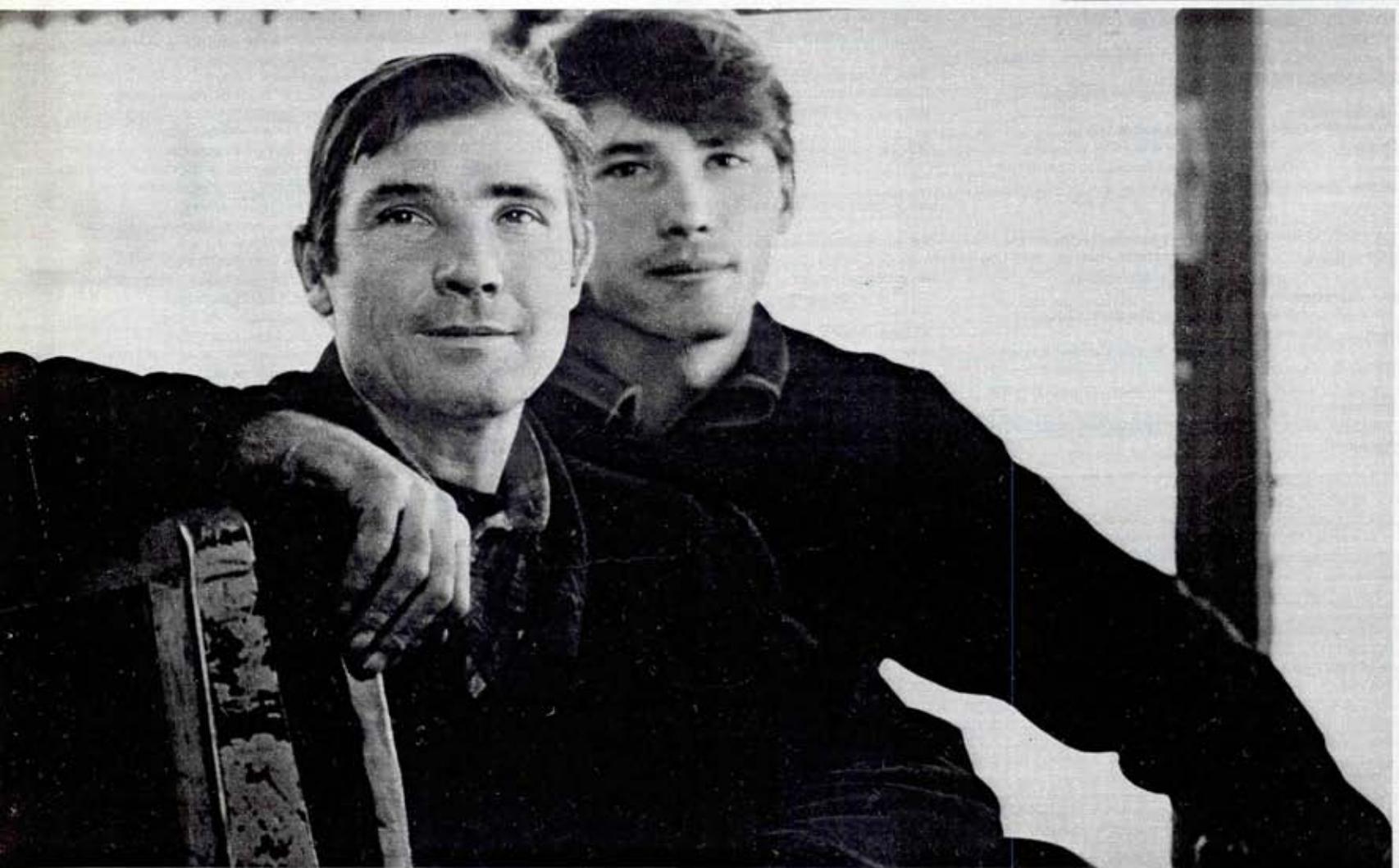
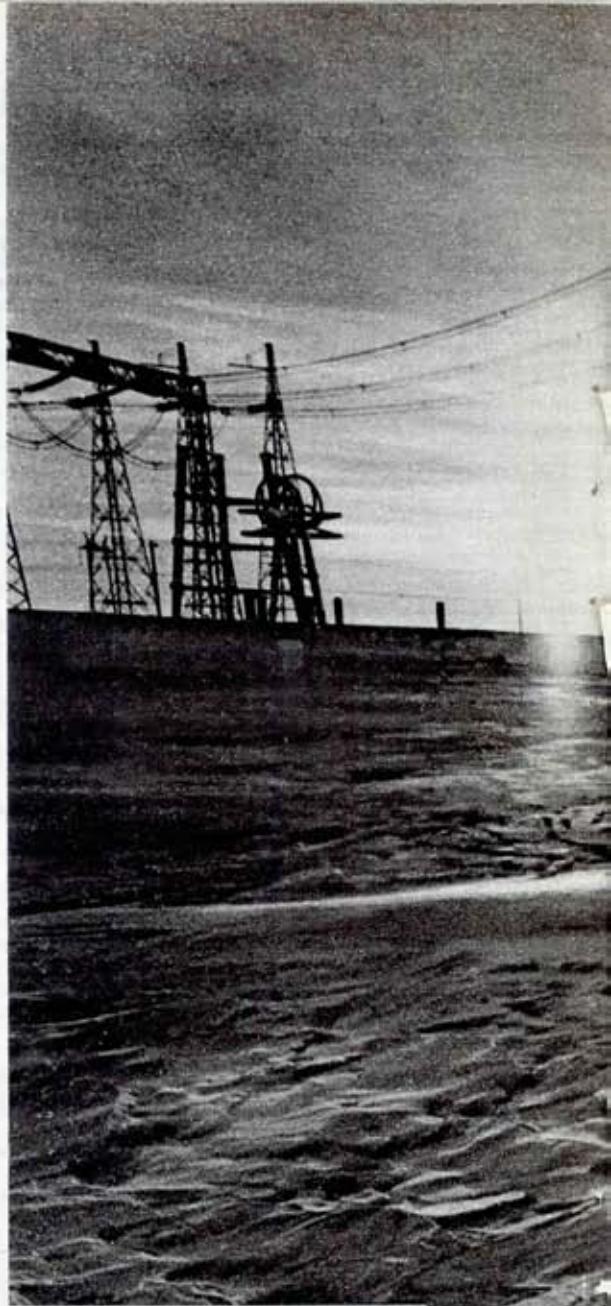

СХЕМА РА

распоряжаемся тем богатством, которое сохранено для нас коммунистами первых лет революции?

На одном из совещаний в Павлодаре, нашем областном центре, выступал ученый из Ленинграда. Приводил такие данные: из-за различных недоделок, неправильной эксплуатации систем золоудаления с золоотвалов Экибастузской ГРЭС-1 вынесено в стель не менее двух миллионов тонн золы, оставшейся после сжигания добывшего нами угля. А сколько ее выпадает через трубу ГРЭС? А что будет с вводом в действие второй станции..

Я не специалист по экологии. Но я живу в Экибастузе и хорошо знаю, что нужны срочные меры по защите природы — и людей! — от вредного воздействия отходов производства. Работники Минэнерго пора бы перестать мыслить узковедомственными, чисто практическими интересами. Крепко задуматься: а что мы оставим после себя? Безжизненную пустыню?..

Кстати, и с точки зрения практических интересов также зола могла бы приносить не вред, а пользу: она может применяться в качестве добавки к цементам при изготовлении плотных и ячеистых бетонов, шифера и других стройматериалов. А главное, для получения глинозема, необходимого при производстве алюминия.

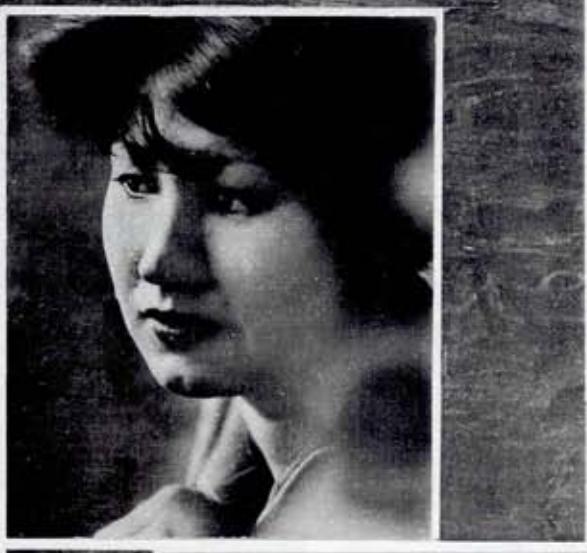
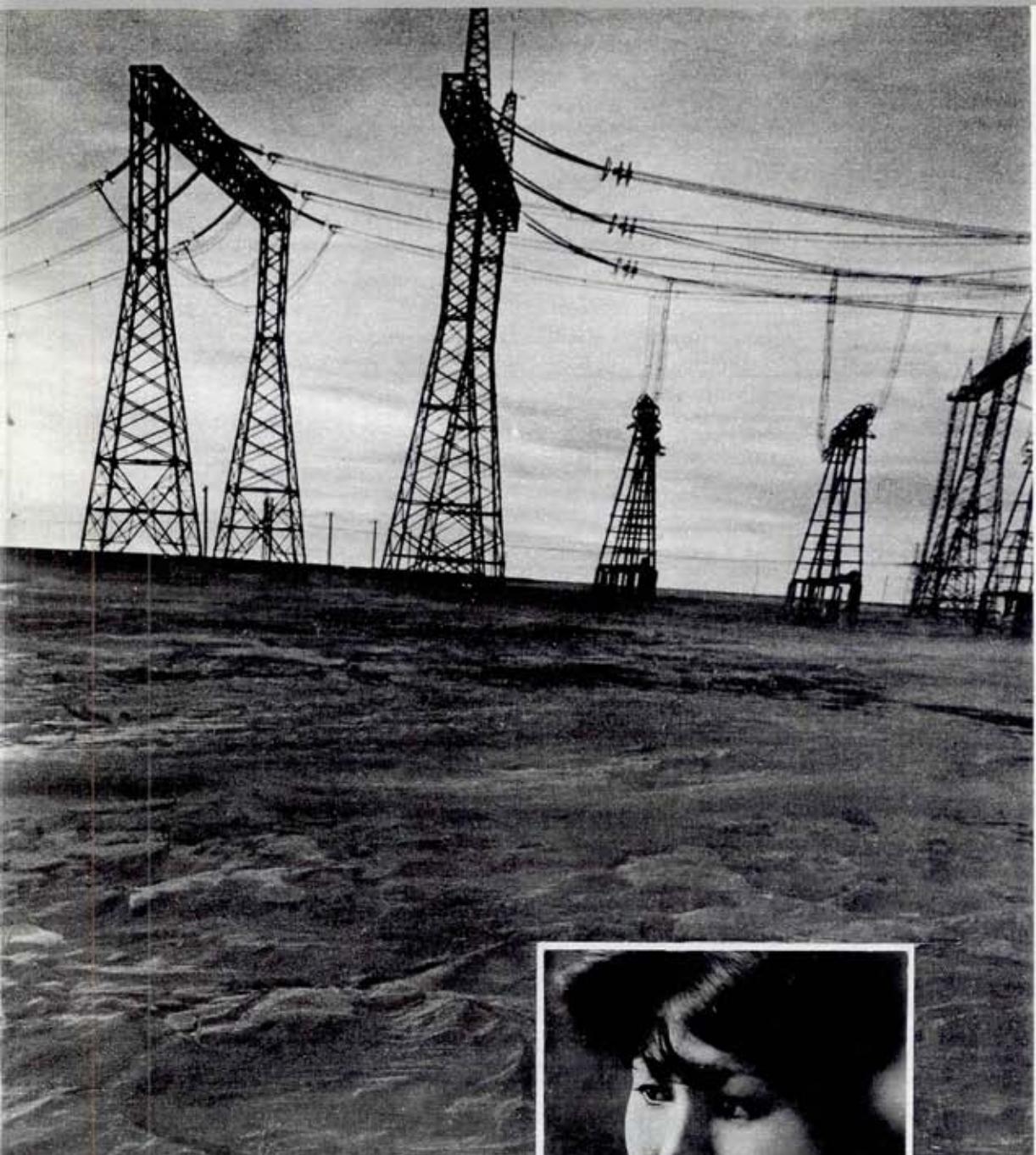
А горная порода, которую наша бригада укладывает в гигантские отвалы? Это же не отходы, как принято считать, а бесценный источник всевозможного сырья, годного для производства аглопорита — пористого заполнителя легких и огнеупорных бетонов, для производства строительной керамики, выплавки кремнеалюминия... Чтобы взять это богатство, не надо расходов на геологоразведочные работы, строительство шахт, карьеров, подъездных путей.

Ученые давно говорят: необходима комплексная переработка вскрышной породы, золы и шлаков экибастузских углей. Они нужны и для развития отраслей Павлодар-Экибастузского территориально-производственного комплекса — цветной металлургии, выпуска ферросплавов и строительных материалов. Есть отдельные — и удачные — опыты переработки экибастузских отходов. Но дальше этого дело пока не пошло. Почему никто всерьез не взялся за глубокую переработку отходов, защиту природы?

Сказывается то, что на узком «плацдарме» столкнулись интересы двух десятков министерств. И ни одно не захотело брать на себя ответственность за судьбу всего ЭТЭКА. Но есть орган, стоящий выше ведомственных интересов, на страже государственных — Госплан СССР. Его веское слово в решении жизненно важной проблемы сегодня крайне необходимо Экибастузу.

ОТ РЕДАКЦИИ. Делегат XXVII съезда КПСС знатный горняк Анатолий Зеленков из Экибастуза поднял в своей статье ряд острых проблем, касающихся развития одной из важнейших отраслей народного хозяйства — угледобычи. Мы ждем от руководителей Минэнерго и Минуглепрома СССР конкретных, деловых ответов на поставленные вопросы.

**МАРГАРИТА БИКБАЕВА
УПРАВЛЯЕТ
СЛОЖНЫМИ ПРИБОРАМИ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.
ПУРГА НАЧИНАЕТСЯ...**

Павел ЕМЕЛИН,
специальный
корреспондент «Смены»

акие планы у райкома на субботу и воскресенье?

Вачаган Сафарян, секретарь Спандарянского райкома комсомола Еревана, смотрит на меня, словно хочет удостовериться: в шутку или всерьез я задаю вопрос.

— Но ведь это выходные дни, молодежь отдыхает...

— Вот и хотелось бы узнать, как райком ей в этом помогает.

Каюсь, испортил я своим вопросом настроение Вачагану. Он сразу сник, прикрыл. Но тут на помощь ему пришел Мартин Урихян, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Ереванского горкома ЛКСМ Армении. Весьма доходчиво, на личном примере он объяснил, что комсомольские работники тоже люди и у них есть семья, дети, родственники, а значит, в выходные дни они тоже имеют право заняться личными делами, отдохнуть.

Говорить ответственным комсомольским работникам большого города о специфике их работы как-то даже неудобно. Да и к чему этот отвлеченный спор? У нас еще будет конкретный повод вернуться к нему.

Субботний вечер. Подходим к Дворцу культуры Канакерского алюминиевого завода.

близить юношей и девушек к очагу культуры, чтобы потом не искать, не звать их, не тянуть сюда на аркане.

На следующий день, в воскресенье, я побывал во Дворце культуры, который принадлежит научно-производственному объединению «Наирит». Картина, увы, такая же: полупустое, не очень приветливое к редким посетителям здание. Правда, тут работает зал игровых автоматов, открыт буфет. Но главное мероприятие опять кино (в зале, куда заглянул во время сеанса, сидело человек 15, не больше).

В общей сложности в этом дворце, как сказал его художественный руководитель С. Т. Акопян, занимаются 1788 человек, больше половины — молодые люди, комсомольцы, причем не только работники «Наирита». Дворец едва ли не единственный культурный центр Ленинского района Еревана, района, где немало промышленных предприятий. Проводят здесь и комсомольские мероприятия районного масштаба. Вот бы и в организации свободного времени объединиться комсомольскому активу и культпросветчикам, общими усилиями прогнать скучу из стен дворца.

Словно угадав мою мысль, Степан Тигранович рассказал о молодых энтузиастах, которые как раз и занимаются организацией досуга молодежи. В декабре прошлого года ребята встретились с писательницей Анаит Секоян, провели безалкогольный новогодний вечер. Первые, робкие шаги. Хотелось подробнее узнать об этой «инициативной группе», но Акопян только развел руками.

тета комсомола, и заместитель, и худрук дворца. Знают, что его зовут Роберт, а вот фамилию забыли. Что это, издержки памяти или провалы в воспитательной работе? Судите сами.

Шестой час вечера, а «хорошего работника» все еще нет. Где он, что с ним, никто не ведает. Не нашлось и ключа от красного уголка. Зато кое-как удалось открыть комнату, где на столе, на самом видном месте, лежал испытанный от руки листок — план культурно-массовой работы в общежитии. И подпись — Роберт Меликян.

— Ах, Меликян! — сразу вспомнили мои спутники, будто в фамилии все и кроется. Содержание плана их почему-то не интересовало.

Обсуждение книги, вечер отдыха, турнир по народам, шахматный турнир, коллективное посещение кинотеатра... Появляло че-то родным, знакомым еще со школьных лет. Что и говорить, намеченная культурная программа больше подходит для учеников младших классов, чем для взрослых людей.

Но вот действительно очень важный в сегодняшних условиях пункт плана: лекция о вреде алкоголизма. Бессспорно, такие лекции нужны, и не только лекции. Нужны интересные встречи, викторины, увлекательные экскурсии, походы. Но как тогда увязать этот пункт плана с тем страшным, трагическим случаем, который произошел здесь, в общежитии «Наирита», на кануне?

Буквально вчера, в воскресенье, погиб молодой парень. Погиб нелепо — по пьянке. Делать было нечего. Собралась

купить местные. А где еще, скажите, танцевать ереванским юношам и девушкам?

Есть дискотеки во дворцах культуры, но одни танцзалы работают от случая к случаю, лишь в дни массовых праздников, другие вообще бездействуют. К примеру, дискотека во Дворце культуры КанАЗа долгое время закрыта на реконструкцию. Этим летом публику хотят удивить поющим фонтаном, а пока же из пола торчит не очень музыкальная, как сухая ветка, водопроводная труба. Поэтому-то и приходится подросткам «танцевать» в узком коридорчике у билетной кассы.

— Молодым у нас некуда пойти вечером, — горячо говорит генеральный директор Республиканского центра эстетического воспитания Г. С. Игитян. — Я предлагал только силами нашего Центра создать десять мест отдыха в городских кафе, но...

Наверно, Генрих Суренович несколько сгущает краски. Есть в Ереване театры, концертные залы. Но все же очень жаль, что его инициатива не нашла поддержки.

Лично у меня в Ереване был прекрасный вечер: попал на спектакль камерного театра, которым руководит Ара Ердякян. Мне здорово повезло, ведь билеты в этот театр продаются за месяц вперед, и ходят сюда в основном молодежь.

В спектакле, который я смотрел, заняты всего лишь три актера, а ощущение такое, словно ты слышишь тревожные, отчаянные голоса людей всей Земли. Это не просто спектакль, а страстный,

СТРАСТИ ПО ДОСУГУ

ТЕРЗАЮТ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЕРЕВАНА, А КОМСОМОЛЬСКИЕ РАБОТНИКИ ГОРОДА НА УДИВЛЕНИЕ СПОКОЙНЫ...

У билетной кассы толкуются подростки — ждут начала киносеанса. Оказывается, ничего другого для них в этот вечер не предусмотрено.

— Приходите завтра, — приглашает нас заместитель директора Р. Д. Акопян. — Будет концерт нашей самодеятельности.

В тот же субботний вечер методисты оформляли большой красочный альбом, где отражены направления работы, основные достижения дворца. Что ж, гордиться есть чем: к примеру, самодеятельные танцоры и живописцы КанАЗа известны далеко за пределами Армении. Но сейчас речь о другом — о тех подростках, что толкуются в тесном, ходячном «предбаннике», и о тех, кто вообще не заглядывает во дворец. А таких, будем откровенны, немало.

— Да, — соглашается Рафаэл Давидович. — Мы видим резервы. Не все еще молодые таланты участвуют в работе дворца.

Открывать таланты нужно. Но для начала хорошо бы пошире открыть двери Дворца культуры. Открыть перед всеми, в том числе и перед «уличными» подростками. И не только ради того, чтобы могли погреться в фойе. И не только за тем, чтобы они попали на какой-нибудь интересный концерт. Но разве нельзя им прийти сюда просто так, ради культурного досуга, о котором мы все так печемся? В том же фойе, где сейчас в ожидании конца репетиции детского танцевального ансамбля скучают мамы и бабушки, можно, наверно, поставить столики с газетами и журналами, предложить настольные игры, повесить картины, фотографии... Да мало ли чем интересным и полезным можно занять молодых во Дворце культуры при минимуме штата и денежных средств — были бы только добрая воля и фантазия. Ведь это так важно — при-

— Вам бы поговорить с руководителем, но его нет, ведь сегодня воскресенье...

Казалось бы, самое подходящее время для клубной работы. Может, Гамлет Мурадян, руководитель молодежного клуба, кстати, сам культпросветчик, творит сейчас на своем рабочем месте, в Доме культуры поселка Норагавит?

Едем туда. На свежевыпавшем снегу ни следа. Клуб закрыт. И это в воскресенье?! Где же искать Мурадяна?

Вопрос о том, как комитет комсомола НПО «Наирит» сотрудничает с Дворцом культуры, вызвал легкую панику в рядах комитетчиков. «План...» — Секретарь комитета Альфиради Хумярян взглянула на своего заместителя. Альберт Исакян был «в курсе». «План во дворце», — невозмутимо сказал он.

Так, может, комсомольские вожаки и без шпаргалки знают, как идут дела? В общих чертах — да, а вот в деталях... Едва разговор коснулся молодежного объединения, как Альберт встрепенул: «Хотите познакомиться с руководителем? Минуточку! Ну, думаю, наконец-то увижу Гамлета.

Появился плотный, улыбающийся молодой человек в спецовочной телогрейке.

— Михаил Сарафян, — представился он, — мастер КИПа, председатель клуба интернациональной дружбы.

Как говорится, Федот, да не тот.

Подобный казус произошел и в общежитии, куда мы направились прямо из кабинета директора Дворца культуры А. Н. Нагапетяна. Работники дворца, как сказал директор, были там совсем недавно, помогли составить план, организовали вечер отдыха.

— Как нам найти воспитателя? — спрашиваем.

— Сейчас придет.

«Хороший работник», — в один голос хвалили воспитателя и секретарь коми-

«веселая» компания, появились водка, шампанское. В комнате стало душно, и парень вышел на балкон проветриться... Впрочем, по этому делу ведется следствие, оно установит и все обстоятельства ЧП, и юридических виновников. Но уже сейчас бессспорно можно сказать, что тяжкая вина ложится и на комсомольских активистов «Наирита», которые не закрыли путь пьянке в свое общежитие. Этот страшный случай служит укором и тем комсомольским работникам, которые хотят отдохнуть, «как все».

Комсомольские вожаки — об этом четко и ясно сказано в партийном постановлении по комсомолу — должны чаще бывать там, где молодежь проводит свое свободное время — в клубах, в общежитиях. И приходить сюда они должны не почетными гостями, не наблюдателями, а организаторами. Тогда уж не перепутаешь руководителей молодежных объединений и не забудешь фамилии воспитателя.

«А где вы проводите субботу и воскресенье?» — спрашивал я комсомольских работников, с которыми встречался в Армении. В ответ слышал: «Дома, в кругу семьи». Может, мне просто попадались домоседы? Нет, уверяли меня вожаки, дома предпочитают отдохнуть все молодые люди. Такова, дескать, здесь традиция. Молодой человек, мол, лучше посидит целый вечер с шахматной задачкой, чем пойдет в дискотеку.

Жил я в гостинице при Дворце молодежи и удостоверился, что и в Ереване молодые танцуют, как и везде. Более того, гости, приехавшие по туристическим путевкам из других городов (был такой разговор с ребятами из Жданова Донецкой области), жаловались: трудно попасть в субботний или воскресный вечер в дискотеки (их тут не одна) дворца — почти все билеты заранее за-

до предела откровенный публицистический диспут, в который вовлекается и зритель. Недаром после спектакля молодые люди не спешат расходиться, вступают в спор друг с другом, с актерами и режиссером — они готовы к такому диалогу.

История этого театра, который из студенческого, любительского превратился в профессиональный, не потеряв своего задора и свежести — лучший пример того, что могут энтузиасты при поддержке комсомола.

Но даже самые яркие театральные впечатления не в силах перевесить неутешительного итога от знакомства с досугом ереванской молодежи. Скука в клубах, о которой уже столько сказано, здесь, в столице республики, известной своими культурными традициями, особенно нетерпима.

— Эх, приехали бы вы к нам осенью, когда мы проводим праздник города, — с сочувствием сказал секретарь Ереванского горкома комсомола Вардан Петросян. — Вот когда у нас настоящие веселье! Концерты, выставки под открытым небом, песни, пляски, канатоходцы, бывают фонтаны...

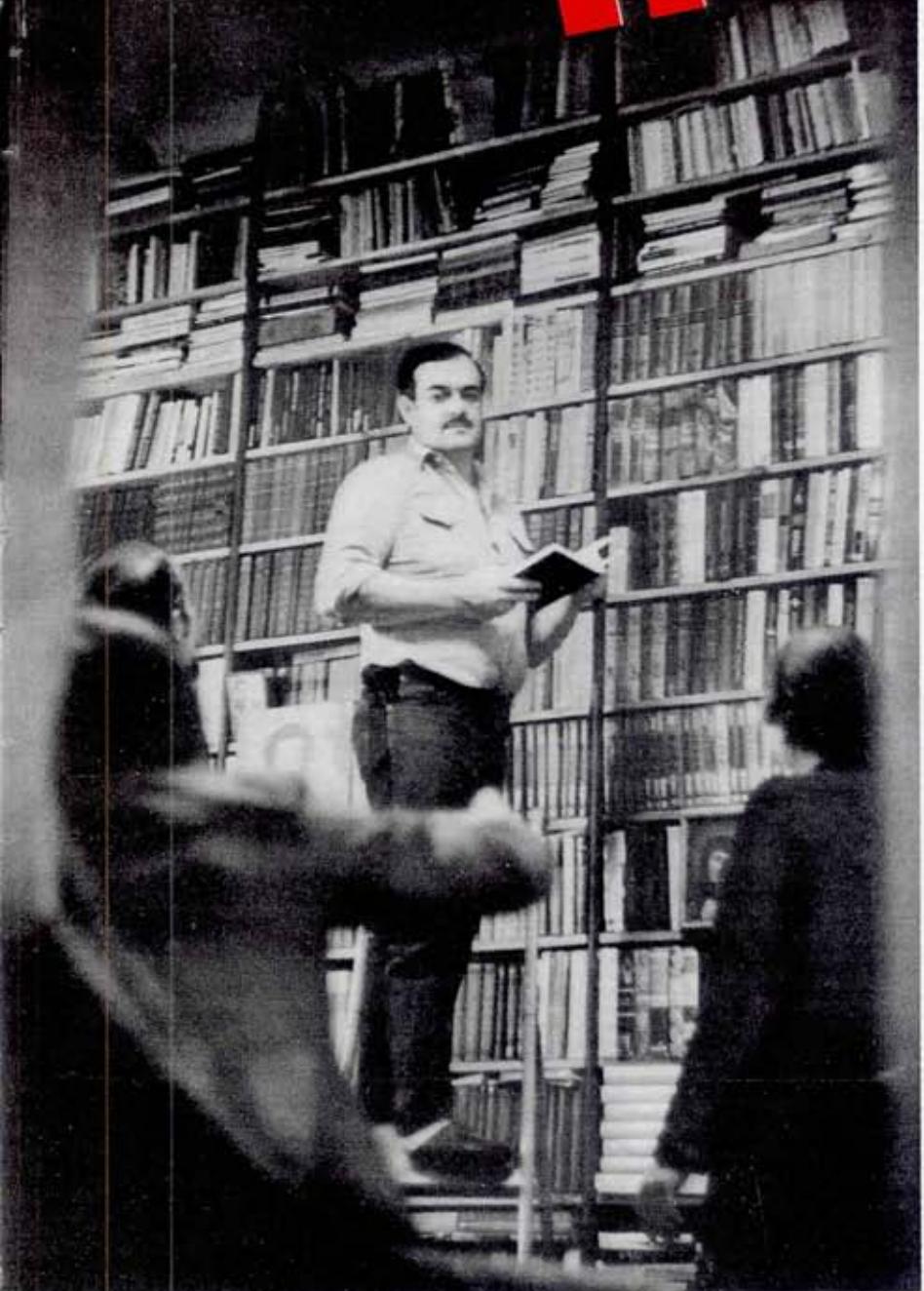
Да, Ереван — город тысячи фонтанов. Но почему-то не идет из памяти тот обрубок трубы, который видел во Дворце культуры. В нем, как в капле воды, отражается вся рутинна клубной работы. Неужто так и будут комсомольцы ждать погоды у фонтана?

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуйте этот материал, мы надеемся, что на него откликнутся комсомольские активисты, работники культуры, все, кого волнуют проблемы досуга молодежи. Напишите нам, как организован досуг в вашем городе, поселке? Что нужно сделать, чтобы молодежь могла интересно, с пользой проводить свое свободное время?

Ждем писем!

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

ДАМТЕ ПОСЧИТАТЬ!

личное ли дело личная библиотека? Не будем торопиться с категорическим «да» или «нет», обратимся прежде к статистике. Вот цифры для размышления. Пять миллиардов книг хранятся в фондах массовых библиотек страны, а почти сорок (!) миллиардов — у нас дома. Выборочная проверка ряда массовых библиотек показала, что 23 процента книг лишь раз увидели своего читателя, а 17 процентов книг не видели его вовсе.

Сколько же томов в личных библиотеках в таком случае ни разу не открывали

В КНИЖНОМ КЛУБЕ ВАЛЕНТИНА АБДАЛОВА.

лис (а может, и не откроются никогда)? Точных данных на этот счет, увы, не существует. Потому что, признаем очевидное, иметь или не иметь дома книжное собрание, как его комплектовать и использовать — дело сугубо личного вкуса. «Не шарп по полкам жадным взглядом — здесь книги не даются на дом» — не знаю, как вам, а мне доводилось видеть сие строгое предостережение. Прочтешь такое — и где уж там на полку смотреть, из квартиры книговладельца бежать хочется. Но и там, где

СОРОК
тысяч
книголюбов страны
превратили свои личные
библиотеки в общественные. А вы,
уважаемые читатели, не последовали их примеру?

алляповатого плаката нет, бесценные тома годами остаются непрочитанными.

Вот и получается, что факты нашего бытия вступают в противоречие с идеями, заложенными в книжное дело просветителем и первопечатником Иваном Федоровым, полагавшим, что книга непременно должна «духовные семена по Вселенной рассеивать». Вот с этой точки зрения — как явление в жизни общества, как главный банк мудрости, опыта, накопленного предыдущими поколениями — личная библиотека представляет интерес не только для ее владельца.

Всем известно, что хороших книг не хватает. Не только в магазинах, но и в массовых библиотеках. Исходя из этого, Всесоюзное общество книголюбов и решило провести специальный смотр на лучшую личную библиотеку, открытую для общественного пользования.

Прав был Гюго, утверждавший, что книгопечатание само по себе содержало зародыш всех революций. В том числе и в человеческом сознании. Никто, наверное, не сможет сказать, когда и где открылась для соседей, сослуживцев, просто знакомых первая личная библиотека. Но всесоюзная перепись таких библиотек стала возможной лишь недавно, когда явление приобрело массовый характер. Смотр подтвердил: около сорока тысяч человек решили больше не пользоваться своими книжными богатствами в одиночку.

— В нашей стране рождается новая форма использования книги, — заметил по этому поводу ученый с мировым именем академик И. В. Петрянов-Соколов, — я бы назвал ее социалистической формой книгопользования.

Одного из постоянных посетителей такой библиотеки в Шахтинске, город-спутнике Караганды, спросили, почему он идет именно сюда, в квартиру к Варваре Михайловне Поповой. Ведь государственная библиотека находится не так уж далеко от дома. Все дело в том, ответил тот, что людям сейчас нужна не только книга, но и разговор о ней, о литературе, а значит, и о жизни.

Исследования группы социологов Государственной библиотеки имени Ленина показывают, что престиж библиотек, как это ни печально, падает, что библиотекарь постепенно из всезнающего «лоцмана в книжном море» превращается в простого раздатчика книг. Самы библиотекари сокрушаются по этому поводу: «Беда в том, что нашу работу оценивают лишь по количеству выданных книг и «оживленных» жителей района, в котором расположена библиотека».

Домашние библиотеки, судя по всему, успешно заполняют образовавшийся вакuum. Очевидное их преимущество еще и в том, что хозяева домашних библиотек собирают их по определенному принципу.

Например, мастер цеха ремонта Марийской ГРЭС в Туркмении Павел Васильевич Ладысов покорен научной фантастикой и исторической литературой. Москвич Владимир Николаевич Кирпичков собирает книги о Героях Советского Союза. Вениамин Александрович Разумов из Горловки собрал тридцать одну книгу серии ЖЗЛ. Жителя Херсона Валентина Гасановича Абдалова, моряка по профессии, интересуют книги по истории религии, поэзия всех времен и народов и, разумеется, проблемы мореплавания...

Существует свыше двухсот направлений книгособирательства. По пристрастиям формируется и читательская аудитория.

— У вас постоянные читатели. Гарантирует ли это вашу библиотеку от забывчивых людей? — спросил я Валентина Абдалова.

— О постоянных речи нет, — ответил Абдалов, — но вновь пришедшие доверие не всегда оправдывают...

Валентин не любит об этом говорить. Но я уже знаю: за год украдено у него около сотни книг. Количественно — небольшая потеря: у Абдалова более трех тысяч томов. А в душе — боль.

Понятен вопрос: как можно попросить хорошую книгу у незнакомого человека? С какой стати он ее даст? Система организации библиотечного дела у Валентина Абдалова, кстати, одного из лауреатов Всесоюзного смотра личных библиотек, оказалась простейшей:

— Сначала поговорю с человеком, и если вижу, действительно интересуется литературой, отказа не будет.

У многих «домашних библиотекарей» налажена четкая система учета, аналогичная той, что применяется в библиотеках государственных. Думаю, заинтересует кого-то и опыт Латвии. Здесь в республиканском обществе книголюбов действует система «бесфондовых библиотек». Например, рабочие Елгавского машиностроительного завода, желающие открыть свои библиотеки для других, объединяются в группы и выбирают общественного библиотекаря. У него постоянно находится сводный каталог книг, которые каждый из участников может дать почитать другому. Экземпляр такого каталога хранится в заводской библиотеке. Таким образом, каждый желающий может заполнить специальную заявку и получить нужную книгу сроком на двадцать дней.

Исследования сотрудников Библиотеки имени Ленина показывают, что 92 процента всех владельцев личных библиотек в большинстве городов и сел страны (анализ не проводился в крупных городах) с удовольствием дают почитать свои книги друзьям и соседям. А если учсть, что за всю жизнь человеку удается прочесть всего лишь полторы — три тысячи книг, то понятно: «социалистическая форма книгопользования» значительно облегчает каждому из нас поиск своих «золотых» томов.

ОСОБЫЙ ДЕНЬ

Социологический анализ «Смены»: девять парней одного призыва

Несколько месяцев назад «Смена» проводила в армию девятерых витебчан. В течение всей их службы мы будем рассказывать о том, как складывается армейская судьба каждого. Сейчас за их плечами первые испытания, первые трудности, первые победы над собой, своими слабостями. Сейчас они уже не новички—свои люди в армейском строю...

ГЛАВА II

Pота на полевом выходе.—лихо отчеканил дежурный и, отняв руку от виска, добавил:—Будет скоро Имущество сдают. Сутки, считай, воевали.

В пустой казарме непривычно тихо и от этого неуютно. Звук шагов рикошетит о голые стены.

Решили ждать. Почти полтора месяца не видели нашу девятку. Соскучились. Из писем знали, что у ребят все нормально. Постигают десантные науки, целыми днями на стрельбище, в поле, на тренажерах. А еще строевая, физподготовка... Устают. Когда в учебный центр привозят фильмы, спят друг у друга на плече.

В общем, обычное явление—адаптация. Как-никак, армия резко перекрывает жизненный уклад людей, обрушивает на них такие физические нагрузки, что человеческому организму приходится мобилизовывать все свои резервы. Спустя какое-то время вырабатывается привычка к жесткому распорядку дня, накапливаются внутренние ресурсы. Принарывают к нагрузкам мускулы, люди крепнут духовно, все прочнее оседает в сознании армейская обязательность. Смысл ее в том, что ты должен сделать то, что никто не сделает за тебя. Например, должен встать, мгновенно сняться с постели, пробежать три километра, не отстав от других, сделать шесть раз подъем переворотом на перекладине... Или проползти до вон того пригорка по глубокому снегу, окопаться, застыть в неподвижности и ждать столько, сколько нужно... Или по зуммеру подняться с места и, оттолкнувшись, уйти с парашютом в голубую холодную бездну... Их много, этих «или». И все сам. Все!

...КЛЯНУСЬ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ,
ХРАБРЫМ,
ДИСЦИПЛИНИРОВАННЫМ...

ВОТ НАШИ ГЕРОИ:
(СЛЕВА НАПРАВО)—ЖИВОДРОВ,
СМЕТАНИКОВ, ФИЛИНОВ,
СТОЯТ—КАПЕШКО, НАУМОВ,
АПАНАСЕНКО, КОВАЛЕВ.
МИХАЙЛОВ
НАХОДИЛСЯ В НАРЯДЕ.

ТАК ДЕСАНТИКИ
ТРЕНИРУЮТ
ВЕСТИБУЛЯРНЫЙ АППАРАТ.

Из писем мы в редакции узнали: одного из девятерки, Архиповского, послали учиться на военного повара. Выучится—вернется в полк. Снова все «наши» будут рядом. Все девять. Не думаю, что Архиповский поехал туда в надежде на легкую службу в дальнешем. Военный повар—тот же боец, но спрос с него особый.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«СМЕНЫ»

Когда другие еще спят, он уже крутится возле кухни. Он с батальоном и на учениях, и десантируется вместе со всеми... Впрочем, вернется Архиповский — тогда и расскажем все обстоятельно.

...Услышали роту издалека. Когда сотня людей впечатывает шаг в землю, дрожь пробегает по стенам домов, звянят в тakt стекла в рамках.

Вот они «наши» — Андрей Наумов, Сережка Капешко. А вон и Федор Филинов, Олег Сметаников, Сергей Ковалев... Похудели, лица обветрены... Еще бы, почти сутки на лыжах, с полной боевой выкладкой за спиной. Такой, комплексный, выход у них первый. Они так и переполнены впечатлениями. А главное, все выдержали.

Разделились, сдали оружие, отдохнули.

ТРОПАМИ ПОЛИГОНА.

— Ну, рассказывайте. Как, что? Про выход. Про все.

Начал Наумов. Андрей — не формальный лидер в девятке. Впрочем, формальный тоже — избран группомсопромом взвода.

— Привыкаем. Втягиваемся. Первые две-три недели было особенно трудно. За день выматывались так, что только бы до подушки добраться. Много стреляли, бегали, занимались физподготовкой, укладкой парашютов, словом, все, как положено. Помогали друг другу. Хорошее дело — дружба. Бывает, взгрустнется, о доме вспомнишь, о девушке своей, а тут кто-нибудь из ребят: «Что за

НА СТРЕЛЬБИЩЕ.

настроение, товарищ Наумов, отставить вешать нос..."

Полевой выход многое дал в плане самопроверки. Попробуй пройди 40 км с двадцатью килограммами выкладки. И не просто пройди, а атакуя, обороняясь, меняя направления, устраивая засады, завалы, незаметно подкрадываясь к «противнику». Нет, полтора месяца даром не прошли.

Где-то в середине пути один из бойцов взвода сдал. Обессиленный, привалился к кусту: «Все, не могу больше. Надо отдохнуть». Капешко взял его рюкзак, Наумов — автомат. Двинулись дальше. Отставать нельзя. Время фиксировалось по последнему. Завершающие километры шли на «втором» дыхании. Труднее всех было Аланасенку. На «гражданке» Михаил на лыжах не ходил. Его учили лыжной технике прямо на марше, на укатанной лыжне. У Михаила вообще пока не все склеится. Не хватает уверенности в себе, самолюбия, наконец. Он «дольше» всех подшивает подворотничок, разбирает и собирает оружие, медлит с ответами на политзанятиях. Понятно, что не каждый наделен в равной мере реакцией, сообразительностью, житейской ловкостью. Но без этого в армии не обойтись, и если что-то не дано от природы, надо стремиться компенсировать это тренировкой.

Наверное, легче всех на выходе было Александру Живодрову. А ведь он испынял обязанности связного при командире роты. Часто приходилось перемещаться из хвоста в голову колонны и обратно. Спокойный, уравновешенный, отлично физически тренированный, Александр быстро и точно выполнял приказы, прошел весь маршрут без напряжения. В любую минуту был готов помочь товарищу. У него удивительная улыбка — немного застенчивая и очень добрая. Он и по натуре добр и доверчив. Но за этой покладистостью — железная воля, твердый мужской характер. Если он дал слово, пусть даже только себе, будьте уверены, сдержит.

— Саша, — спрашиваю, — какие качества в людях ты больше всего ценишь?

— Честность, верность, прямоту. Вот Федя Филинов, он всегда правду говорит в глаза. Его за это особенно уважают.

Филинов. В первые дни нашего знакомства этот парень не очень обнадеживал. Помню разговор с начальником цеха, где Филинов трудился до армии. Пришлось Федору выслушать немало упреков. Сказал ему тогда, что будешь писать все, как есть. Он кивнул и сказал: «Пишите». В армии он начал свою биографию, как говорится, с чистого листа. Ему не надо было что-то объяснять дважды, схватывал все на лету. Я смотрел его оценки: парашютно-десантная подготовка — «отлично», политзанятия — «отлично», стрельба — «отлично» и так далее. Внешне отнюдь не богатырского сложения, он, казалось, обладает двойным запасом энергии, бегает, без всякого усилия крутит подъем-переворотом. И все это с желанием и интересом. У Филинова открытый, добрый нрав, взрослая рассудительность, неугасаемый оптимизм.

Командир роты гвардии капитан Салават Мингалиев характеризует Филинова: «Отличный солдат, умелый, решительный, надежный во всех отношениях». Но если в армии он истинный Филинов, то, значит, там, в гражданской жизни, что-то с ним было не так. Что? Отсутствие контроля со стороны старших? Непонимание? Не знаю. Пока не знаю. Если у Федора и дальше все пойдет хорошо в службе, причины его юношеского инфантизма — предмет особых размышлений.

Впрочем, полтора месяца — срок немалый. Еще в Витебске я спросил у Олега Сметанникова, доволен ли он тем, что призываются в десантные войска. Олег ответил, что ему все равно. В этот раз я напомнил ему о том нашем разговоре. Олег закрутил головой: «Нет, теперь я свои войска ни на какие другие не променяю». «Но ведь ты не можешь сказать, что тебе здесь легко?» «Верно, зато в десантных интересно.

каждый день что-нибудь новое. Большие физические нагрузки — это же хорошо, я как раз боялся оказаться в оранжерейных условиях».

На зачетном пятикилометровом лыжном кроссе Сметанников уступил только Живодрову. Коренастый, широкоплечий, он, кажется, не знает, что такое усталость. Одного Олег не любит — холода.

...Курс молодого солдата заканчивался. Программа, которую должны освоить молодые бойцы, была исчерпана. Из штаба соединения прибыла комиссия проверить уровень подготовки молодого пополнения. Зачеты начались с контрольных политзанятий, своего рода первой военной сессии.

Сергей Капешко ответил один из первых, сам вызвался, получил «отл.» и сидел именинником. У него прекрасная память, хорошо развитая речь, цепкий житейский ум. Он запоминает со слов и может повторить объяснения командира едва ли не слово в слово. Сергей любит пофилософствовать, и порой в его манере разговора сквозит назидательность, что не всем по душе. Но это тот редкий случай, когда теория (в которой так сильны иные) опирается на конкретную материальную практику. За полтора месяца службы Капешко, плотник по гражданской специальности, смонтировал рамку к зеркалам, отремонтировал стойки для обуви (в расположении роты ходят в тапочках), пол в казарме. Его никто к этому не принуждал. Сергей сам напросился: «Руки по работе скучают».

Против фамилии Наумова проверяющий ставит рядом с «отл.»галочку. Ответ Андрея наиболее обстоятелен и точен. Наумову нравится история, вообще гуманитарные науки. За время карантина авторитет Андрея среди ребят упрочился. Что касается парашютно-десантной подготовки, Наумов может дать фору многим старослужащим, по всем остальным военным предметам он тоже на высоте. Если у кого-то из ребят что-то не получается, обращаются к Наумову: «Андрей, покажи». Сержант — тот все-таки командир, а Наумов свой, витебский парень, к тому же безотказный. Во многом благодаря ему наша девятка стала неразлучной, у Андрея талант на дружбу, к нему тянутся, ощущая нутром его открытость, человеческую душевную щедрость.

Накануне Нового года Наумов взялся организовать концерт художественной самодеятельности. Служба службой, а праздник надо отметить честь по чести. Среди молодых солдат нашлись пародисты, жонглеры, чтецы. Сам Андрей оказался мастером вокала, его «Городские цветы» имели шумный успех. Концерт не просто развлек ребят, он открыл им друг друга с неожиданных сторон, вернув им ощущение непосредственности, поведя чем-то уже начавшим забываться с «гражданки».

Вернемся к военным экзаменам. Отвечать перед Иваном Михайловым. «Ну, Михайлов, что такое храбрость и дисциплинированность?»

Иван молчит. Косит взгляд на Капешко. Тот бы и рад помочь, но с него не сводят глаз проверяющий.

— Храбрость — это когда человек проявляет мужество... — Длительная пауза.

Как-то спросил у Михайлова: «Представь, дали тебе на один вечер интереснейшую книгу. И еще досталась тебе в этот вечер пригласительный билет на дискотеку. Что выберешь?» «Дискотеку, конечно». Потом прибавил: «А вернусь — и книгу можно почитать».

Он понимает, что такое храбрость и дисциплинированность. Только не может точно выразить. Это не самый тяжкий грех, но и гордиться здесь особенно нечем. Есть понятия, которые солдат должен формулировать без запинки, пусть даже своими словами — воинская честь, долг, знамя, боевое товарищество... Все то, чем спаяна армия, что составляет ее боевую суть, ее гордость, нравственные устои.

Проверяющий захлопывает журнал — общая оценка взводу «хорошо».

Через десять минут рота выстраивается у казармы с оружием, переодевается для полевых занятий: теплые куртки, ватные брюки, валенки, трехпалые меховые перчатки. Мингалиев быстро проходит вдоль строя, цепким взглядом окидывает каждого солдата с головы до ног. Звонким тенором произносит:

— Сейчас зачетные стрельбы. Стрелять, как учили. Цель брать спокойно... Левое плечо вперед...

Сам ротный — впереди, как пружина легкий, быстрый. О Мингалиеве ходят легенды, будто он ребром ладони срезает, как бритвой, горлышико у бутылок, ногой рушит кирпичные стены, один устоит в рукопашной схватке против четырех. Что здесь правда, что вымысел, сказать трудно.

Но как-то в минуту откровения Мингалиев высказал следующее:

— Кто такой воин-десантник? Человек высокой морали, физически выносливый, владеющий основами рукопашного боя. Почтайте Владимира Карпова — что ни рейд в тыл врага, обязательно рукопашная схватка. А мы порой, уповая на технику, незаслуженно мало уделяем внимания личной физической тренированности солдат...

Проверяющий встречает подразделение на перекрестке дорог. И, не дожидаясь, когда подтянется колонна, внезапно командует: «Противник слева...»

Рота мгновенно падает в снег, занимает оборону. Еще через две метров команды: «Газы...» Сначала холодный, скользкий противогаз не лезет на голову, потом резина липнет к лицу, стекла мгновенно запотевают. «Вперед, бегом марш!»

Роздали патроны. На морозе металлические кусают кожу на пальцах, ребята ждут каждый своей очереди, то и дело поглядывают на силуэты далеких мишеней, примериваясь к ним заранее.

— Волнуешься? — спрашиваю Ковалеву.

— Есть немного. Все-таки зачет. Ниже «хорошо» не стрелял, а тут кто его знает. Многое от оружия зависит, как оно пристреляно.

Голос у Сергея хриплый, вчера, не остыл от марши-брюса, напился холодной воды. Ковалев чуть в стороне держится. Не сказать, чтобы характер у него был необщительный, нет, он может и шутку поддержать, и за товарища вступиться. Но искренен он до определенного предела, на эмоции не очень щедр. Если можно избежать трудностей, он избежит, лишнего не переработает. Хотя в целом упрекнуть его не в чем — солдат как солдат. Но дается Сергею многое вдвое легче, чем тому же Аланасенку или Михайлову. У него всегда есть запас сообразительности, сил, тренированности. Мингалиев резюмировал коротко: «Средний солдат. А мог бы в отличниках ходить». Мне за Ковалева обидно, хотя, повторяю, упрекнуть его формально не в чем.

Хлестко, как щелканье бича, бьют выстрелы, раскатываясь эхом по полю. Кувыкаются, шипят в снегу раскаленные гильзы.

Спустя минуту по выражению лиц наших ребят можно судить о результатах. Улыбается Наумов — у него 27 очков, «отлично». Столько же у Михайлова. Иван доволен, но делает вид, что не сомневался в высоком результате. У Филинова на два очка меньше, все равно «отлично». Живодров, Капешко, Ковалев — 22, Сметанников и Аланасенок — хуже. «Удовлетворительно». Михаил недоумевает: «Где же еще одна дырка? Может, послал пулю в пулью? Ведь бывает». Ладно, это только начало. Впереди еще два упражнения, там они возьмут реванш у товарищей.

...День, когда принимается присяга — в армии особенный. Каждая минута его пронизана праздничностью. До присяги ты еще не вполне солдат, хотя уже постиг немало военных премудростей. Именно она, солдатская клятва, отделяет тебя от армейского монолита, спаянного дисциплиной, долгом перед Родиной, ответственностью, равной для всех, от рядового до маршала, за исполнение этой клятвы. Присяга — юридический документ, документ солдатской чести, подписывая который мужчина принимает на себя обязанность руководствоваться им как законом. Лаконичные слова присяги отчеканены самой жизнью, множеством выпавших на долю Отчизны нашей военных испытаний.

К этому дню готовятся заранее.

Наша восьмерка (Архиповский принимает присягу по месту учебы), естественно, воспользовалась всеми средствами, чтобы не ударить в грязь лицом. Только Сметанникова несколько подводит поистине невышибаемая щетина. Филинов держится так, словно родился в военной форме. Андрею чуть узковат китель, зато сидит как влитой. Капешко никак не может расстаться с бархаткой, кажется, готов ее носить вместо носового платка. Ковалев философски спокоен, он навел полный марафон еще вчера и критически поглядывает на остальных.

Молодые солдаты разошлись по подразделениям, где им предстояло служить с этого дня. Командир полка приказал принимать присягу в ротных ленинских комнатах — на улице минус 25 градусов.

— Рядовой Михайлов, для принятия военной присяги выйти из строя!

— Есть! — Иван, густо краснея, идет к столу, покрытому кумачом, поворачивается к товарищам, негромко начинает:

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу...

— Рядовой Филинов...

...Клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну...

Я вижу, как непроизвольно расправляет сухая фигура ветерана полка, седого десантника Михаила Азазовича Фаттахова, на груди которого сверкают ордена и медали прошлой войны. Как шепчут его губы, повторяя слова солдатской клятвы. Он принял ее еще в 1938-м, на берегу озера Хасан.

Тут же молодым бойцам вручаются гвардейские знаки — символ воинской доблести их части, прошедшей с боями до Праги.

— Полк... Смирно! Равнение на знамя! — звучит через несколько минут над плацем. Над шеренгами батальонов клубится пар от дыхания сотен людей. Плынет вдоль строя красное полотнище гвардейского знамени.

Командир полка, гвардии майор, принялший полк не так давно (за плечами этого офицера командование батальоном в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, военная академия имени Фрунзе), поздравляет молодое пополнение с принятием присяги:

— Вы стали составной частью нашей полковой семьи, гвардейцами... Командование полка уверено, что вы не уроните чести воинов-десантников...

Чуть в стороне — группа родителей, специально приехавших на праздник сыновей.

— Боже, им, бедненьким, наверное, холодно, — шепчет кто-то из мам, — нельзя ли сказать этому майору, чтобы не держал их на морозе так долго?

О, эти мамы, их наивность поистине безгранична.

В конце этого особого дня мы — вот досада! — разминулись с нашими ребятами, отпущенными в первое увольнение в город. На всякий случай, без всякой надежды на успех, спросил проходившего мимо десантника:

— Где, по-вашему, можно найти солдат, вышедших в город впервые?

— Ну, ясногде. Метров пятьсот отсюда есть кафе. Там соки, конфеты, печенье всяческое продаются. Там и ищите своих. Это как дважды два.

И ведь прав солдат оказался, именно там наши ребята и были.

погружитесь!

Напомним: пять лет назад по инициативе Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ в дни весенних школьных каникул в стране была проведена первая Всесоюзная неделя «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов». Среди учредителей Недели — союзные министерства культуры и просвещения, творческие союзы писателей и художников, композиторов и кинематографистов. Мартовские встречи с ребятами из детских домов и школ-интернатов стали традиционными. Нынешняя Неделя уже шестая. И уместно, думается, в дни, ей предшествующие, познакомить читателей, особенно тех, кто делом хотел бы помочь педагогам и воспитателям, с примерами настоящей дружбы детей и их старших товарищ — шефов-комсомольцев.

«А вы нас не бросите?» — спросили второклассники школы-интерната № 1 города Котласа актеров Котласского драматического театра, когда те сказали ребятам, что берут над классом шефство. С тех пор прошло три года. Но и сегодня каждая встреча с шефами — радость. Они вместе празднуют дни рождения, а по праздникам катаются по украшенному городу на специально арендованном комсомольцами театра автобусе. Шефы оформили игровую комнату, создали в классе библиотеку и регулярно пополняют ее новыми книгами. То, что в классе действует кукольный кружок, а школьники бывают в театре на премьерах всех детских спектаклей, — тоже заслуга шефов. В театре составлен график дежурств артистов в интернате по субботним и воскресным дням. Кружки, секции, просто разговор по душам — в выходные для этого времени достаточно. Актеры приобщают к искусству и ребят постарше. Как правило, в детских спектаклях заняты старшеклассники из школы-интерната. И еще штрих: шефы не просто знают всех своих ребят по имени, они знают о горестях и радостях каждого и всегда готовы прийти на помощь.

НАШИ ДЕТИ

Здравствуйте, дорогая редакция! Обращаюсь к вам по поручению комсомольцев ленинградского производственного ватного объединения «Труд».

В начале прошлого года райком комсомола Красногвардейского района предложил нам создать педагогический отряд и работать в школе-интернате № 4 Ленинграда для детей с дефектами речи, в котором почти половина детей — детдомовцы.

И хотя работа у нас сложная, в три смены, девушки живут в общежитии, а интернат далеко, мы поехали, познакомились с детьми, провели комсомольские собрания. Со слезами на глазах ходили по неуютным спальням. Дети были обделены не только морально, но и материально — у них не было карандашей, линеек, ручек. А для двадцати новеньких детдомовцев, которые почему-то поступили «сверх плана», не было даже одежды. Воспитатели собирали по домам, а мы — у женщин на фабрике и отвозили детям. Для занятий в кружках не было ниток, тряпочек для шитья.

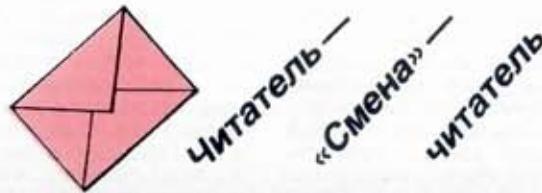
Конечно, мы помогли. Заместитель директора нашего предприятия А. Н. Горбачев специально ездил доставлять набор ниток для детей. Пригласили мы их к нам на конкурс «А ну-ка, девушки». Они выступили с концертом. Потом дали концерт на нашем коммунистическом субботнике. Как они радовались! Да и рабочие встречали их с сердечностью и теплотой. Профком выделил нашим подшефным путевки в лагерь.

Но... вдруг раздался звонок из исполкома: почему мы не шефствуем над интернатом № 1 для детей со слабым зрением? Оказывается, в марте 1984 года решением исполкома нам в подшефные дали другой интернат. Выписку из протокола выслали, но никто из руководителей ее не видел. А к концу года начались претензии. Но ведь это странно!

Наша администрация полностью за шефство над интернатом № 4; мы там ремонт делали. Имеем благодарности РК КПСС за помощь интернату. Да и мы к детям привязались и хотели бы продолжать и укреплять шефство над школой-интернатом № 4.

Помогите нам, уважаемая редакция!

Лариса ЗАХАРОВА,
секретарь комитета
ВЛКСМ
производственного
ватного объединения «Труд»,
Ленинград

Редакция постоянно получает отклики на выступления, посвященные проблемам воспитания, жизни детей в детских домах и школах-интернатах. Часть из них мы публикуем в этом номере.

УЧАСТИЕ

За добное, нужное дело взялись работники ленинградского производственного объединения «Труд», и жаль, что формально отнеслись к их начинанию те, кто обязан был поддержать комсомольскую инициативу.

Редакция обратилась в Ленгорисполком с просьбой утвердить шефство комсомольской организации производственного объединения «Труд» над школой-интернатом № 4 и получила такой ответ:

«Письмо секретаря комсомольской организации ленинградского производственного ватного объединения «Труд» тов. Захаровой Л. Ф. внимательно рассмотрено в исполнкоме Ленсовета.

Решением исполнкома Красногвардейского района от 15 марта 1984 года производственное объединение «Труд» утверждено шефом над школой-интернатом № 1 для слепых детей. Шефами школы-интерната № 4 для детей с расстройством речи с 27 сентября 1973 года утвержден один из заводов. Этот же завод решением исполнкома Ленсовета от 27 мая 1985 года закреплен за интернатом № 4 в качестве базового предприятия, так как у данного предприятия больше возможностей для организации трудового обучения учащихся, чем у объединения «Труд».

Вместе с бойцами студенческого строительного отряда «Монолит» Иркутского института инженеров железнодорожного транспорта прошлым летом работали подростки из иркутского детского дома № 5. Деньги, заработанные подростками, будут теперь храниться на их сберкнижках до совершеннолетия.

Уже несколько лет Волгоградский театр юного зрителя активно шефствует над детским домом города Волжского, а Волгоградский театр кукол над детским домом Кировского района Волгограда. Комсомольцы «Волгоградгидростроя» и объединения «Химволокно» подарили подшефным более сотни гитар, балалаек, других музыкальных инструментов, создали в детском доме пять кружков по интересам.

Желание подарить детям, не имеющим домашнего очага, радость, привело студента Ташкентского электротехнического института связи Игоря Урсова и его товарищей по подотряду в детский дом № 22 Ташкента. Они отремонтировали телевизоры и радиоприемники, помогли привести в порядок спортплощадку. Студенты собрали и подарили детскому дому библиотеку. А Игорь организовал радиокружок, занимаются в котором все желающие, наиболее же способные рекомендуются в научное общество учащихся, созданное при институте.

В заключение подчеркнем: одной Недели, какой бы насыщенной по событиям она ни была, мало для того, чтобы помочь в эстетическом воспитании детей. Шефство творческой молодежи над ребятами из детских домов должно стать постоянным. Выигрывают от этого и шефы — богаче становится тот, кто отдает, и подшефные — они обретут старших друзей, друзей, которых им так не хватает.

Учитывая просьбу комсомольской организации производственного объединения «Труд», исполнком Красногвардейского района согласился закрепить указанное предприятие в качестве базового за школой-интернатом № 4, сохранив за коллективом объединения шефство над школой-интернатом № 1.

Заместитель председателя исполнкома
Ленгорсовета
Н. Г. ЕЛИСЕЕВА.

ИДЕЮ ПОДДЕРЖИВАЮ

Уважаемая «Смена»!

В № 16 за 1985 год я прочел письмо А. Лубенского из Черкасс, написанное в связи с опубликованной ранее в «Смене» статьей о бескорыстном и благородном человеке А. Галимзянове. В письме А. Лубенского содержится замечательная и очень своеобразная идея создания Общества охраны детства — ОДД. Несколько я понял, речь идет о добровольной общественной организации, задача которой — сбор средств в пользу детских учреждений. Ведь не секрет, что далеко не все детские дома располагают достаточными средствами для содержания воспитанников в наилучших условиях; что заработка плата работников детских учреждений не слишком высока и не худо было бы изыскать резервы для ее повышения; что многие детские клиники не в состоянии установить у себя дорогостоящее современное оборудование. Думается, что особенно интенсивная помощь требуется детским лечебным заведениям, расположенным далеко от больших городов. В конце концов вряд ли кто-нибудь станет спорить с утверждением, что дети — единственный «привилегированный класс» в нашей стране — нуждаются в самом лучшем уходе и обеспечении независимо от того, есть у них родители или нет.

Реально доход для нужд ОДД можно получить от многих статей: специальных лотерей; сборов от концертов, лекций и цирковых представлений (какой актер или лектор откажется выступить в пользу ОДД?); продажи специальных сувениров, значков, книг, выпавших; наконец, просто от членских взносов, не более высоких, чем, скажем, в обществе книголюбов.

Полагаю, что создание подобной благороднейшей организации на деле, а не на словах доказало бы справедливость поговорки: «Все дети — наши дети».

Андрей ДМИТРУК,
кинодраматург,
Киев

НЕ ВЫБИТЬ СОЛДАТА

Георгий
ДАНАИЛОВ

Семья — мама и папа, бабушка и дедушка, братишки, сестренки — с этого начинается все, и расчет на то, что это начало можно уступить обществу, несостоит. Ребенку нужна не только еда, сухие пеленки, новые одежки, купание и стирка, ему необходимы нежность и любовь, мамина ласка и папин голос.

Изречение, глашающее, что ребенка надо ласкать, только когда он спит, было бы оправданно, если бы мы согласились, что цель воспитания — превратить ребенка в существо, которое прежде всего не создает никаких затруднений своим родителям. И поскольку каждому из нас трудно полностью рассстаться с подобным толкованием, мы применяем вышеприведенное изречение частично. В этом кроется и первый источник недоразумений, первый провал в нашей воспитательной системе.

Единого мнения на этот счет не существует. Те, кто в качестве цели воспитания видит прежде всего спокойствие родителей, а в качестве его идеала тихого, «дисциплинированного» младенца, младенца, соблюдающего «режим», младенца, растить которого — одно удовольствие, предлагают свою схему: кормление в строго определенные часы, строго определенное количество пищи, игра в строго определенные часы, купание в строго определенный час. Другими словами, создается расписание, которое при пунктуальном его соблюдении должно дать хорошие результаты.

Другие защищают «свободу младенца». Это звучит почти комично, но не лишено психологических и физиологических предпосылок. Ребенок должен есть тогда, когда он голоден, столько, сколько ему хочется, должен получать порцию нежности всегда, когда испытывает в ней потребность, то есть, откровенно говоря, почти непрестанно. Беспорядка, которого можно ожидать при таком отношении к ребенку, не следует бояться. Младенец сам и довольно скоро отрегулирует свой режим питания и сна и будет жить в атмосфере эмоциональной удовлетворенности, чрезвычайно важной для его физического и душевного здоровья.

К сожалению, воспитание всегда складывается из противоречий между взглядами и возможностями. «Свобода» младенца означает порабощение родителей, и прежде всего, разумеется, матери. Она непрерывно должна быть в его распоряжении. Говорят, что такая полная отдача имеет свои преимущества,

так как дает полное удовлетворение материнским чувствам. Возможно, но здесь, мне кажется, есть и элемент «педагогической идеализации». Обязанности матери не ограничиваются общением с младенцем. Их у нее еще очень много — домашнее хозяйство, другие дети, старики родители... Не говоря уж о том, что по истечении соответствующего отпуска женщина-матеря возвращается к своей профессии. Что же тогда? А то, что неизбежно появляются компромиссы и они всегда дурно отражаются на ребенке.

Вопрос этот очень важен и не просто важен — он имеет решающее значение. Невежество и безответственность проявляют те, кто считает, что в первый год жизни ребенка можно воспитывать его между прочим. Наука доказала, что первый год жизни ребенка — решающий для его развития. Увы, она доказала, что и второй, и третий год тоже решающие, что по существу, все раннее детство решающее. В таком случае, когда же присутствие и заботы матери могут быть заменены без ущерба для ребенка? Никогда. Но это «никогда» лишь дань романтике, оно даже приглашает отсталостью. Ясно ведь, что обществу женщина нужна не только в качестве матери своих детей. Ясно, что и женщина нуждается в работе по профессии и в утверждении себя как личности за пределами семьи. Что же касается тех женщин, которые говорят, что были бы вполне удовлетворены, если бы занимались единственно воспитанием своих детей, думаю, что они неискренни или просто настаивают на этой возможности именно потому, что она не может быть им предоставлена.

Так или иначе проходит год, в некоторых случаях два года, и мама должна выйти на работу, такова действительность, все остальное — риторика. Единственная альтернатива — или бабушка, или ясли! То и другое в большинстве случаев одинаково опасно.

Как бы ясли ни были хорошо оборудованы, какие бы добросовестные, самоотверженные, культурные воспитательницы ни работали там, я не верю, что ясли могут заменить дом. Никто не в состоянии убедить меня, что эмоциональный контакт между ребенком и матерью по должности, даже в идеальном случае, равносителен связи ребенка с той, что дала ему жизнь.

— Вставай! Вставай! Опаздываешь!

А на улице холодно, мокро, грязно. Папа бреется и одновременно пьет кофе. Все ждут перед туалетом, спрашивают:

— Ты скоро выйдешь, ты скоро выйдешь?

— Ты что, не понимаешь — опаздываешь?

И мы идем. Лифт опять не работает. Наверху, над нами, бьют плохого мальчика, он вопит что есть мочи. Его мать и отец если не бьют сына, то ссорятся сами, и все слышно у нас в ванной.

У нас нет машины, а некоторые привозят своих детей в детский сад на машине. А одного мальчика каждый вечер ждет шофер и открывает ему дверцу. Шлапаем по лукам. Вот, наконец, и детский сад. Пришли. Папа сдает меня, говорит «до свидания», иногда даже целует в щеку и мчится на работу.

А в саду начинается завтрак — ох, даже говорить о нем нехотя! Хочешь не хочешь — ешь. С дедушкой я завтракал по полтора часа, а здесь все спешат, подождать не могут. Тетеньки приходят и убирают со стола, и все приговаривают: ешь скорее, ешь скорее! Кто быстро ест, тот хороший мальчик. У нас есть один мальчишка, он съедает все быстрее всех, а потом бьет других по голове.

Потом мы будем петь песенки, будем заниматься разной полезной физкультурой и будем играть, но только, когда скажет воспитательница. А я хочу играть, когда мне хочется... Да, дети не слишком любят ходить в детский сад. Прежде всего потому, что он им навязан еда ли не в наказание, потому что там они гораздо меньше предоставлены сами себе, чем у дедушки, потому еще, что там они встречаются с множеством детей и не могут быть центром внимания, как они привыкли дома, и, наконец, потому, что прекрасно, хоть и интуитивно понимают, что детский сад — это способ решения семейной проблемы, уязвимое место родителей, что родители сами не рады, принимая подобное решение. Дети всегда чувствуют, что папа и мама выглядят слегка виноватыми, когда утром ведут их за руку к приветливому зданию. Как бы родители ни осторожничали, они не могут скрыть, что с недоверием относятся к воспитанию, которое их дети получают вместе с десятками других; они боятся, что ребенок в саду заболеет, что его как следует не укроют, что... Они даже расспрашивают ребенка, словно ожидая раскрыть какой-то заговор против него, словно предполагая, что кто-то непременно проявит по отношению к нему небрежность и беззаботность. Их тревога не проходит мимо внимания ребенка. Ничто не проходит мимо его внимания.

И вот однажды утром я заявляю, что у меня болит голова, сильно болит голова, просто ужасно... Даже если мама подозревает, что это лишь попытка уклониться от детс-

того сада, все-таки она обеспокоена. А если я не выдумываю? Она просто не в силах не поверить мне и решает оставить меня дома. Я доволен. Дедушке снова вручаются бразды правления, он тоже доволен, он еще на что-то годится. Мама бежит на работу, она озабочена, рассеянна и тут же хватается за телефон:

— Прошла у него голова?

— Прошла!

И она счастлива. С души свалилась тяжесть. Она даже готова меня расцеповать. А потом, о, потом она придумает мне достойное наказание.

Как подумаешь, до чего нелогично поведение родителей по отношению к детям, в какой непонятной последовательности чередуются нежность и грубость, любовь и нервы, откровенность и неискренность, справедливость и несправедливость, можешь понять грустное признание:

— Я люблю болеть, потому что тогда мама и папа становятся такими добрыми!

Почему мы требуем, чтобы ребенок понял, будто разбитая ваза его вина? Оседлав палочку, он мчался на мотоцикле, палочка задела вазу, она упала на пол. Виноваты, во-первых, мотоцикл или лошадь — лошадь глупая и не свернула вовремя, а во-вторых... Во-вторых, выражение: «Ты знаешь, сколько стоит эта ваза?» — ничего не значит. Я этого не знаю и не хочу знать. У наказания в подобном случае только одно последствие — вторая разбитая ваза будет мной спрятана. И если тогда не разразится скандал, если мой номер пройдет, он положит начало системе безопасности. Естественно, с известным опозданием мою хитрость обнаружат, притом в самый неподходящий момент, именно тогда, когда я что-то нарисовал для мамы, когда я жду одобрения и нежности. Тогда меня встречает залп прямо в грудь:

— Что ты натворил!

Ваза появляется из мрака прошлого. И моя альтруистическая попытка порадовать маму завершается огромным разочарованием.

Срок давности в детстве намного, намного короче. Я не совершил никакого преступления, потому что это было вчера, а я вчерашний совсем не то, что я сегодняшний. Но это не принимается во внимание, меня обличают во лжи, лицемерии, варварском отношении к вещам... В следующий раз, когда я вспомню о своем разочаровании и горечи, о том, как несправедливо со мной поступили, я с удовольствием разобью еще что-нибудь, и пусть меня отшлепают.

Маленькие дети не имеют представ-

Продолжение. Начало в № 5.

ления о собственности, поскольку считают, что им принадлежит все. Ребенок тянется ко всему, что попадается ему на глаза. Представления о чужом еще не существует. Чаще всего это представление формируется болезненно — у ребенка отбирают игрушку, потому что она не его, ложечку, которая ему понравилась в чужом доме. Но то, почему у него что-то отбирают, а что-то дают, еще долго остается для него загадкой. Не слишком ясен ребенку и тот вывод, к которому он может прийти на практике: если ложечку сунуть в карман так, чтобы никто этого не заметил, ее не отберут. Обвинение в краже было бы в этом случае несправедливым. Ребенок просто берет, и самое худшее, что можно с ним сделать, это заставить его стыдиться своего поступка.

Иногда мы вынуждаем детей отдавать свои вещи, воображая, что таким образом мы воспитываем в них товарищество и коллективизм. Применительно к раннему детству это безнадежное начинание. Ребенок хочет обладать, а не отдавать, он еще не знает радости дарения. Еще труднее ему понять, почему его заставляют отдать свою игрушку, когда папа, к примеру, всегда забирает свою блестящую зажигалку обратно. Он не различает вещи по их цене, не понимает, что зажигалка дороже игрушки или что отец бережет ее как память.

Когда мы видим, что наш любимый мальчик отдает свое печенье другому, не будем умилиться. Вероятнее всего ему не хочется есть и он нашел способ избавиться от печенья.

Макаренко писал: «Ребенок — рентгеновский снимок семьи». К этому удачному определению я хочу только добавить, что в семье и только в семье прежде всего зарождаются и прорастают все асоциальные свойства будущего члена общества.

— Скажи, что меня нет дома! — говорит папа или мама, неважно кто именно. Этот банальный пример типичен и достаточночен для того, чтобы усвоить, что правду говорят не всегда. Когда и почему? Этого я пока не понимаю. Но постепенно мне становится ясно, что ложь предохраняет от известных неудобств, от неприятных ощущений.

Я играю в кроватке своей босой ногой, рассматриваю пальцы, это очень любопытное зрелище. И слышу в это время, что идет мама. Я мгновенно укрываюсь и делаю вид, что сплю. Она обычно догадывается, что я не сплю, но все-таки я на всякий случай жмурусь. Я знаю, что она сердится, когда я не сплю. Почему? Неизвестно почему, но сердится и тогда, когда я не выпиваю свое молоко и выливаю его в умывальник. Потом я пускаю воду, чтобы не видно было белого и чтоб какая-нибудь пенка не заселилась за решетку и не испортила все дело. После этого уж очень трудно установить, выпил я молоко или нет.

Самое скверное, что иногда мама и папа ужасно возмущаются моим враньем, а иногда восхищаются моей изобретательностью. Попробуй пойми их! Когда они сердятся, то наказывают меня: не будешь смотреть телевизор (они не знают, что этим наказанием, быть может, оказывают мне услугу). Не пойдешь в зоопарк. А то вдруг совершенно неожиданно начинают потешаться над моим «номером». «Иди посмотри, что он натворил, иди скорей!» И потом, если решат, что своей выходкой я проявил оригинальность, восторженно рассказывают о моих хитростях близким и дальним.

Ребенок, если он почему-либо возбужден, не может усилием воли заставить себя заснуть. Это не удается и взрослым. Поэтому нелепо, что такое естественное обстоятельство вызывает их гнев. Таково же положение и с обедом, и с завтраком, и со многим другим. В таких случаях наказания превращают ребенка из лжеца непредумышленного в лжеца сознательного. Ложь становится обдуманной, она совершенствуется.

Мы настаиваем на том, чтобы наши

дети подчинялись нам, отлично зная, что мы заставляем делать их нечто полезное и необходимое. Да, но они-то этого не знают и не склонны нас слушаться. Сердиться на ребенка за то, что он не хочет выпить ложку рыбьего жира с отвратительным вкусом, абсурдно. Ребенок оценивает добро не как перспективу, а как ощущение в данный момент.

Когда наш сын заболел корью, врач предложил сделать ему вливание гамма-глобулина. Мальчик был ужасно встревожен. Мы, разумеется, согласились. К нашему удивлению, не кто-нибудь, а сам врач, добрый старый врач, какого в наше время почему-то уже не сыщешь, отказался от вливания. «Все мы переболели корью и без вливаний», — сказал он. — Не следует травмировать ребенка, если нет на то крайней необходимости». С этого мгновения для нашего сына не было на свете лучшего доктора. Он открыл в нем единомышленника. Оба не любили вливаний и уколов, и этого оказалось достаточно, чтобы сын проникся к врачу доверием и чтобы каждое его слово стало для мальчика законом.

Узнать психику ребенка, каждого ребенка — дело трудное, сложное, но не надо жалеть на него усилий...

Пятилетняя Маргарита вернулась с первого своего урока английского очень важная и поспешила поделиться своими впечатлениями:

— У преподавательницы двое близнецов, и она купает их в заграничной ванночке.

— Какой ванночке?

— Автоматической. Сначала через шланг наливают воду, как в стиральную машину, потом вода сама нагревается, потом близнецов сажают друг против друга и закрывают их крышкой с двумя дырками, головы у них торчат наружу, а все остальное в воде. Потом включают такую машинку, и вода сама начинает их мыть.

— А мыло? — спрашивает мама, настроенная прагматически.

— Мыло наливают в такую дырочку, и оно превращается в пену. — И Маргарита в подробностях описывает всю технологию купания.

— А близнецы не пугаются машинки?

— Пугаются. Их для того и сажают друг против друга, они смотрят один на другого, успокаиваются и перестают плакать.

Чего только люди не придумывают для своего удобства, думает мать. И, естественно, встретившись с преподавательницей, спрашивает, как поживают ее близнецы. Преподавательница поражена. Какие близнецы? У нее вообще нет детей.

Некоторые вопросы не в состоянии заставить маленькую Маргариту объяснить, зачем она придумала всю эту историю. Она молчит, смотрит лукаво и загадочно улыбается.

Желание выделиться, обратить на себя внимание часто лежит в основе детского вранья, а оно, в свою очередь, питается ощущением того, что нарушен социальная справедливость: «Мой папа купил себе новую «Ладу»!» Вот моему самолюбию и нанесен удар, потому что мой-то папа ничего не купил, но что мне стоит выдать тому мальчишке: «А у моего будет «Мерседес»!» Пауза. За нее следует вопрос: «Что он у тебя, министр, что ли?» Продолжение разговора зависит от моего чувства реальности.

Дети идеализируют своих родителей, они всегда приписывают им всемогущество и вседесущность. Ребенок не может понять, как это так — чей-то отец был в Африке или даже в Америке, а его не ездил дальше Русь; он не хочет примириться с тем, что чей-то отец переплыл Дунай, а его заходит в воду только до коленей.

«Папа, — спросил маленький мальчик, увидев огромного сенбернара Барри, — эта собака может бороться со львом?» «Может», — неосторожно ответил отец. «А ты?» — чистосердечно

спросил малыш. Скромность отца была подвернута серьезному испытанию.

Мне кажется, что родители поступят лучше и честнее, если вовремя откажутся от собственной мифологизации. Их минимум авторитет слегка пострадает, зато это спасет детей от многих разочарований. Ребенку сравнительно легко принять, что его отец не может вступить в поединок со львом, и это не вызовет у него потрясения, но ему будет ужасно трудно уяснить себе, почему отец, который побеждает даже африканского льва, никак не может получить повышения по службе и часто, возвращаясь домой, хмуро заявляет: «И на этот раз мне ножку подставили!»

Дети болезненно переживают наши неудачи. Когда эта неудача постигает реальную личность, они переживают это еще сравнительно легко, но если сокрушено домашнее божество, ничто не может помешать злобе завладеть детскими душами и обратиться против тех, кто был виновником вопиющей несправедливости. Это еще один шаг к ассоциальности. Ребенок начинает делить общество на Они и Мы и проникается убеждением, что Они склонны всегда творить зло.

* Немного можно сохранить в тайне от наших детей, иногда мне кажется даже, что ничто нельзя от них утаить.

Мы не можем внушить маленькому человечку, будто в доме у нас царят взаимопонимание и любовь, если этого нет в действительности. Его не проведешь. Как бы ни вели себя родители, если духовная связь между ними порвана, ребенок это чувствует. Не знаю, существует ли телепатия в тех формах, о которых сейчас много говорят, но что между людьми происходит духовное общение, которое не нуждается в словах и жестах, и что ребенок способен улавливать его и, наоборот, чувствовать, когда оно прерывается, в этом я убежден. Вот почему вопрос о том, надо ли во имя детей сохранять семью, если связь между родителями разорвана, остается спорным.

Когда я читаю в педагогических произведениях полезные и разумные рекомендации родителям, я всегда с неловкостью ощущаю, что мы идеализируем семью, вернее, мало считаемся с ее реальными возможностями. Если собрать воедино все напутствия и советы, как воспитывать ребенка, как с ним играть, как готовить его к труду, как с ним разговаривать и отвечать на его бесчисленные вопросы и так далее, мы увидим, что они просто не соответствуют тому времени, которым современный человек располагает для воспитания детей. Когда отец и мать работают, у них остается в день не больше двух часов, которые они могут посвятить детям. За что хвататься прежде всего? Какие требования пытаются осуществить и какими пренебречь?

В тех редких случаях, когда работает только отец, все воспитательные функции переходят к матери, она осуществляет их в меру своих сил и вынуждена испытывать на себе все отрицательные последствия того, что это она требовала, она наказывала, она осуществляла надзор. Отец приходит домой после работы, и ему предоставляется право только радоваться своим чадам. Ни для чего другого у него нет времени, да ему и не хочется заниматься черной работой. Тогда неизбежно папа становится более добрым из родителей: он ведь никогда нас не ругает, он только забавляется вместе с нами.

В сочинениях Макаренко неоднократно повторяется одно важное наблюдение: «Дети, выросшие в счастливых семьях, хорошо воспитаны». Да, действительно нет никаких сомнений в том, что счастье — лучший воспитатель, но его «научные основы», к сожалению, еще не установлены. Известно только, что все счастливые семьи похожи друг на друга, как утверждает Лев Николаевич Толстой, а несчастные в высшей степени «разнообразны». Может быть, следует добавить, что воспитание со своей стороны в значительной мере

«отвечает» за счастье, и круг таким образом замкнется.

В современной семье нет единства и по вопросу о наказаниях, включая и самое примитивное — физическое. Многие родители категорически убеждены, что быть ребенком нельзя. И я в этом убежден, и моя жена тоже, и тем не менее каждый из нас поступал вопреки этому своему убеждению. Так что разница между нами и теми, кто верит в целительную роль насилия, заключается в том, что мы находимся в более жалком положении — мы страдаем от угрызений совести, так как мы преступаем свои взгляды. У нас есть только одно оправдание — нервы. Вопрос лишь в том, кто виноват, что наш собственный ребенок оказался в состоянии вывести нас из равновесия?

Обсуждая вопрос о физических наказаниях неприлично старомодно. И если следует о чем-то задуматься, так это о том, почему мы продолжаем их применять. Думаю, что отказаться от физических наказаний — значит не просто перестать отвшивать оплеухи. Когда ребенок первый раз в жизни чувствует боль, он не в состоянии вникнуть в смысл этого события. Первой оплеухой мы пробуждаем чувство страха и надежды, что воспоминание о боли удержит провинившегося от повторного проступка. Таким образом, физическое наказание — это лишь разновидность воспитания страха, а мы вынуждены признать, что в течение тысячелетий страхи являются воспитателем номер один и в семье, и в обществе. Чистосердечные слова стариков: «Ребенок должен расти в страхе» — не что иное, как синоним хорошего воспитания.

Страх физической боли — самый примитивный и самый ярко выраженный. Когда хозяин поднимает руку,битая собака тут же прикладывает к земле. Важно честно ответить самим себе, так же ли устарело воспитание страхом в каком виде, то ли было форма, как побои. Здесь, однако, мы вступаем на скользкую почву: если есть наказание, то есть и страх перед ним. В конце концов институт наказаний общество защищает себя.

Отказаться от наказаний раз и навсегда — а такие голоса раздавались не раз, известна и формула «наказание воспитывает раба» — кажется мне безнадежным начинанием, по крайней мере по отношению к близкому будущему человека. И, несмотря на это, я знаю, что воспитание, рассчитывающее на страх и насилие, может добиться определенных прагматических целей, но по сути своей оно останется фальшивым. Во времена Гитлера уголовная преступность в рейхе снизилась до самого малого процента. Страх торжествовал и словно бы осуществил свои цели. Но в то же самое время преступления против человека достигли в гитлеровской Германии апогея. Никто не смел прихватить забытый бумажник, но ужасающие многое было людей, посягавших на personalную человеческую свободу.

Как и многие другие, я представляю себе задачу истинного воспитания не в том, чтобы насыщать подчинение нормам общества, а в создании личностей, у которых не возникает побуждения их нарушить даже тогда, когда к ним не могут быть применены никакие санкции.

Насилие над ребенком — это последнее, а не первое средство, и я убежден в том, что оно всегда будет оставаться отчаянным средством. Ребенок невинен, даже древние законодатели, которые были достаточно бесцеремонны, освобождали его от ответственности. Ребенок невинен, и благородная цель воспитания заключается в том, чтобы в наибольшей степени сохранить эту невинность и у взрослого человека. Наша грустная история доказала, что язычков не так уж трудно создать.

Перевела с болгарского
Ника ГЛЕН.
Продолжение следует.

X

одят вдоль ограды коронованные дамы, легко ступают своими копытцами, у каждой ветвистая корона надвинута по самые брови, из-под нее глядят прекрасные тревожные глаза. А мохнатые уши красавиц насквозь пробиты жестяными инвентарными номерами. Тихо в стаде, лишь изредка слышно глухое покряхтывание, похожее на скрип сухого дерева: оленехи разговаривают с оленятами. И вдруг откуда-то снизу встает раскидистый куст, он растет все выше и сам собой начинает плыть вдоль изгороди — это олень-отец: его рога, целый лес сухостоя, раскинулись широко, на полспины. Саяны, тайга.

Я добиралась сюда верхом на безымянной (и тоже нумерованной) кобыле, которая несколько часов шла, перешагивая через поваленные стволы, вырывая копыта из чавкающих топей, карабкаясь вверх и вниз по кручинам, переходя вброд горные потоки. А живу я не здесь, ниже, в долине. Прелест ее в том, что она луговая, травяная, а растут тут все старые знакомые — клевер, лапчатник, полевая герань; странно видеть наш среднерусский луг в чаще из каменных гор.

Это и есть то место, где развернулись события. Вдоль долинки течет Гутара. Она идет, гремит, темная, потоком дымчатого хрустали; по ее зеленым берегам скачут стреноженные лошади (промхоз разводит коней), бродят коровы (все больше черно-белые). И стоят дома — село Верхняя Гутара.

Этот луговой мирок связан с Большой землей только самолетом. Маленький усердный биплан то и дело летит из-за гор, если, конечно, день и нет тумана. Верхняя Гутара получает сверху все, начиная от кирпича и кончая коробком спичек (все с неба). Крошечная площадка жизни, где, как и на любом ее участке, мирная повседневность то и дело существо до сложных и даже, как мы сейчас увидим, весьма жгучих проблем.

Горы эти издавна населяли тофы, охотники и оленеводы. Их жены, особенно молодые тофаларки, бывают очень хороши, такие маленькие «царевны», они нежные матери, тофы вообще очень любят детей. Смотришь на такую узкоглазую мать с узкоглазым ребенком на руках — мадонна! Неужели и эта мадонна...

Да, отвечают мне, и она. Потому что самолет (здесь говорят «борт») привозит не только кирпичи, спички и все прочее необходимое, но и злого духа в бутылке — водку. Злой дух поселяется тогда в домах. Женщина уже не затопит печи, не сварит обед — завалится спать, чтобы, проснувшись, опять выпить и вновь завалиться. И мужчина тоже.

Я как-то зашла в дом оленевода-пастуха, уважаемого в селе человека. Самого его дома нет, он как раз там, далеко в горах, со стадом, мы разговорились с хозяйкой, стройной, живой, приветливой, очень доброжелательной. У них с мужем единственный сын Саша, поздний и особенно любимый — на взгляд он настоящий маленький принц. Спрашивала, когда вернется глава семьи. Увы, не скоро, они с Сашей очень соскучились и, наверно, сами к нему поедут, она на олене, и он на олене, только Сашу привяжут, он еще мал. Только лишь она это сказала, как отворилась дверь и ввалился хозяин, сильный, коренастый. Что тут поднялось! Все трое смеялись: хозяин молча сиял всем своим широким лицом, хозяйка громко хохотала, а сын визжал от восторга, повиснув на отце и скрестив ноги у него за спиной.

И как легко, как весело пошел наш разговор о том о сем, но только я заговорила о водке (ни минуты не сомневаясь, что встречаю понимание у этих, безусловно, умных людей), как он — стоп! — разом остановился. И я увидела: в глазах моих собеседников что-то стало уходить вглубь, прятаться, и вот уже лица их заперты на засовы.

— А что водка, — сказала женщина, глядя в сторону, — ничего страшного.

На следующий день у домика, где жила, звякнула калитка, какое-то нелепое существо ворочалось там, бормотало, но простейшего дела — поднять щеколду — выполнить не могло. Я узнала ее только по маленькому принцу, которого она волокла за собой, когда шла к дому. Да нет, не шла — ползла на раскоряченных ногах (и это она, такая стройная и ладная!); едва осилив порог, села и устремила на меня взгляд, умиленный и перекошенный. У нее большая, большая просьба, она пошла было в кассу за деньгами, а там обеденный перерыв, так не могу ли я походатайствовать, чтобы кассу открыли... открыли... открыли. И это она, такая умница!

Часа два спустя я увидела Сашу, маленького принца, в чьих-то непомерно огромных сапогах; он один брел по Гутаре. А Гутара, как всякая горная река, отнюдь не для маленьких детей.

— Мамка пьяная валяется! — крикнул он мне весело.

Говорят, «пьяный проспится...». В том-то и дело, что он никогда не проспится, даже трезвый. Кажется, говоришь с разумным человеком, но только лишь речь

зайдет о проклятом зелье, и словно бы оборотень перед тобой (подменили, не узнать). Он полон хитрости, умысла, уловок, какой-то лживой бодрости, дурацкой веселости. Рядом самый край погибели, и для него погибели, и для самых близких ему людей, а он, хоть и трезвый, будто бы не видит и пляшет на краю. Неужто и вправду не видит, не может быть, не верится: невольно, пусть даже сознавая собственное бессилие и бесполезность слов, все же начинаешь ему говорить, показывать: вот он, мол, край. Нет, хоть плачь, не видит, не понимает.

«Ничего страшного?» Едва заслышил из-за гор гудение самолета, люди бросают все, радостно мчатся занимать очередь в сельпо, и нет силы, что могла бы их остановить (однажды дети в Доме культуры готовили спектакль, шили костюмы, разучивали роли, очень волновались, особенно перед поднятием занавеса: сейчас их, артистов, увидят заполнившие зал папы, мамы, бабушки, дедушки. Занавес раздвинул — зал пуст: пришел «борт» с водкой. Стояли дети в костюмах, никому не нужные, смотрели в пустой зал). Час-два по домам идет веселье, а потом выплазят на улицу мутная пьянь. Не узнать тогда добрых, умных тофов. Шатаясь, бродят они, угрюмые, глядят со злобой, ищут ссоры, жаждут драки. А ведь они вооружены. Правда, вернувшись из тайги, охотники обязаны сдать оружие в зверопромхоз, но одно дело — правило и другое — жизнь; к тому же порой «борт» летит так поспешно, что прибывает быстрее, чем сдадут оружие. Торг торопится: охотники при днёгах, сейчас самое время эти деньги выкачать.

Один заезжий человек прибыл в Гутару и, зайдя в сельпо, увидел такую картину: толпа, весьма возбужденная, зажала в угол продавщицу, а та, сжавшись, твердила: «Ничего не знаю, идите к Бобкиной, идите к Бобкиной!» С этой сценой в наш рассказ вступает его геройня.

Вера Владимировна Бобкина, председатель сельсовета, молодая женщина. Лицо у нее чуть скучающее, крепкое, ладно выпелленное, в глазах — готовность правдиво ответить на любой ваш вопрос (а не так, чтобы стоять и соображать, как бы это ответить поудобней и повыгодней). В этом лице именно правда, только правда и ничего, кроме правды. Так уж воспитал ее отец, вернее, отчим. Она русская, он тоф, она читает его высоко и готова без конца о нем рассказывать.

Как они, девчонки, ждали его из тайги! Лишь только он сидел, все они залезают к нему кто на колено, кто на плечо, кому как повезет; собираются друзья, начинаются таежные рассказы. А как он с ними играл, со своими дочками, и в прятки под стол прятался, и на себе, как на лошадке, возил. Когда Вера, неродная дочь, самая старшая, пошла в школу, он сам сделал ей чернильницу, висевшую в мешке на веревке (ни у кого такой не было!), сам купил портфель и все, что в нем должно лежать. Отличный охотник, он часто получал премии, а как только получит, зовет Вера и говорит: «Ты старшая, иди в магазин, бери там, чего хочешь». Мать, бывало, в гневе, но отец непреклонен: «Ты не вмешивайся, она заслужила» (действительно, где в семье маленькие, старшей сидеть некогда). И

НЕТ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИМИРЕНИЯ С ПЬЯНСТВОМ, КОТОРОЕ ГУБИТ ЛЮДЕЙ, КАЛЕЧИТ ИХ ДУШИ

ЗЛОЙ ТАУХ

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Не узнать Гутары, чумеет она, дуреет. Один парень другому наливал стакан, да не долил доверху — ссора, драка, удар ножа (а тут еще чья-то умная голова додумалась уничтожить в Гутаре больницу — был свой стационар, своя операционная, остался теперь медпункт и в нем фельдшер, которого лечат от алкоголизма), погода была нелетная, и парня не спасли. Жили в Гутаре брат с сестрой, очень любили друг друга, строили планы: она поедет учиться, вернется с высшим образованием, именно она, потому что очень способная. Умирая, он просил ее осуществить этот план, умирая, потому что в минуту похмельного отчаяния — а отчаяние, тоска, бывают такие, что легче спустить курок, чем жить — он выстрелил в себя из охотничьего ружья. И его тоже не спасли. Старый тоф, знаменитый охотник, сгорел у костра пьяный.

Зато торг выполнил план.

Нижнеудинский нарколог Юрий Степанович Носков рассказывает о глубоких психологических сдвигах, которые вызывает алкоголь, о галлюцинациях и бреде. Мучают парня голоса: в одном ухе поет София Ротару, в другом — Алла Пугачева, он даже стрелял в воздух, чтобы отвязались. А бывают голоса куда более опасные: двух охотников они позвали, выманили из зимовья, один из них замерз в сугробе, другой попал в полынь.

Зато торг неизменно выполнял план и, может быть, даже перевыполнял.

тут же Вере: «Смотри не забывай о младших». Представьте себе — компания, где старшей семье, направляющейся в магазин (по луговой дорожке вдоль говорливой Гутары). Покупают всем платья, ботинки, игрушки, возвращаются, еле тащат. Многим ли из нас подарены такие воспоминания детства?

Основы педагогики Вериного отца были просты — правдивость и доверие. Когда она стала приносить двойки, и стыдилась этого, и страдала, но учить уроки не могла (хозяйство!), он говорил ей: «Получила, главное, не скрываи, а то и тебе будет тяжело, и мне. Позанимаемся вместе». Каков педагог — «и тебе, и мне»! Когда Вера, как и других детей, отправили в интернат (в верхнегутарской школе только первая ступень), отец писал ей письма и в каждом обязательном: «Будь честной и справедливой, помни, что у всех своя беда». Я не встречалась с Вериным отцом, видела только его раз на улице: худощавого, темноволосого, он вскоре уехал в тайгу, но вряд ли он мог бы рассказать о себе так, как рассказала о нем дочь. «Если что есть во мне хорошего, — говорит она, — все от него. Неправды он терпеть не может, потому и я сорвать не могу». Вот почему, когда ее собирали выбирать председателем сельсовета, она честно предупредила односельчан: «Имейте в виду, с водкой буду бороться насмерть».

Да и все равно ее вынудила бы к этому жизни. Пришел «борт» с водкой — и не вышли на работу рабочие зверопромхоза. К ней, Вере, в сельсовет

принесли новорожденного младенца—девай куда хочешь, мать пьет, не кормит. Куда девать—в детский сад? Но он закрыт, никто из сотрудниц на работу тоже не явился.

Стала она разговаривать с подругами, с друзьями-тофаларами. «Вы же губите Тофаларию!» «Ничего страшного,—отвечали ей,—всегда так было». «Когда же это так было, чтобы люди на работу не выходили, забросили свои участки, жили без огорода, без коровы? Когда же это было, чтобы наши парни друг друга ножами пыряли?» Ничего ей на это не отвечали. А давний школьный друг тоф сказал: «Ты что, славы себе ищешь?» Раньше они понимали друг друга.

Созвала она депутатов, долго они судили, рядили (далеко не все были на ее стороне), но все же постановили: продавать водку только по пятницам и субботам. В эти дни ее стали брать ящики.

И, наконец, произошел случай, в Гутаре неслыханный.

Здесь нет воровства, во всяком случае, участковый милиционер Валерий Иванович Кортиков (кстати, он один на всю Тофаларию, на все ее 45 тысяч квадратных километров—территория участкового милиционера исчисляется количеством жителей, размер территории при этом во внимание не принимается) заверил меня, что за все время его работы, а он здесь лет двадцать, в Верхней Гутаре не было заведено ни единого дела по краже личного имущества, хоть бы кто у кого тряпку украл! А тут неизвестные залезли на крышу сельпо, разобрали трубу, проникли в помещение и унесли несколько ящиков водки. Трубу сельсовет заделал, ее разобрали снова. Засементировали трубу, забрали дымоход решеткой, через несколько дней взломали замок и опять унесли водку (только водку, больше ничего). Можно не сомневаться, те, кто проник в магазин, ворами себя не считали, полагая, что берут положенное им по праву. И село ворами их не считало. В его маленьком мирке столь наглое воровство вряд ли могло остаться тайной, но никто не называл преступников. Верхняя Гутара отстаивала свои права на отраву.

Как-то в понедельник в сельсовет прибежали сообщить, что сельпо вопреки его решению торгует водкой. Вера кинулась к магазину. Народу было много, и торговля шла вовсю. Уже самое ее появление вызвало ропот. Во всех глазах было одно: «Заявились!» Теперь вожделенная бутылка, булькающая, полная, проплыла мимо рук.

Вера смотрела на них, своих односельчан,—были тут женщины, с которыми она играла девочкой, училась в школе, были старые люди, которых она привыкла уважать. Она любила их и хотела их спасти. Они смотрели на нее с лютой ненавистью. Чего тогда было больше в ее душе—чувствия беспомощности и унижения или страха? Ведь толпа-то на нее надвигалась.

По счастью, кто-то успел сбежать за Сашей, мужем, со всех ног кинулся он к сельпо, встал рядом с женой, здоровый, высокий—охотник. Толпа отступила. Возмущенно галдя, люди двинулись по улице, сорокалетняя женщина, мать пятерых детей, гордо шла впереди, как видно, чувствуя себя предводителем. «Не имеете права!» —вопила она.

Самое плохое заключалось в том, что вопила она сущую правду. У Веры действительно не было (да и у сельсовета не было) права проводить «сухой закон». Общественная борьба Веры Бобкиной не имела под собой никакой правовой основы.

Все пошло прежним порядком, и торг вновь выполнял план.

Как-то раз, это было в октябре, в сельпо разом завезли 40 ящиков спиртного (40 ящиков на 350 жителей), и было известно, что в аэропорту ожидают еще 26. Вера с ужасом думала: это не только недели на две: пока не выпьют всего до последней капли, развалится работа в селе, сорвется промышленность, не на что людям станет жить.

Села она и написала письмо в Нижнеудинский исполком (до этого не раз писала письма, да все рвали). Она писала о том, что приходится терпеть детям при пьяных материах; о том, что в селе рождаются дебилы; приводила статистику смертности (за последние два года все смертные случаи связаны с водкой); люди теряют здоровье, писала она, разум, культуру. Говорила о материальных убытках и потерях. И, наконец, производственный план будет загублен.

А теперь представим себе положение Нижнеудинского исполкома, получившего Верину письмо. Вводить «сухой закон» он тоже права не имел, но ведь и оставить Верхнюю Гутару в том положении, до которого она дошла, был не в состоянии. И вот появилось поневоле хитроумное решение: без заявки со стороны председателя сельсовета (то бишь Веры) спиртное в Гутаре не возить. Торг протестовал и волил о плане, но решение было принято.

Весть прилетела в село раньше, чем пришли бумаги, Вера последняя узнала о том, что вся тяжесть борьбы взвалена на ее плечи.

В том-то и дело, что приближалась праздники, а

самолеты летали, ни бутылки не привозили, и все это зависело теперь от одного росчерка Вериного пера. Люди не могли понять, за что им такое «наказание», ненависть к ней получила некий оттенок справедливого гнева: оставить в празднике людей без вина!

Что ей было делать? Подать заявку? Собственной рукой? Или «испортить» праздники ни в чем не повинным людям—не все же в Гутаре пьют.

Какого накала достигла ненависть к ней, она поняла, когда на улице ее остановил охотник:

— А наши карабины, между прочим, стреляют.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я тебя знаю,—сказала спокойно,—ты меня не убьешь.

И добавила про себя: «Если будешь трезв, конечно». Спиртного в селе не было ни капли. Но самогонная бражка временами появлялась, ее, разумеется, ничтожно мало по сравнению с тем, что везут «борта», капля в море, но все же...

Не столько страх перед безымянной пулей—а, впрочем, в доме-то дети,—непосильная тяжесть всеобщей ненависти давила Веру. Словом, села она и написала—собственной рукой!—заявку на спиртное, вызвала огонь на себя (в Нижнеудинске нашлись люди, которые говорили с усмешкой: «Странная она женщина, то пишет, что водки не слали, то сама подает на нее заявку»; им из-за гор не видно было, что происходит в селе). Ну, пошло тут бешеное веселье—и почему бы не веселиться в праздники?—только председатель сельсовета была в тоске: жди беды, да к тому же, лишь праздники кончатся, все начнется сзынова, опять станет копаться ненависть, опять ей иди по улице, как сквозь строй.

Невозможна стала для нее жизнь в родной Гутаре.

И все же, все же! Социальный эксперимент был поставлен и дал бесспорный результат: нет водки (совсем ее в магазине нет!)—и село живет спокойно. Никто не прогуливает, никто ни с кем не ссорится, о драках нет и помина. «Уберите водку совсем,—убежденно говорит участковый Кортиков,—и преступлений не станет». Все в порядке, когда нет спиртного, хорошо работают люди, семьи живут мирно, дети накормлены и присмотрены. В выходные по висячему, прыгучему мосту через Гутару то и дело бежит семья с корзинами, ведрами в тайгу. Вечером с ребятишками на руках женщины идут в кино, или дома смотрят телевизор, или так сидят, разговаривают. Идут «борта» с водкой—и в ад превращается село. Один педагог, путешествующий с группой ребятишек, раньше бывал в Гутаре и теперь думал было обойти это село стороной, но ему понадобилось в сельпо за продуктами. Он пришел и не узнал Гутары, тихой, работящей и разумной.

Вот такое четкое разделение—день и ночь. Не поучительно ли это? Конечно, имеют значение условия изолированного маленького мира, и все же результат остается результатом. Не значит ли это, что эксперимент можно расширить? Но остается несомненным одно: есть территории, где уже сейчас—и безотлагательно—нужно вводить «сухой закон». Кому не понятно, сколь это сложное дело—изъять спиртное там, где к нему привыкли и душа, и тело, какие трудные, подчас болезненные проблемы разом при этом возникают, но ведь и так продолжаться уже больше не может. Это тоже ясно.

...Бредет тайгой олень, на нем охотник. Олень бредет по собственному разумению, перешагивает через стволы, обходит топи, поднимается и спускается по кручам, переходит речки вброд. Охотник ничего об этом не знает: его посадили на олена пьяным: мол, дорогой прозревает (должно быть, пьяные и посадили), он сидит, не валится, с детства в седле, но худо ему, тоска на сердце, ад в голове: зовет его, неумолично зовет голос давно умершей сестры, что-то велит, чего-то требует. Он тяжко болен, его надо спасать.

А в стаде, куда он едет (и где бродят коронованные, инвентаризованные дамы), двенадцатилетний мальчик—его зовут Кеша—под стук дождя рассказывает нам сказку. Глаза у Кеши—два бегущих сверкающих лезвия, а лицо сосредоточенное, тихое, совсем некрасивое, но, честно говоря, это одно из самых обаятельных детских лиц, какие мне приходилось встречать. Гудит огонь в железной печке (на ней Кешина мать печет лепешки), тени от огня бегают по лицам ребятишек, рассевшихся на полу. Тут же и Кешина сестра, она-то как раз из «царевен», очень пригожа, но учиться не может, совсем не варит голова. Есть у Кеши братья, двое, только они в тюрьме, был и третий, да покончил с собой. Был отец, да пропал в тайге при невыясненных обстоятельствах. Кеша не помнит о своих бедах, он ребенок и рассказывает сказку. А я смотрю на него и думаю: неужели и он? Не могу представить себе, не могу поверить, что и он, подросши, тоже злой и мутный, станет шататься по селу, нарываться на драку, неужели тоже?

P.S. Недавно мы звонили в Нижнеудинск (с Гутарой связи нет), Вера Владимировна больше не председатель сельсовета, и водку, хоть и не в прежнем количестве, в село возят.

Начальник нашей организации нередко предоставляет отпуска по своему усмотрению, не считаясь с графиком. Правильно ли это?

К. Ситечкин, г. Куйбышев

Нет, товарищ Ситечкин, ваш руководитель поступает неверно. Отпуска рабочим и служащим должны предоставляться по утвержденному графику, который следует составлять таким образом, чтобы работник отдыхал на протяжении ряда лет в различное время года. При этом следует учитывать желание труженика, а также предоставленные ему льготы и преимущества.

Первый отпуск, как правило,дается после одиннадцати месяцев непрерывной работы на данном предприятии, но в отдельных случаях могут быть исключения, когда отпуск предоставляется авансом.

О времени отпуска администрация обязана уведомить работника не позднее чем за две недели. Если же по каким-либо причинам отпуск предоставляется вне очереди, то работник должен быть предупрежден за два дня.

Очередной и дополнительный отпуск должны быть перенесены или продлены, если работник заболел, выполнял государственные или общественные обязанности. В остальных случаях перенос или разделять отпуск можно лишь как исключение и только при желании работника. Перенос отпуска по производственной необходимости разрешается с согласия профкома, который, в свою очередь, прежде чем согласиться с решением администрации, должен проверить причины мешающие своевременному предоставлению отпуска. При этом следует иметь в виду, что не допускается задержка очередного отпуска более чем за два года подряд. Если очередной отпуск не был использован (полностью или частично) по вине администрации, он предоставляется в следующем году.

Жилой дом, в котором проживает моя семья, подлежит переоборудованию под учреждение. Какие права при переселении я имею и могу ли отказаться от предоставленной квартиры?

Л. Стариков, г. Горький

В соответствии со ст. 91 Жилищного кодекса РСФСР в тех случаях, когда жилой дом подлежит переоборудованию в нежилой, проживающие в нем граждане переселяются в другое благоустроенные помещения, предоставляемые учреждением, которому дом передается.

Переселяемые должны знать, что законодательство дает при этом определенные гарантии соблюдения их интересов. Прежде всего жилое помещение должно находиться в пределах данного населенного пункта, а также отвечать санитарным и техническим требованиям. Кроме того, если гражданин или член его семьи имели право на дополнительную жилую площадь и фактически ее пользовались, жилье предоставляется с учетом нормы дополнительной площади.

Если же кто-то без уважительных причин отказывается от переселения, то он высылается в судебном порядке.

Eдва я вошел в кабинет директора спортивной школы имени В.И. Алексеева Виктора Михайловича Лакомкина, ему позвонили. Директор выслушал, улыбнулся и, положив трубку, сказал:

— Сообщили, что трое наших учеников выполнили норму мастера спорта.

Начало очерка, как видите, получилось мажорное. Хотя, отправляясь в Ленинград, чтобы познакомиться с нынешней жизнью всемирно знаменитой легкоатлетической школы, я предполагал несколько иную тональность своего повествования. Дело в том, что вот уже который год коллектив не является миру новыми чемпионами.

...Слава Алексеева была прижизненной. Давней и громкой. Но это было не просто имя на афише. Виктор Ильич Алексеев до конца дней своих был бесспорным единоличным лидером созданной им в 1936 году школы. Лидером советской легкой атлетики.

«Хотим мы или не хотим,—сказал однажды Виктор Ильич,—но мы бессознательно гордимся людьми, совершенными в движениях, и видим в них себя».

Галина Зыбина, Наталья Смирницкая, Владимир Трусенев, Тамара и Ирина Пресс, Надежда Чижова, Анатолий Михайлов, Борис Матвеев, Александр Барышников — Алексеев не мог не гордиться своими питомцами. Ими гордилась страна. На счету учеников великого тренера 49 мировых рекордов, около 250 всесоюзных, 19 олимпийских медалей.

В этом году Алексееву исполнилось бы семьдесят два. Восемь лет назад во время учебно-тренировочного сбора Виктора Ильича настиг последний инфаркт. Оказалось, что ранее были другие. Он не обращал на них внимания. Он работал.

В течение многих лет в Москве и Ленинграде, Подольске и Леселидзе, Тбилиси и Батуми, Киеве и Минске, Ташкенте и Алма-Ате я имел возможность наблюдать за этой работой. Мы, спортсмены, приходили на стадион и после тренировки отправлялись в гостиницу, в лес, на море, в горы, в кино. Алексеев продолжал работать. С раннего утра и до темноты. Поэтому его хватило лишь на шестьдесят три года.

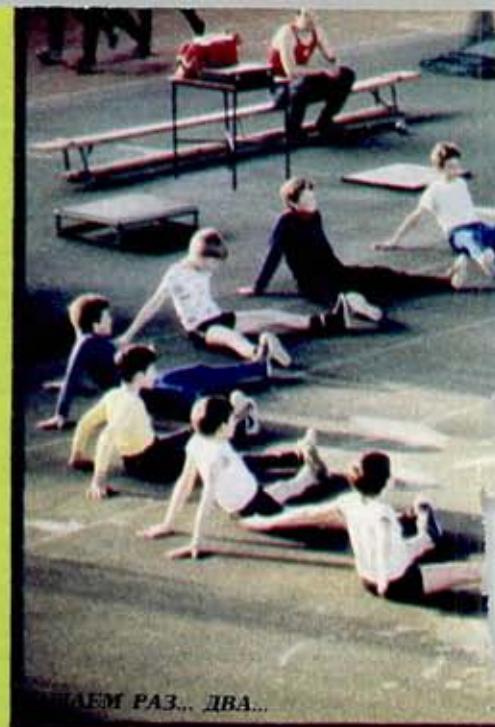
Любая сфера человеческой деятельности неумолимо подвергается специализации. Спорт — не исключение. В легкой атлетике с ее широчайшим разнообразием и диапазоном двигательных действий тренеров-универсалов всегда было немного, а теперь, кажется, и вовсе не осталось. Алексеев — исключение. Он готовил высококлассных мастеров по всем видам метаний, по прыжкам в высоту и с шестом, по барьерному бегу.

Заслуженный тренер СССР В. Я. Розенфельд, вспоминая своего учителя, отмечает способность его «увидеть свои законы движения в каждом человеке... Занимаясь построением движения у того или иного легкоатлета, Алексеев

руководствовался не только его природными данными, морфологией, двигательными качествами, но и психологией, умением своего ученика реагировать на внешнюю среду».

— Стоит вспомнить,— рассказывает олимпийская чемпионка Надежда Чижова,— как он разрабатывал оригинальную технику кругового вращения, новый стиль толкания ядра, которым пользуется сегодня Александр Барышников. Стиль кругового маха, как назвал его сам Алексеев, они с Барышниковым осваивали пять лет. И Барышников первым в мире толкнул ядро на 22 метра.

И — парадокс: познав, осмыслив, преобразив в своем сознании бездну инфор-

ДВЕ РАЗЫ, ДВА...

мации, воплотив ее в выдающиеся результаты. Алексеев, по существу, не оставил теоретического наследия. Будучи «генеральным конструктором» нашей легкой атлетики, держа в памяти массу новейших теоретических сведений, охотно делясь ими с коллегами — отечественными и зарубежными, выступая на чтениях и конференциях, сам он научных статей, а тем более книг не писал — руки не доходили. Однако вряд ли кто-то решился бы назвать его чистым практиком, потому что мозг его постоянно рождал все новые теоретические решения. Вся беда в том, что Алексеев не систематизировал их.

Когда Виктора Ильича не стало, тренеры и ученые спохватились. Как же так? Неужели опыт Алексеева ушел вместе с ним? И вот в 1983 году распоряжением Спортивного комитета СССР была создана комиссия по изучению творческого наследия выдающегося тренера, которую возглавил ректор Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта В. У. Агеевец. Комиссии надлежит изучить те немногие материалы, что остались после Виктора Ильича — записки, конспекты, дневники. Нужно беседовать с его бывшими учениками. И при этом спешить: память человеческая не молодеет. Однако комиссия не торопится. А пока обобщением наследия учителя занимаются тренеры спортивной школы. «В свободное от работы» время.

...Стремительный рост рекордов в легкой атлетике во многом обязан совершенствованию спортивного инвентаря и оборудования.

Так, стиль «флоп» в прыжках в высоту родился после того, как появились превосходные маты, на которые спортсмены могли приземляться, не опасаясь

ЮНЫЙ ШЕСТОВИК
ЛЕНИ МУРИН.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
мастер спорта

АЛЕКСЕЕВСКИЙ КЛЮЧ

КАК СОХРАНИТЬ ТРАДИЦИИ
ВЕДУЩЕЙ
ЛЕГКОАТЛЕТИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ?

повредить шейные позвонки. Еще четверть века назад мы были убеждены, что шестовики одолеют шестиметровую высоту дай бог к середине XXI века. То были времена дюралевых шестов. Однако химия поли-

«И ЛАСТОЧКОЙ СПОРХНЕТ ЯДРО С ПЛЕЧА...»

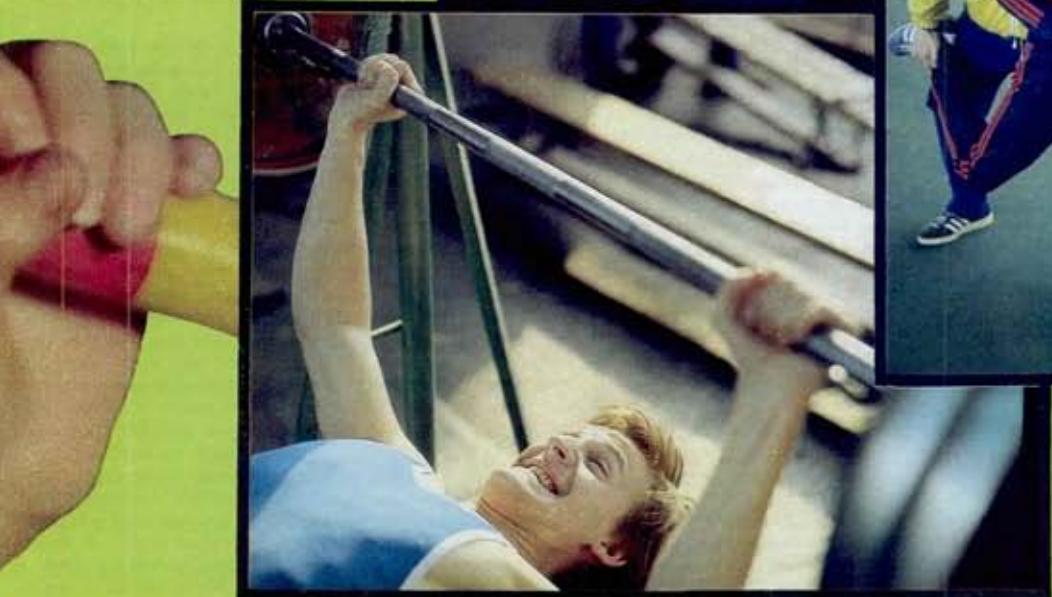
Институт физической культуры, пришел в свою спортивную школу, стал обучать самых маленьких азам легкой атлетики. Род с ними как специалист. Но вот дети подросли, многие из них стали мастерами спорта, в том числе и младший сын Анатолия Аркадьевича — Анатолий. А что же дальше?

Да, на такой дорожке даже маломальски престижные соревнования сей-

меров и здесь сотворила чудеса: недавно Сергей Бубка оставил под собой уже 6 метров.

Совершенно иными стали беговые дорожки. Мое поколение тренировалось и выступало на гравийных, потом появились резиново-битумные, затем тартановые, рекортановые — все более и более упругие, а значит, требующие иной техники бега. И вдруг я вижу на стадионе спортивные школы имени В. И. Алексеева клубы пыли, которую подняли барьеристы группы А. А. Михайлова.

Ученик Виктора Ильича Анатолий Михайлов — целая эпоха в нашей легкой атлетике, 14-кратный чемпион страны в барьерном беге, призер XVIII Олимпийских игр, победитель в матче СССР — США. По образованию инженер. Обладая высочайшим спортивным авторитетом, он, уйдя с беговой дорожки, отказался стать тренером сборной команды страны. Отвернулся от громкой славы своей. Поступил в

«ПРЕНЕРЫ ШКОЛЫ — БЫВШИЕ ЕЕ ПИТОМЦЫ.»

час не проводят. Представляю себе, как воспитанники Михайлова приезжают в другой город и выступают на тамошнем стадионе с нормальной рекортановой дорожкой, у которой совершенно иные физико-механические свойства, иная реакция на воздействие силы. Как тут быть со скоростью, ритмом, с техникой этого сложнейшего легкоатлетического упражнения?

Зимой легкоатлеты тренируются в ма-не. Но нужно видеть то синтетическое покрытие, которое здесь положено. Нет, лучше бы не видеть! Лучше, если было бы такое, как в наших московских легкоатлетических манежах — «Юность». Институт физической культуры, спортивные школы имени братьев Знаменских, «Динамо» и других, коих в столице более десятка. А в Ленинграде с его более чем четырехмиллионным населением их всего два. Стоит ли пояснять, сколь чудовищную нагрузку несет на себе дорожка манежа спортивной школы имени Алексеева — дорожка, на которой тренируются не только ее воспитанники, но и половина легкоатлетов города.

К тому же эта дорожка была положена с грубыми нарушениями важных технологических принципов. Отсюда — рва-

ТЕХНИКА — ДЕЛО НАЖИВНОЕ.

**ДЕРЖИСЬ,
РЕКОРД!**

ные раны, трещины, пузыри. Вот уже второй год идет ремонт покрытия.

Но самое удивительное в том, что эта грустная картина как-то уживается с уникальной технической оснащенностью дорожки и секторов манежа. Так, под покрытием дорожки, на каждом ее метре заложены «петли» — приемные антенны. На спортсмена надеваются миниатюрный передатчик и передающая антenna, сделанная в виде пояса. Информация, выводимая на электронное табло, позволяет тренеру получать данные о скорости бега на любом участке дистанции — причем с точностью до 0,001 секунды.

Или система стробографии, позволяющая получить на одном снимке последовательные изображения всех фаз движения легкоатлета, а также с высокой точностью выполнять расчеты биомеханических характеристик.

Так и живут под одной крышей двигатель прогресса и его тормоз.

Однако напрашивается вопрос: позвольте, но разве в лучших условиях росла и вырастала до мировых высот блестящая плеяды учеников самого Виктора Ильича?

Чтобы ответить на него, давайте вспомним, что сильнейшие кольметательницы мира превысили достижения Наталии Смирницкой более чем на 20 метров. Женское ядро летит теперь на 4 метра дальше мирового рекорда непобедимой Тамары Пресс. Барьеристы пробегают 110-метровую дистанцию почти на секунду быстрее Анатолия Михайлова. Весь мировой легкоатлетический спорт оснащен сейчас принципиально иначе — оборудованием, инвентарем, аппаратурой, многими вспомогательными средствами, — чем даже десять лет назад. Выдающиеся результаты в спорте рождаются только на основе совершенной комплексной технико-методической системы, в которой не должно быть слабых звеньев.

Конечно, трудности организационного характера нередко возникали и у самого Алексеева, решать которые ему приходилось порой просто силой своего авторитета. Что тут скрывать: он мог открыть чью-то тяжелую дверь и добиться своего.

Бросается в глаза, что с «международниками» стало похуже, зато с мастерами намного лучше, и мне кажется, эта выкладка раскрывает нам положение веющей достаточно наглядно. Алексеев готовил высококлассных мастеров. Сейчас их пока нет. Однако, уверен, они будут. Залог того — массовость «среднего» мастерства. И, конечно же, высокий профессионализм и неистощимая энергия тренеров школы, большинство из которых — прямые ученики Виктора Ильича.

Тренерский коллектив спортивной школы насчитывает 23 человека, как опытных, так и молодых, лишь недавно прекративших выступления. Они делают все, чтобы, как и в лучшие годы школы, расширить пополнение для сборной команды страны. Эта работа начинается в обычных средних школах. Одной из основных заповедей Виктора Ильича была повседневная кропотливая подготовка именно самых маленьких. И она ведется всеми тренерами на общественных началах. Почти каждый из них занимается в подшефной школе, ведет группу, периодически организовывает там соревнования, внимательно следит за каждым участником.

Тренера, подобного Виктору Ильичу Алексееву, пока нет. Алексеев незаменим. Но школа его имени живет и дышит полной грудью, оставаясь верной памяти учителя, его делу, его принципам.

Виктор Ильич учил своих питомцев жить и работать в полную силу, учил личным примером.

Они стремятся жить и работать так. Но если бы им еще хоть немного настойчивости, упорства, целеустремленности Алексеева, когда тот шел к цели!

Вместе с женой мы валяемся на теплых камушках пляжа в местечке Лазаревское, недалеко от Сочи. Пляж пустынен. Кроме нас, еще три-четыре человека. Отойди шагов сто, и можно купаться голым. Вот еще какие-то две фигуры шагают по гальке в нашу сторону. Прохожие редки. Приближаются.

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич!

— Батюшки, Олег, Геша! Здравствуйте! Куда вы?

— Решили исследовать Кавказское побережье.

Идем от Новороссийска до турецкой границы, — шутит коренастенький, румяный Печников.

— Как вы здесь проживаете? Бросили писать ту пьесу или продолжаете? — спрашивает тощий и повышающим ростом Ефремов.

— Пытаясь доделать.

— Давайте! Мы за нее готовы бороться, нам она нравится... Ну, счастливо отдыхать! Мы топаем дальше.

Оба веселые, загорелье. С первого взгляда посторонний мог бы традиционно покачать головой и изречь: «Ох, эта молодежь! До чего пуста и беспечна. Одни гулиники!»

Конечно, кто же в молодом угадает взрослого. А ребята действительно озорные. Когда Ефремов и Печников пришли, можно сказать, птенцами, только что выплыли из гнезда Школы-студии МХАТа, в Центральный детский театр, поначалу они казались такими тихими, такими скромными пай-мальчиками — муки не спутнут. Но вскоре... вскоре, как только укрепились актерски, раскрылись иначе. Нет, это, оказывается, были не тихие хлопцы. Они принесли с собой что-то веселое, даже лихое. Вокруг них споры, смех, розыгрыши, озорство. Мало того, что Ефремов сразу же заявил себя обаятельным и, безусловно, одаренным актером и даже получил первый приз на просмотре молодых актерских дарований, он еще увлек за собой в какой-то шумный и веселый карнавал закулисную жизнь театра. Вокруг него объединились. Видимо, и мальчишкой Олег был заводилой. Верно писал философ Джон Локк: «...и если из озорных детей, полных огня и жизни, вырастают иногда знаменитые и даже великие люди, то души слабые, приданные, тихие редко вырабатываются во что-нибудь годное».

Упоминали они тогда на пляже о моей пьесе «Страница жизни», над которой я действительно долгое время мучился. Ефремов и Печников относились ко мне хорошо, так как дебютировали они в детском театре удачно именно в первой моей пьесе «Бе друзъя». Получалось, вроде бы и я сыграл какую-то положительную роль в их жизни. Ох, как давно это было! Почти не верится, что тот беспечно шагающий со своим приятелем длинный загорелый паренек, этакий Тиль Уленшпигель, сейчас главный режиссер первого театра страны, что он уже пожилой человек с усталым, озабоченным лицом, с лицом и всем обликом скорее мастерового, чем того глубокого и тонкого художника, каким он является сегодня. Долгий, трудный, славный путь! Я бы сказал: великолепная карьера, если бы из этого слова не образовалось другое — карьеризм. Мне всегда кажутся ничтожными люди, каких бы высоких должностей и наград они ни добились, которые действуют окольными, а порой и подлыми способами. Я знал и знаю таких людей. Ефремов же всю жизнь упорно, страстно, целеустремленно трудится, с предельной отдачей всех сил, иногда до самоистощения. И если результатом его труда является достижение громадных высот в искусстве, то, пожалуйста, назовите это карьерой, не возражаю. Но не он идет за карьерой, она следует за ним.

Писать об Олеге Николаевиче трудно. Он фигура сложная, нередко противоречивая. И все-таки я хочу это сделать. Трудно еще и потому, что он многолик — актер, режиссер, педагог, организатор. Кроме того, он вечно в движении к намеченной новой цели и, следовательно, неожидан. Все эти сроки лет я никак не понимал, чего он в конце концов хочет. Ну, засветился своим актерским дарованием в Центральном детском, ну и свети, будь доволен. Черт с два! Хочет стать режиссером и ставит пьесы Коростылевы и Львовского «Димка-невидимка». Удачно! Режиссер? Пожалуйста! Кажется, все. Нет, у него возникает идея создать свой театр. Вот тут-то талант организатора, способность лидера и стали выявляться в нем с особой яркостью.

Зачем новый театр? Страшно ответить: театральное искусство омертвело, МХАТ, вечный носитель нового, углас почти окончательно. Ефремов покушается на своего великого учителя. Нет, не затем, чтобы свергнуть кумира, а вдохнуть в него душу, оживить. Ищет соратников. Лидер их всегда находится. Он обладает магнитическим свойством. Силой тут никого не заставишь. Увлечь, только увлечь! И увлекает. Теперь-то мы их знаем: Евстигнеев, Толмачева, Волчек, Дорошина, Кваша, Табаков... Да

кто из любителей театра не помнит славнейшую плеяду создателей театра «Современник»!

Открыть новый театр в те годы было и легко, и трудно. Легко оттого, что веяло ветром нового в нашей всеобщей жизни. Трудно потому, что новых театров не создавалось с 20-х годов. И откуда в актере такие организаторские способности! Высматривает во все глаза лучшую молодежь всех театров столицы, соблазняет новым. И идут, идут! Даже уходят из театров с более высокой зарплатой на самую мизерную. Ради нового, ради искусства.

Если уж говорить всерьез, искусство бесплатно. Это жизнь так устроена, что артисту, художнику, музыканту, скульптору надо платить за его труд. Когда-нибудь люди будут творить безвозмездно.

Я каким-то краем коснулся этого радостного, возбуждающего душу времени с самого начала будущего «Современника». Ефремов пришел ко мне в

**ОЛЕГ ЕФРЕМОВ
РЕПЕТИРУЕТ
С АРТИСТАМИ МХАТА
АНДРЕЕМ МИНКОВЫМ,
АНАСТАСИЕЙ
ВЕРТИНСКОЙ
И ЕВТЕНИЕМ
ЕВСТИГНЕЕВЫМ.**

ЧЕРТА

Виктор РОЗОВ

Зачмон — так мы, жители бывших келий Зачатьевского монастыря, называли свою обитель — и сказал:

— Виктор Сергеевич, мы создаем новый театр и хотим поставить вашу пьесу «Вечно живые». Вы не возражаете?

Какой же автор будет возражать, если его пьесу хотят поставить в театре да еще затевается что-то новое?

Вокруг Ефремова вижу и самых интересных молодых режиссеров того времени: Эфрос, Львов-Анохин, Миников; талантливый, но рано ушедший из жизни критик Саппак и целый актерский курс Ефремова в Школе-студии МХАТа. Сумел Ефремов сделать своими соратниками и старших: В. Я. Виленкина, прекрасного критика и хранителя лучших традиций МХАТа, В. З. Радомысленского, директора студии. Видимо, и в Московском комитете партии, и в Министерстве культуры также нашел Ефремов поддержку.

Пьеса репетируется по ночам в помещении Школы-студии. И уже хорошо обосновавшиеся в разных театрах молодые актеры, побыстрее разгримировавшиеся после спектаклей, спешили на ночные репетиции. И — до утра! А утром, утомленные, но счастливые, шли по ранним улицам Москвы к только что начищающим позякивать трамваям. Я бывал на этих репетициях и помню эту раннюю, утреннюю Москву, полную тайной свежести.

Невозможно и нет смысла подробно рассказывать о тех днях. Но я думаю, что все, кто тогда объединился вокруг Ефремова, вспоминают о том времени как о счастливейших днях жизни. Молодость, поиск, прилив энергии, вера. Сначала театр-студия. И уже горячие споры вокруг. Одни снисходительно похлопывают по плечу: «Молодцы, мальчики! Конечно, не вершина... но мило, мило». Другие: «Чего они там мурят! Бормочут себе под нос, не разберешь. Ерунда!» Но и настоящих энтузиастов вокруг все больше и больше.

Меня всегда удивляло и радовало в театре синхронное понимание и чувствование нового в искусстве молодых исполнителей и зрителей. Впрочем, почему удивляться! Понятно, у взрослых вкус с течением лет превращается в привычку. А как трудно отказываться от своих привычек, они же «замена счастью». Хочу тут же сказать, что при первых же серьезных успехах студии она вызывала взрывы яростного неприятия у некоторых актеров того времени.

Скромно играя то в крохотном зальчике студии, то где придется, Олег Николаевич с помощью Радомысленского добился возможности сыграть спектакль на сцене филиала МХАТа, что на улице Москвина. Это была большая победа лидера. А в 1956 году студии присвоили звание театра и называли его «Современник». Крайне удачное название! И посыпались, как из рога изобилия, спектакли, спектакли, спектакли, преимущественно пьесы мо-

лодых авторов, которых тоже притягивал к себе Ефремов. А зрители выстраивались в длинные очереди в кассу, а то и с ночи дежурили у подъезда. Впрочем, подъезда еще не было, были двери.

С этим театром у меня связаны годы жизни. Сколько он мне дал радости! И не только оттого, что там играли мои пьесы. Я получал в этом театре хорошую дозу простого зрительского счастья на любом спектакле. Пьесы свежие, режиссура молодая, актеры только что из пекла! Очень уважая старых мастеров театра, наслаждаясь их искусством, но новый звонкий голос, неожиданные, неслыханные доселе интонации да просто и сами юные лица вселяют в тебя жизненные силы.

Пожалуй, замечу: манера игры, которую требовал от актеров Ефремов, совпадала с той, которой добивалась от своих актеров Анатолий Эфрос. Недаром оба они в одно и то же время росли в Центральном детском и оба чувствовали, что время требует обновления. В дальнейшем каждый пошел своим путем. Исполнением ролей актер Ефремов как бы подтверждал ту систему игры, которой требовал от других. Мне еще в те времена пришло такое сравнение: до Художественного театра актеры играли как бы по молекулярной системе. Станиславский расщепил молекулы, и его актеры стали играть по атомной системе, и эффект произошел поразительный. Ефремов старался расщепить и атом и во многом преуспел. Как ни шипели старые актеры на эту новую, более правдоподобную манеру исполнения ролей «Современника», постепенно и они почувствовали, что играть по-старому стало неловко.

«Современник» края от года к году, он просто стал любимейшим театром столицы. Скажем прямо, он создание Ефремова, хотя сам Олег Николаевич может это опровергнуть и сказать: вместе с соратниками.

Пожалуй, до недавнего времени я больше всего в Ефремове любил актера, даже не раз говорил ему: «Олег, вашей обширной деятельности вы ущемляете себя как актера, вы в первую очередь актер». Ефремов выслушивал мои слова — а я не раз произносил их ему — спокойно, не опровергал, не говорил «да, да», можно сказать, пропускал мимо ушей и поступал по-своему. Я и сейчас жалею, что Ефремов не сыграл, допустим, короля Лира или, когда был маложе, Хлестакова. В нем есть все — от трагизма до водевильной легкости. Я помню, какое восхищение тончайшим беспощадным юмором он вызвал у меня, играя на вечере в ВТО рассказ Чехова «На чужбине». Зрительный зал то взрывался смехом, то замирал в недоумении — смеяться или плакать. Однажды, когда Ефремов исполнял роль Бородина в «Вечно живых» — это было на ранней поре театра «Современник», который играл тогда в помещении гостиницы «Советская», — в предпоследней сцене с Марком Олег Николаевич столь глубоко вошел в суть происходящего, что мне

АРАКТЕРА

показалось: нет, это не актер Ефремов, это живой профессор Бородин в таком гневе, что я вместе с его дочерью Ириной готов был воскликнуть: «Папа, тебе нельзя так волноваться!» Казалось, Ефремов — актер потеряет контроль над собой и действительно с ним случится удар. Зритель, я бы сказал, сидел, ошеломленный и напряженный до предела. Актер Ефремов способен на такие выходы к порывам вдохновения.

Гражданская, социальная страсть Ефремова — лидера не выражается им риторически, а только через систему художественных образов. Думаю, Ефремову не будет обидно, если я скажу, что актер в нем часто главенствовал над режиссером. Если Ефремовставил пьесу и сам играл в ней, он невольно (подчеркиваю: невольно) всю пьесу «перетягивал» на себя, на эту роль.

Был любопытный, даже комический случай, подтверждающий мои соображения. Олег Николаевичставил мою пьесу «С вечера до полудня», где главный персонаж — спортивный тренер Ким. Ефремов взялся играть отца Кима — Жаркова. Перед началом репетиций Ефремов пришел ко мне и рассказал, как он замышляетставить спектакль. Из этого рассказа я понял, что главный персонаж пьесы не Ким, а его отец — Жарков. Я редко суюсь в режиссерскую работу, но тут не удержался. «Олег, — сказал я, — вы в первую очередь актер и потому перетягиваете всю пьесу на себя». «Ничего подобного, — воскликнул Ефремов, — что вы, да в таком случае я не буду играть Жаркова!» Мне не хотелось, чтобы Олег Николаевич отказался от роли, и, как-то вильнув, я успокоил его. Спектакль (дело уже прошлое) был не из лучших. Но дальше случилось совсем неожиданное. Игорь Кваша, исполнитель роли Кима, неожиданно заболел, а вечером идет именно спектакль «С вечера до полудня». И Олег Николаевич берется сыграть Кима, тем более что на его роль Жаркова к тому времени был введен дублер. Как назло, в этот вечер я не мог быть на спектакле — не помню, не то болел, не то где-то выступал. А как мне хотелось видеть Олега в этой роли, я же мечтал, что именно он будет играть Кима! Я попросил жену непременно пойти на спектакль. И представьте, что Надя рассказала мне вечером: «Олег играл великолепно и сказал мне: Надежда Варфоломеевна, я сейчас понял, что главное лицо пьесы — Ким». Ефремов понял это не умом, а своей актерской сущностью. Впрочем, если бы Олег Николаевич играл какую-нибудь роль и без слов, все равно считал бы ее главной ролью в пьесе. И это его свойство замечательно!

Создан «Современник». Сыграно много ролей в театре и кино. Вон сколько таилось в этом художником юноше, беспечно шагающем вдоль черноморского побережья!

Но самое трудное дело было впереди. «Современник» цвел, был любим зрителями и критикой. И вдруг... Сидел я вечером дома. Звонок в дверь.

Открываю — на пороге Олег Ефремов.

— Виктор Сергеевич, я к вам — посоветоваться.

Дело, очевидно, какое-то чрезвычайной важности, так как Ефремов в том времени был уже не тот человек, который советуется с кем бы то ни было по пустякам, — уже советуются с ним. Проходим в кабинет.

— Садитесь, Олег.

— Мне предлагают возглавить МХАТ.

Эк хватил обухом по голове!

— Зачем вам МХАТ? У вас есть «Современник».

— Но, Виктор Сергеевич, гибнет главная театральная ценность страны. Нельзя же относиться к этому равнодушно.

— Да бог с ней, с этой ценностью! Дело гиблое, не воскресиши.

— А я хочу попытаться.

— Вас съедят.

— Я знаю. Но хочу попробовать.

— Олег, — продолжал я, — есть время, когда грибы растут,

а есть время, когда не растут. И потом — «Современник»?

— Его возглавит Галия Волчек.

Нет, я не представляю себе театр «Современник» без его создателя и руководителя, и я любил этот театр давно и горячо. Но одно дело — я не представляю, а он представляет. До глубокой ночи шел наш горячий разговор. Всеми доводами я старался убедить Ефремова не уходить из «Современника» и не пытаться реанимировать МХАТ. Должен напомнить тем, кто забыл, и рассказать тем, кто не знает, что в те годы МХАТ действительно переживал самый критический период своего существования. Произошло нечто ужасное. Зритель покинул этот когда-то священный храм искусства. Билеты во МХАТ продавались в нагрузку к билетам в театр «Современник». Внутренний организм МХАТА сотрясался от междуусобиц. И хотя были еще живы крупнейшие мастера, но и они не собирали публики. Уж чего бы Олегу не пирожить победу! А он не пирожил, он искренне сокрушался. Была у меня тогда в голове недостойная и мелкая мысль: уж не облагает ли Ефремова такой высокий трон?

Ефремов ушел от меня около двух часов ночи. Запомнилось, как мы еще на площадке продолжали диалог и я крикнул: «Не делайте этого шага, Олег!» А он ответил: «А я попробую!»

Я пишу эти строчки с тем, чтобы признать свою неправоту и подчеркнуть силу Олега Ефремова. Видимо, исчерпав в какой-то степени свою фантазию в рожденном им «Современнике», создав плеяду прекрасных актеров, он не видел там дальнейшей точки приложения своих сил. А силы в нем бродили и бродили. И то, что он истинно страдал от разрушения МХАТА, я тоже вскоре понял.

Его назначили главным режиссером МХАТА, и началась битва Боры-королевича. Тут-то с особой ясностью и проявился свойства лидера в уже возмужавшем Олеге Ефремове. Я часто задумывалась над вопросом: «Какими чертами должен обладать лидер?» И в уме моем сложилась такая схема: прежде всего лидер талантлив и смел до отваги. Умен и находчив. Обладает громадной силой воли. Но самое главное — видит в далекой перспективе прекрасную цель, к которой стремится. Он раскрывает видение цели другим и увлекает в движении к ней за собой. Он еще может неточно знать пути к цели, но его уверенность в том, что он ее достигнет, столь велика, что, можно сказать, биологически передается другим. Ему верят. В идеале каждый руководитель должен быть лидером. Но, к сожалению, иные из них больше похожи на пастухов, которые идут не впереди стада, а плетутся сзади.

Назначение Ефремова на пост главного режиссера МХАТА началось с того, что один из славнейших и знаменитых актеров МХАТА сказал: «Ноги мои в театре больше не будет, пока этот мальчишка не уберется к чертовой матери!» Не знаю, была ли его

нога в театре или нет, может, и была, хотя бы два раза в месяц. Актер этот давно умер — мир его праху! Много счастливых минут он доставил зрителям своей блестательной игрой. Любил его и Станиславский. Но все меняется и все проходит.

Недоброжелателей было больше, чем сторонников. Как там Олег Николаевич лавировал в создавшемся лабиринте внутритеатральных взаимоотношений, не представляю. Лично я от подобной ситуации бежал бы на край света. Он не бежал. Первые постановки Ефремова во МХАТе, конечно же, вызвали интерес, особенно у театралов. Сколько-нибудь резкого поворота к лучшему сразу не ощущалось. Ефремов, видимо, и не рассчитывал на чудо, на какую-то волшебную палочку. Теперь уже, глядя издали, можно понять, что перестройка театра шла не по линии его ломки до основания и постройки нового, современного здания на старом месте, а скорее напоминала реконструкцию, при которой бережно сохранялось все ценное, а обветшалое заменялось крепким новым.

— Если за четыре года не добьюсь успеха, — говорил мне Олег в тот памятный вечер, — брошу все и уйду, буду только актером.

Четыре года прошли. Заметных сдвигов не было. Так, кое-что мелькало. Но Ефремов не ушел с легендарного капитанского мостика. «Что там ему вдарили мерещилось? Каким способом он произведет эту реконструкцию?» — думал я. Если не уходит, не отчаялся, значит, что-то видит вдали.

Дело театральных историков — проследить, как шаг за шагом происходило обновление МХАТа. Теперь каждый видит, что реконструкция произведена, МХАТ обновлен, воскрес из руин. Я считаю это и подвигом, и чудом. А дальше... дальше еще любопытнее. Лидер повлек за собой лучших актеров страны. К нему во МХАТ пришли Евстигнеев, Мягков, Вертинская, Борисов, Табаков, Доронина, Смоктуновский, да всех и не переберешь. И от прославленных актеров старшего поколения МХАТа А. О. Степановой и М. И. Прудкина я слышал в адрес их главного режиссера много добрых слов.

Хочу отметить еще одну черту Олега Николаевича, тоже примечательную и редкую в нашем театре. Увы, как часто главный режиссер того или иного театра никому не дает ставить пьесы в своем театре! Не поймешь, не то это жадность, не то страх, что кто-то поставит спектакль лучше его. Особенно боятся пригласить хорошего режиссера. У Ефремова всевозможных режиссеров пруд пруди. Даже Анатолий Эфрос сделал во МХАТе три постановки. И трон не покачнулся. А сколько молодых режиссеров! И все оттого, что Ефремов думает не о себе, а о деле. Пробует, ищет, отыскивает.

Я порядком старый Олег. Так и зову его — Олег. А он меня величает — Виктор Сергеевич. Так уж повелось с первой встречи: ему тогда было двадцать два, а мне — тридцать шесть. Я был опален войной, он только издали чувствовал ее дыхание. Долгое время мне казалось, что я в театральном искусстве понимаю больше его, а теперь вижу — нет, он теперь понимает больше, ушел дальше. А главное — находится в самом средоточии театрального дела. Понял я это, когда увидел его постановки пьес Гельмана и, конечно же, чеховского «Дяди Вани». Именно эта постановка Ефремова как бы окончательно сказала: МХАТ воскрес. Нет, это не прежний МХАТ, прежний стал историей, оставил после себя воспоминания в старшем поколении, в статьях, книгах, написанных о нем. Новый МХАТ обладает своими собственными свойствами, и, может быть, это особенно замечательно, так как он не стал мемориалом. Но билеты на спектакли МХАТА купить уже трудно. Постойка в очереди!

P.S. Статья эта была уже в редакции, как вдруг возникла необходимость в Post scriptum. И вот по какой причине: мы обсуждали с одним автором его рукопись, и он мне сказал:

— Я хотел показать свой рассказ Олегу Николаевичу Ефремову, мы с ним учились в одном классе, но постеснялся. Знаете, — добавил он, — Олег Николаевич прирожденный лидер...

Я так и подпрыгнул на стуле и воскликнул:

— А я недавно отдал в журнал «Смена» статью, в которой именно так характеризую Ефремова.

— Да, да, — воодушевленно заговорил мой собеседник. — Он и в классе всегда был лидером. Знаете, обыкновенно вожаком в школе бывает тот, у кого большие кулаки. Олег никогда не дрался, но все относились к нему с особым уважением, от него чем-то веяло, что-то притягивало к нему. Кстати, он после школы один год в Институте стали проучился. Вы знали об этом?

— Нет, не знал.

— Если бы он его окончил, то и в металлургической промышленности стал бы руководителем, директором завода, даже объединения. И министром мог бы стать!.. Да, да, он лидер. В нем что-то такое есть, чему слово не подберешь... От него исходят какие-то токи...

Очень я обрадовался этому разговору.

Леонид БОГАЧУК

Тема героизма близка каждому советскому человеку. Поэтому мне нетрудно представить читателям своего земляка, ленинградца, молодого писателя Леонида Богачука. Его рассказ, созданный на основе личных впечатлений, можно даже сказать, во многом документальный, показывает героические будни наших воинов. Работая в Демократической Республике Афганистан, Богачук встречался с теми, кто отстаивает завоевания Апрельской революции,— рабочими, дехканами, солдатами-афганцами, воинами ограниченного контингента советских войск. С полным основанием я вправе говорить о том, что молодой литератор и сам выполнял почетное и одновременно опасное задание, потому что для контрреволюции нет ничего опаснее людей, несущих просвещение и правду народу, отстаивающему свою свободу. Именно в этом суть работы советских журналистов в Афганистане.

Леонид Богачук родился в 1945 году, служил на флоте, на подводной лодке, затем стал рабочим, позже — комсомольским работником и, наконец, журналистом. Уверен, что жизненный опыт сыграет положительную роль и в его литературной деятельности.

Радий ПОГОДИН

Он пришел на рассвете со стороны Самангана примерно за час до подъема. Шатаясь от усталости, добрел до въезда в гарнизон, сел и стал пристально разглядывать часового.

— Я даже автомат поудобнее перехватил,—рассказывал потом ефрейтор Комиссаров, дежуривший в то утро на посту КПП,—представляете—этакое серое косматое чудище пришло откуда-то и разглядывает тебя! Сидит, понимаешь, и ни слова! «Ты чего?» — говорю... И тут он... Ей-богу, мужики, не вру: пасть у него — во! Как раскрыл! Я чуть очередь в него не врезал! Потом смотрю, а это он улыбается!

«Косматое чудище» подошло к дежурной БМП и легло, устало уронив тяжелую голову на правую лапу.

— Ты откуда явился? — потребовал отчета ефрейтор.— Пароль знаешь? Пес сел и уставился на дежурного. Говорят, что собака не выдерживает человеческого взгляда. Может быть, и так. Но эта собака могла. Комиссаров даже немного смущился.

— Судя по пыли, которую ты на себе тащишь, от самого Кабула топаешь? А? Столичный житель? — заговорил Комиссаров.— А чего такой уверенный?

Ефрейтор считался остроумным парнем. Некоторые его шуточки становились присказками в гарнизоне, но еще никто и никогда до этого утра не слушал Николая с таким восхищением! Чудище, изумленно подняв желтые брови, колотило хвостом по земле, чуть слышно поскучивая от счастья и умиления.

— Кончай пытлы! — строго приказал Комиссаров.

Гость яростно почесался.

— Запаршивел, — заметил ефрейтор.— Русский язык знаешь... От колонны отился? И давно шляешься? Грязный-то какой! Богат, небось, живностью, как Крез. Придется санобработочку пройти, у нас иначе нельзя. Крез... Неплохо звучит, а?

Пес, навострив уши, выслушал его, потом подполз ближе и улегся, уткнув нос в его ботинок.

— Ну ты даешь! — только и сказал Комиссаров.— Не хватало, чтобы тебя здесь обнаружили. Место, Крез!

Тот поднял глаза на ефрейтора, словно спрашивая: «Где это?»

— Место! — повторил Николай и показал на БМП.

Крез вздохнул и полез под брюхо боевой машины. Тотчас оттуда показался его черный нос и желтые точечки бровей: «Правильно?»

— Молодец!

Крез раскрыл пасть, вывалил на сторону длинный розовый язык и задышал часто и коротко, как новичок, откусивший по неопытности местный злой перец.

«Дышите глубже — вы взволнованы!» — хотел сказать Николай, но глаза собаки сияли таким детским восторгом, что ефрейтор закашлялся.

После смены ефрейтор направился к палатке. Под безмятежной послышалась тихое поскучивание.

— В чем дело, Комиссаров? Кто это? — спросил прапорщик Ниязмаков.

— Собака моя пришла. Нашла меня все-таки. Смысленная, товарищ прапорщик.

— Как это пришла? Откуда?

— Обыкновенно! — пожал плечами Комиссаров.— Из дома. От Казани до границы всего тыщи три верст по карте. А уж от границы и вовсе близко.

— Что за ерунду вы говорите? Как это собака могла знать такой маршрут?

— Я ей все подробно написал, товарищ прапорщик.

— Покажите! — потребовал прапорщик.— Как там его: Шарик?

— Крез, товарищ прапорщик. Крез, ко мне!

Из-под безмятежки выбралась пыльная зверюга и встала у правой ноги ефрейтора.

— Восточноевропейская овчарка, — определил прапорщик.— Как же ты ее запустил! Обучена?

— Так точно, товарищ прапорщик! Умнее хозяина.

— Это нетрудно заметить, — усмехнулся прапорщик и приказал: — Отмыть, накормить, дать высаться. Завтра должен быть готов нести службу. Где разместим?

— В окопнице у насосной.

— Как вы догадались, ефрейтор? — удивился прапорщик, потом поглядел на Креза и заключил: — Признайтесь — он вам подсказал? Крез, веди хозяина мыться!

В мелкую бурлившую речушку Крез зашел охотно. Он покорно стоял, пока ефрейтор намыливал его, тер и плескал водой. Только иногда, когда жесткие пальцы особенно сильно милю холку или грудь, он кряхтел, но тут же старался лизнуть Николая в нос, как бы говоря: «Извините, не сдержался. Уж очень хорошо».

— Какие мы красивые, — приговаривал ефрейтор.— Холка у нас черная, воротник у нас вороной... Но лапыто как сбиты — до крови!.. А хвост сейчас у нас будет пушистый. Красавец!

Крез вытянул шею и хвост, отряхнулся, обдав Николая тучей брызг, и чихнул.

— Будь здоров!

Они направились к кухне, Комиссаров поставил перед Крезом миску с кашей.

— Подзаприсься. Потом специально буду тебе готовить, без приправ всяких. Вам, говорят, не положено.

— Кто тебя к плите пустит? — обиделся повар.— Отравлю животное, что ли?..

— Ладно, варя сам, — согласился ефрейтор.— Вроде ему нравится.

— Еще бы! — не остыл от обиды, откликнулся повар.— Полбанки тушенки ему вбухал... Смотри: погнал... Как Харламов с шайбой!

Крез уже закончил с кашей. Вылизывая миску, он так напирал на нее, что она со скрежетом ползла по земле. Он дрогнул ее, напирал еще сильнее.

— Вечером зайдем. Ко мне, Крез!

— Миску не забудьте! Казенное имущество! — крикнул повар. Ему было немного жаль, что не он сегодня стоял на посту, не за ним теперь ходит большая красавая овчарка.— Коля, знаешь, как называется у моряков вахта от четырех до восьми утра? «Собака»! Говорят, самое тяжелое время. Я как раз под утро спать не могу... Надо было сегодня подменить тебя...

Крез осторожно взял миску зубами за краешек, словно боялся прокусить казенное имущество, и медленно побрел за ефрейтором.

Николай бросил в узкий окопчик, выбитый в каменистом грунте, свой старый бушлат:

— Место! Отдыхай! Лежать, Крез...

Пес тяжело спрыгнул в окоп, понюхал бушлат и лег рядом, зарывшись носом в рукав. Он смертельно устал.

Комиссаров спустился к реке, набрал воды и поставил миску рядом с собакой, которая едва шевельнула хвостом при его приближении. Крез уже спал. От солдатского бушлата пахло чем-то удивительно родным...

Еще три дня назад его звали Амуром, а его хозяин — Володя Цыганков, заходя по утрам в вольер, брал его за уши и говорил: «Все, Амур, нам с тобой осталось всего восемьдесят три дня! Понял, собачина! Скоро едем домой!» Амур терпел его жесткую хватку и норовил лизнуть хозяина. Тот хохотал и уверчивался.

Володю Амур помнил с первых секунд своей второй жизни. Он помнил, как его грубо вытащили из хозяйственной сумки, в которой противно пахло луком, и швырнули. Он пролетел полкомнаты по воздуху так, что сердечко едва не остановилось, и голос Большого Папы сказал: «Это тебе, сын, ко дню рождения». Амур очнулся в теплых и ласковых ладонях. Это был его хозяин и друг.

С тех пор они с Володей не разлучались. Он привык будить хозяина по утрам, пробираясь к нему в комнату с поводком в зубах, ожидать его из школы, привык с уважением относиться к Большому Папе и Маме, с удовольствием им подчинялся... Терпеливо, особенно в беззаборной молодости, переносил их справедливые разносы и наказания. Но даже им Амур не позволял повышать голос на своего друга. Володю он любил так, что порой собачье сердце билось где-то в горле.

Он не мог представить себе разлуку с Володей. Поэтому для Амура и их совместное появление в военкомате, которое поначалу вызвало немало шуток, и учеба в школе саперов, и дальнейшая совместная служба в Афганистане были совершенно естественны.

Они знали друг о друге все. Амур работал исключительно чисто. Он был всегда спокоен и полон достоинства. В его жизни изменились только внешние обстоятельства. Служба не потребовала от него психологической перестройки или надлома. Они по-прежнему были вместе, а с Володей Амур всюду чувствовал себя уверенно.

Свою первую жизнь он помнил слабо. Лишь иногда во сне он становился опять маленьким, ощущал теплый, вылизывающий его языком матери, ее нежные соски, опять захлебывался восхитительно-прекрасной едой, которую они дарили... Никогда больше ему не приходилось есть ничего сравнимого по вкусу... В такие минуты Амур плакал во сне, перебирал лапами, словно старался догнать и удержать это прекрасное время.

КРЕЗ И КЛЕО

Мины он находил легко. Эта новая игра, которой он научился в саперной школе, ему нравилась. За каждую находку, в которой он не видел ничего особенного, он зарабатывал такие похвалы, что непременно бы загордился, не будь рядом хозяина, который наверняка понимал, что для него это пустяки... В Афганистане он научился ездить на машинах, бронетранспортерах, боевых машинах пехоты, летать на вертолетах, терпеть жару и холод. Рядом с хозяином он любое испытание переносил спокойно. Так было до недавнего времени, пока он не потерял друга...

Этот день с самого начала сложился странно. Володя положил его в десантном отсеке бээмпе, а сам поднялся на броню, ехал сверху. «Отсыпайся, старайся, — сказал он.— Асфальт, понимаешь, всю дорогу будет асфальт. Мы здесь так, на всякий случай!» Слово «асфальт» Амур уже знал, оно означало, что работы пока нет. Он спокойно дремал, и даже первые выстрелы его не разбудили: дело привычное! Но, когда открылась дверь отсека, сразу же выскочил из машины. Он нашел Володю и лег чуть позади, у его правого сапога. Со всех сторон хлопали выстрелы. И хозяин стрелял тоже. Володя был одиночными, но плотно — раз за разом. Амур чихал и зарывал нос в придорожную пыль, пряча его от пороховых газов. Потом они ползли куда-то, опять стреляли и снова ползли. Хозяин стрелял в сторону гор. Оттуда тоже летели к нему липловые стремительные жуки, выбивали из камней искры. Когда-то Амур пытался ловить их, как пролетающих мух, но скоро понял, что эти жуки больно кусают, поэтому лежал тихо, только иногда негромко рычал, если жуки пролетали слишком близко.

Володя обернулся — взять из подсумка на пояс рожок, и Амур поднял голову. «Лежать!» — зло прикрикнул на него Володя. Амур обиделся: чего злиться? Он

вздохнул: сейчас опять нужно будет ползти вслед за хозяином по камням, которые так сильно впиваются в брюхо... Интересно, почему, когда летают эти липовые жуки, Володя становится таким строгим?..

Рядом что-то оглушительно треснуло. Амура подняло в воздух, и он полетел, обминая сердцем, как когда-то очень давно... «Это тебе, сын, ко дню рождения...»

Когда он очнулся, уже темнело. Он валялся в какой-то ложбине, присыпанный землей и камнями. В голове тоненько и нудно звенело. Он стал искать хозяина... Вот здесь, кажется... Амур задохнулся от запаха горевшей взрывчатки. Он отполз немножко в сторону, приюхался: в стороне металлом и порохом воняли гильзы, с пригорка тянуло кислым — тол после разрыва... Но ведь там они и лежали с Володей! Отфыркиваясь, он постарался подползти ближе и не узнал ничего! Какая-то яма... разорванные неведомой силой камни... А это? Амур встал и подошел ближе. Это же подсумок хозяина! Изодранный, пустой, но разве Амур мог бы его не узнать!

Вдруг Амур сообразил, что не слышит машин и людей, и понял, что он один. Но где же хозяин? Где Володя? Хотя здесь его подсумок... Он должен вернуться... Голова кружилась... Может быть, уходя, Володя сказал: «Стереги!» — а он все позабыл...

Амур лег рядом с подсумком и стал ждать. С ним творилось что-то непонятное. Глаза болели и слезились, звуки доносились словно сквозь толстые стены, все тело ныло... Временами он проваливался то ли в сон, то ли в обморок, но терпеливо лежал.

К полудню следующего дня Амур понял, что, если не найдет воды, умрет. Шатаясь, с трудом встал, медленно двинулася в сторону небольшой рощицы. Где зелень, там вода. Сделав несколько шагов, он вернулся, оттащил подсумок в воронку, где земля была рыхлее, присыпал его и только после этого отправился к роще. Аркы он нашел быстро.

Вернувшись, Амур не стал расफыривать подсумок. Если Володя появится сейчас, то можно будет затеять игру... Он покажет, что здесь мина... хозяин со всей осторожностью станет копать — а там его собственный подсумок! Он уже представлял, как Володя будет его тискать и хохотать, стараясь свалить на землю, а он, притворно рыча, — бросаться на него и бить лапами в грудь... А если не сейчас придется хозяину, то нужно будет, уходя на водопой, каждый раз прятать подсумок...

Ждал Амур два дня. Когда недалеко по шоссе проезжали одиночные машины, он не обращал внимания. Засыпав рокот моторов колонны — бронетранспортеров, боевых машин пехоты, — дважды выходил к дороге. Дважды по нему стреляли, он едва уворачивался от летящих в него белых и липовых жуков и наконец оставил эти попытки.

Времени для размышлений у Амура хватало. Он вспомнил, что почти никогда они не возвращались на то место, где приходилось стрелять и ползать. После стрельбы ненадолго заезжали в незнакомые палаточные городки, жили там дня два-три, после чего направлялись в родную часть...

Еще не поздно! Он решил искать хозяина сам. Он шел рядом с дорогой, выбрав направление по движению колонны. Двигался осторожно, огибая дувалы и сторонясь людских троп. Шел всю ночь. К рассвету ему пришло выбираться на асфальт: с одной стороны к дороге подступала река, с другой — горы. А потом слева, метрах в ста от дороги, он увидел палаточный городок. Очень маленький, не такой, как у них дома... И солдат, судя по следам, здесь было совсем мало... Иногда и они останавливались в таких местах, но совсем ненадолго. Амур устал. Он решил, что хозяина будет ждать именно здесь.

Солдат, с которым он познакомился, звал его Крезом. Амура это не удивило. Большой Папа, например, любил давать ему новые клички: Хулиган, Умница, Пан Спортсмен, Бандюга, Гроза Котов, Ваше Сиятельство... Амур никогда не ошибался, если обращались к нему: это не трудно понять по интонации! Ну, что ж! Он будет ждать Володю!

Крез так Крез...

Прапорщик Нияжмаков не зря одобрил выбор именно этого места для проживания прибывшей овчарки. Окопчик как бы обозначал границу между отделениями мотопехоты и трубопроводчиков. Пехота несла охрану участка дороги, а трубопроводчики обслуживали станцию перекачки топлива, которое от самой границы СССРшло к столице Афганистана.

Окопчик назывался в обиходе «межведомственным барьером», хотя он не мешал пехоте и трубопроводчикам жить дружно и делиться при необходимости хлебом, боезапасом или топливом. Именно сюда, так сказать, «на ничейную землю», и поместили Креза.

Ефрейтор несколько раз подходил к окопу, глядел на спящую овчарку, затягивался крепчайшей сигаретой «Дымок» и вздыхал... Потом ворчал на слоняющихся вокруг солдат с подозрительно оттопыренными карманами:

— Обкорните собаку, мужики. Он же служебный... У него режим питания! Видно, не одного ефрейтора томили воспоминания о доме...

Крез спал почти сутки. Он встал только раз, жадно выпил теплую воду и снова свалился в тревожном сне. Рядом с миской валялись кусочки печенья, галеты, сахара, заботливо развернутая конфета «Космос». Крез даже не взглянул на это богатство.

Наутро, к подъему, он уже сидел у палатки. В строю занял свое место около ефрейтора. Прапорщик Нияжмаков глянул искоса, крякнул, но ничего не сказал. Прапорщик решил подождать развития событий, однако ему понравилось, что пес понимает строй.

Со временем все отлично уладилось. Прапорщик не мог нарадоваться, глядя на спокойного, дисциплинированного Креза.

Амур давно отучился жить без работы, без службы. Теперь с наступлением темноты он занимал пост у въезда в гарнизон, рядом с дневальным или дежурным. Никто не мог пройти мимо незамеченным, Амур обязательно подавал сигнал хриплым лаем. Служба такая, по его мнению, пустяковая, всем понравилась. Тогда он стал по ночам обходить гарнизон через каждые полчаса, чем заслужил особое расположение прапорщика Нияжмакова. Скоро Амур почти все время проводил под стоящей у въезда бензине и глядел на дорогу.

О том, что Крез кого-то ждет, первым догадался Комиссаров, а потом поняли все. Ничто не могло отвлечь его, если по дороге проходила колонна. Грузовики он осматривал невнимательно, а вот бронегруппы охранения!.. Он вытягивался в струнку, напрягался и все глядел, глядел...

К Амуре уже не лезли с щенячьими развлечениями вроде бросания палки, «дай лапу!» и отнимания тряпки. Что может вызвать большее уважение солдата, чем верность!

Однажды утром напротив поста встала колонна. С дороги съехал пропыленный бронетранспортер. «Связь есть, ребята? — спросил офицер, сидящий на броне у переднего люка. — У нас что-то барахлит».

Амур вертелся на месте, скулил.

Подошедший повар, которого задевало невнимание этого непонятного пса, отвергающего самые лучшие куски, пропел:

— Кто к нам приехал, Крез? Ищи! Вон он! Ну, видишь? Ищи!

Может быть, это не подействовало бы на Амура, если бы Мама не говорила эти же слова, узнавая Володин звонок в дверь. Амур взмыгнул и бросился вдоль колонны.

Вернулся часа через два, понуро ушел в свой окопчик... К вечеру он не вышел на пост. Заболел. Напуганный повар не жалел тушеники, но пес только пил воду, отказываясь от еды. Он быстро отошел, шерсть свалилась, глаза смотрели тускло и равнодушно.

Рисунок
Владимира
РОДИНА

ПАТРА

Дня через три в гарнизон буквально влетел бронетранспортер.
— Пропорщик, ваша бэмп на ходу? — требовательно спросил выбравшийся из него офицер.

— Так точно, товарищ майор.

— На пару часов — в мое распоряжение с водителем! Нужно на одну горку забраться, моя «телега» не потянет.

— Есть! Ефрейтор Комиссаров, поступаете в распоряжение...

— Погодите! — махнул рукой майор. — Ефрейтор, водите хорошо?

— Нормально...

— Едем! Пару матрацев захватите.

Губы ефрейтора побелели: это означало, что возможны мины. Матрацы водитель обычно клал под сиденье, чтобы смягчить удар по днищу от разрыва самодельных душманских фугасов.

— Понял, — не по-уставному отозвался ефрейтор.

— Да не сникай ты так сразу, — жестко сказал майор. — Если и есть мины, то противопехотные. Твоей железке ничего не сделается. Воздух доложил, что душманы опору электропередачи взорвать хотели, да, видно, на минное поле напоролись. Видели, что там ползет кто-то — раненый, наверное. А это «язык»! Я не могу ждать саперов. Вытянем раненого на броню — и ходу домой. Давай заводи! Сидоров! Пересаживай людей!

Едва открылась дверь в десантный отсек, как туда быстро шмыгнул Амур.

— Твой кабыздох? — спросил майор.

— Так точно. А ну давай отсюда! Место, Крез! Пшел! Кому говорят?

— Ладно, пусть едет. Давай быстрее! Заводи. А то ты сейчас польши свою шавку гонять будешь.

Амур с уважением посмотрел на майора: понимает человек, что здесь и есть его законное место.

Машину, плавно покачиваясь, долго шла куда-то. Амуру было хорошо. И пусть рядом совсем незнакомые солдаты, от них так привычно пахло молодым здоровым потом, сухой дорожной пылью, порохом и ружейной смазкой. Сидящий рядом солдат положил руку на голову Амура и, чуть шевеля пальцами, поглаживал густую шерсть на загривке. Амур закрыл глаза и замер...

Резко клюнув носом, машина встала на склоне холма, поросшего верблюжьей колочкой. На холме торчала решетчатая железная башня. Амур почувствовал приторно-кислый запах недавних разрывов и еще — крови, тухлого лежалого мяса и писни! Где-то рядом были чужие собаки! Шерсть на загривке Амура поднялась, он оскалился и зарычал...

— Придержи кабыздоха, — сказал майор. — Пойдем посмотрим...

Комиссаров взял Амура за поводок, и они пошли вверх по склону. Залаки стали резче. Что-то не нравилось Амуру, заставляло тревожно озираться, словно высматривая опасность.

— Душманы такую подлую штуку изобрели, — говорил майор. — Опоры прикрыты минным полем. Там, где афганская армия и царандой не могут обеспечить постоянную охрану. Так они собак наловят, держат несколько дней без пищи, потом подведут к опоре, бросят кусок мяса ипускают собак... Видишь, ефрейтор, по-моему, три подрыва, но все равно до опоры не дошли... А где же раненый? Тут только дохлые собаки. Ты что, кабыздох?

Амур вырвал поводок, обогнал майора, сел на его пути и оскалил клыки. К мине имеет право подойти только сапер!

— Ко мне, Крез! Кому говорят? — кричал Комиссаров. — Не знаю, товарищ майор, что с ним... Обычно такой спокойный. Ко мне!

— Погодите, ефрейтор. Кажется, я понял... Кузьмин, ну-ка посмотрю!

Подошел солдат точно с таким же минискателем, как у хозяина Амура.

— Отойди-ка, пожалуйста, — попросил солдат Амура.

Амур нехотно встал. За такую команду в саперной школе инструктор... Да что там! Только Володя и умел с ним работать. Амур отошел на положенное расстояние, залег и стал глядеть в сторону. «А ну вас, — думал он. — Собаку полагается поощрить. Простых вещей не знают!»

— Сигнал слабенький, товарищ майор. Наверное, болтик какой-нибудь, гаечка... Тут же монтажники работали, когда линию тянули.

— Вы всего неделю здесь, Кузьмин, а уже сумели сквозь землю разглядеть! Щупом посмотрите... учить вас?

— Тогда вам нужно отойти и залечь.

— Хорошо. Работайте.

Амур никак не мог понять, что они так долго возятся. Ведь он точно им показал, где мина.

— Есть, товарищ майор... Пластиковая. Потому и сигнал такой был слабый. Вот это собака!

— Не разряжайте, пусть лежит, — сказал майор. — Но где же раненый? Откуда у вас эта собака, ефрейтор?

— Крез сам пришел к нам, товарищ майор. Живет, никуда не уходит.

— Твоему Крезу цены нет. При такой температуре собаки обычно не работают, чутье от жары теряют, а он... Спас меня, можно сказать! Кузьмин, поработай с ним еще. Видишь: сами к опоре не пошли — побоялись, а проделанный проход не поленились заминировать. Профессионалы! Чья же это банда? Ох, «язык» нужен!

Сапер робко подошел к Амуру.

— Пойдем, песик, а? — сказал он. — Иши, пожалуйста... Иши!

Амур покосился на него, потянул носом воздух и вдруг бросился не к опоре, а в сторону — к чернеющему справа небольшому распадку.

Спрятавшись в распадку, он сразу же увидел ее... Она лежала в тени, вжавшись в шершавый камень, и тревожно глядела на Амура. Осторожно, чтобы не напугать незнакомку, он подошел ближе. Она чуть показала клыки. Амур прижал уши, потянулся к ее плечу, которое пересекала глубокая царапина, и стал вылизывать рану. Она испуганно смотрела на Амура, нервно вздрогивала при каждом его прикосновении. От ее шкурь с короткой гладкой шерстью тянуло запахом разорвавшейся близко мины. Вспомнив этот запах, подсумок хозяина, воронку, в которой он зарыл подсумок, Амур зарычал. Она быстро лизнула его в нос и опять вздрогнула, замерла, глядя за его спину. Амур обернулся. У края распадка стоял сапер.

— Ну, что там? — послышался голос майора.

— Он, по-моему, себе тут эту... невесту нашел, — ответил сапер.

Рядом с ним показались майор и Комиссаров.

— Вот и наш раненый, которого воздух засек... — разочарованно протянул майор. И вдруг добавил без всякой связи: — Заберу я его у тебя. Такие собаки на вес золота. А ты! Не кормишь его, что ли?

— Нельзя забрать, товарищ майор, он у нас, кажется, хозяина ждет. Знаете, как колонны разглядывают! А если чужая бэмпешка заедет — всю обнюхает. Ищет кого-то. Есть совсем перестал...

— Я тоже займусь поисками его хозяина. Найду! Потом перетащу к себе, чего бы это ни стоило. Вот так! Ты пока его береги. Если что с ним случится — голову сниму.

Такая убедительная сила звучала в голосе майора, что Комиссаров понял: разлука с овчаркой неизбежна.

— Идем, Крез, — тихо сказал он.

Амур зарычал.

— Он теперь без своей... ни за что не пойдет, — сказал сапер и покраснел. — У нас в саперной школе таких собак кормили на кусках взрывчатки. Рефлекс у него вырабатывается: взрывчатка — пища. Они же не от сознательности мины ищут, а в соответствии с выработанным рефлексом. Я вообще удивляюсь, что он у вас что-то ел...

— Ко мне, Крез! — еще раз крикнул ефрейтор. — Рефлексы у него...

— Ладно, не шумите, а сегодня же ужин поставьте на разряженную мину. Вам прислать или сами найдете, ефрейтор? — Майор спрыгнул в расселину. — Когда-то я в этом деле разбирался... Я имею в виду собак. Подвинься, Крез, дай-ка взгляну...

Амур доверял этому властному, уверенному человеку и безропотно позволил ему подойти.

— Царских кровей красавица, — заявил майор. — Помесь афганской борзы и дворянки. Недоглядел хозяин борзы, недоглядел... Знаете, ефрейтор, когда-то за вывоз борзы за пределы страны в Афганистане полагалась смертная казнь! Есть вкус у твоего Креза. Ослабла от голода очень, да еще контузило, но здоровая, судя по всему... Можете взять с собой. Нашему Крезу сейчас лишние стрессы ни к чему! Досталось ей! Полукровок никто не любит. Особенно таких, полуаристократов...

— Царских кровей! — ворчал ефрейтор, беря борзую на руки. — Скажут тоже! Царица Тамара, Клеопатра или эта... как ее там, Маша Сьюард!

В отсеке она дрожала всем телом, тоскливо озиралась. Амур же, напротив, присосился к ней, хотя не глядел на борзую, было заметно, что именно для нее он так непринужденно развалился в этой грехочущей, лязгающей, душной тесноте, полной чужих запахов, среди ящиков с патронами, трофеев, кусков промасленного брезента. Всем своим видом он старался успокоить ее, понимал, что нужно как-то показать ей все прелести жизни в этом гарнизоне, успокоить, заставить поверить в доброту окружающих ее теперь людей.

Как только приехали и заглушили мотор бэмпешки, Амур с удивлением увидел, что борза выбралась из душного отсека и, сгорбившись, затрусила через палаточный городок к реке. Она не вошла в воду, остановилась на берегу, выбрав место посушке, долго лакала воду, потом улеглась на камнях в тени. Насторожив уши, Амур глядел на нее и думал: «Что же она, собирается здесь торчать все время?»

— Товарищ пропорщик, — услышал он голос Комиссарова. — У нас приближение: Крез себе подругу привел!

— Где же они?

— Мыться потащил. Говорят, она благородных кровей. Помесь местной борзы и дворянки. Клеопатра!

— Ну нет! С остатками феодализма покончено. Ни слова о благородном происхождении! А вот если у нее один из родителей в самом деле дворовый кишащий пес, дело другое. Тогда ей найдется место в нашем здоровом пролетарском коллективе! И никаких Клеопатр! Будет просто Клена! Ясно?

— Так точно!

— Приводите себя в порядок, отдыхайте...

Амур услышал, как Комиссаров зашел в палатку, потом его сапоги гулко затопали по тропе к берегу.

— А! Вы здесь! — с оттенком ревности сказал ефрейтор, увидев собак на берегу. — Ну-ну... Приводите себя в порядок, отдыхайте.

Амур уловил, что Комиссаров чем-то недоволен, подошел к ефрейтору, расстегивающему ремень, и подал левую лапу.

— Мы вроде здоровались, — хмуро пробурчал тот. — На кой тебе эта красавица? Тоша, облезлая... Нас на бабу променял?

Амур виновато вздохнул, словно говоря: «Сердцу не прикажешь!»

— А, иди ты! — раздраженно сказал Комиссаров и полез в воду.

И тут Амур не выдержал. Он гавкнул и бросился в реку. Прыгал на ефрейтора, бил по воде мокрым тяжелым хвостом, ульбаясь изо всех сил. Ефрейтор прикрикнул на него, но уже без злости — это Амур сразу понял! Он выскочил на берег, стал носиться кругами, опять забежал в воду, рыча, набросился на Комиссарова, чуть не свалив его. Тот попытался ухватить Амура за ошейник. Никогда бы ему это не удалось, но Амур поддался! И поднялась такая волна!

Клеопатру привстала, недоуменно глядя на происходящее. Такое буйство собаки и человека напугало ее. Ей казалось, что за подобные вольности этого сумасшедшего пса забьют камнями! И тогда ей тоже достанется. Борзая начала озираться, высматривая местечко, где можно спрятаться и переждать гнев человека. Она привыкла не убегать от побоев — только скулила и ждала, когда господин устанет ее бить, знала — убежать невозможно: кто, когда и где подобром отнесется к бродячей собаке? Такую везде ждут побои! Жизнь отучила ее огрызаться. Того, кто посмел угрожать человеку, ждет смерть! В ее голове родилась идея! Она подбежала к самому берегу и яростно, с визгом залаяла на Амура, не входя, впрочем, в воду.

— Гляди-ка, Крез, — сказал ефрейтор. — Бешеная, что ли? Воды боится, на тебя что-то кидается. Не покусала бы... Стой здесь!

Но Амур не понял команды. Он понесся прыжками к берегу, чтобы как-то заставить замолчать странную незнакомку: «Что подумает ефрейтор? И так большого труда стоило его развеселить!»

Захлебываясь от визгливого, истеричного лая, она быстро укусила Амура в плечо. Тот отпрянул.

— Все! — сказал Комиссаров. — Бешеная... Эй, мужики! Кто-нибудь с автоматом подойдите! Крез, ко мне!

Клеопатру спасло то, что, когда на берегу показался повар со снайперской винтовкой, она опять жадно хлебала воду.

— Чего ты орешь? — спросил повар. — Вылезай оттуда! В реке ты мишень! Что заметил? Где? Да вылезай поскорее!

Повар их маленького гарнизона, где никакими штатами повар, собственно говоря, не предусмотрен, был в отделении снайпером. Когда они месяц назад приняли пост и решили, что готовы будут по очереди, снайпер Владимир Степанов подошел к Ниязмакову и сказал, что такую бурду, которую они пробовали сегодня, он есть не может, и попросил разрешения встать к плите. «Тебя через два дня все будут звать поваром, а не снайпером. Вы же, пацаны, так дорожите звучными военными специальностями!» «Здоровье дороже!» — мрачно ответил Степанов. — Я в родную станицу вернусь в расцвете лет... И с больным желудком? «Лишь бы ты, парень, вернулся», — подумал пропорщик. — Только бы вы все, мальчики, вернулись...

— Собака бешеная, стреляй! Креза не зацепи!

— Обалдел? Она воду пьет! Где ты видел, чтобы бешеная собака воду пила? — Повар присел на корточки. — Иди ко мне! Пусенька! Как тебя? Клеопатрочка!.. Клена! Клена-Клена-Клена!

И борзая, припав к земле, поползла вверх, добралась таким образом до повара и улеглась, вздохнув и ожидая своей участи.

— Понял? — торжествующе сказал повар. — Вот это воспитание. Понимает, кто человек, а кто умеет только в воде бултыхаться да орать! Правильно, Клепа? Пошли. Поделим порцию твоего хахаля. Я сегодня такие кости сварил!

Обедали собаки вместе. Вначале Клеопатра, пугливо поглядывая на повара, ловила тонкими ноздрями соблазнительный запах, идущий от поставленной на землю миски, потом, сгорбившись, спрятав хвост между задних лап, робко приблизилась, потом жадно набросилась на еду. Амур с любопытством глядел на это пиршество...

Они подружились. Амур не жалел сил и времени, чтобы познакомить ее со всеми солдатами, готов был заступиться, извинялся за нее, когда Клеопатра совершила немыслимые поступки, вроде самовольного выхода за ворота и попытки охотиться на мышей... Амур убегал за ней, с громким лаем толкал ее грудью, сбивал с ног, не обращая внимания на ее укусы, приводил обратно. В гарнизоне никто не искал ее дружбы. Почему? Трудно сказать. Скорее всего, солдаты чувствовали, что перед ними очень изменчивое, капризное существо. И только Степанов упивался ее преданностью.

Неожиданно для всех она очень полюбила ездить на броне. При звуке мотора безмешки стремглав бежала к машине, бесновалась перед ее носом до тех пор, пока ее не пускали в отсек. Почему-то она никогда не садилась в правое отделение, и если открывалась только правая дверь, долго и требовательно лаяла, пока ее не пускали на свое место. Там она забиралась к самой стенке, где впервые лежала, когда ее принес ефрейтор Комиссаров, и терпеливо ждала остановки.

А выезжать теперь приходилось часто. Банда, приход которой был отмечен попыткой взорвать линию электропередачи, проявляла активность. Колонны подвергались обстрелу, несколько раз бандиты пробивали трубопровод и поджигали топливо. На аварии солдаты выезжали по тревоге, вязывались в неясные ночные перестрелки, поддерживая огнем посты афганской армии. Однажды выехали ночью к пожару, чтобы прикрыть трубопроводчиков, занятых ремонтными работами и тушением огня, и наткнулись на пост молодежного отряда защитников революции. Вероятно, их застали врасплох... Никогда Комиссарову и его друзьям за свои девятнадцать лет не приходилось видеть следов такой слепой дикой злобы — тела убитых были обезображенены с изобретательностью свихнувшихся горилл!

Крез в ночных рейдах чувствовал себя уверенно. Дело знакомое: привычно пытался уловить запах толпа, привычно прятался от свистящих в полете липовых жуков, привычно делал все, чтобы ни на шаг не отставать от своего нового хозяина. Клеопатра, как ее ни гнали от заведенной безмешки, рвалась в отсек, а потом боялась отойти от железной машины, выла и скрипела, действуя на нервы солдатам, бестолково бегая по склонам гор то к одному, то к другому, лаяла, требуя чего-то. При первых выстрелах шарахалась, бежала в сторону. Потом она приучилась в перестрелке находить тихое безопасное местечко в мелких расселинах. Обнаружив ее в темноте или вызвать было невозможно — только звук мотора заставлял ее прибежать к безмешке и забиться на свое место.

Клепу жалели. Попытки ворваться в безмеше принимали за преданность, трусость — за проявление смекалки. Пост пока не нес потеря. Креза и Клеопатру считали живыми талисманами. Никто не осмелился бы сказать это вслух, но левая в корне безмешки теперь не закрывалась, пока туда не входила Клеопатра.

И вот однажды, когда Клеопатра царственно-безразлично глядела на возню ефрейтора и Амура в воде, послышался гулкий звук выстрела танковой пушки... еще один... Потом — хлопок гранатомета... Дробь автоматных очередей. Тревога!

Солдаты действовали сноровисто. Секунд через сорок все, кому положено, сидели в боевой машине, остальные заняли места по боевому расписанию. Окопы и самодельные доты, огневые точки и пулеметные ячейки ощетинились стволами.

В долине медленно поднималась черный густой конус дыма. У трубопроводчиков тоже никакой паники: отсечка топлива, оборона занята, машина с запасными трубами уже глухо рокочет мотором, заброшены в кузов огнетушители, надеты каски и бронежилеты...

Пропорщик Нияжмаков бежал из палатки к безмеше. Он только что оторвался от рации, сообщив о диверсии. Он бежал и думал, что такого задания его группе выполнять еще не приходилось. Банда, которую вчера ночью крупно пошипали в бою афганские части, прорывалась через дорогу и уходила к границе. Нияжмакова просили связать банду боем. Не рисковать особенно, но и не дать уйти далеко. Связать минут на двадцать, поддержав афганские посты, пока вертолеты выбросят десант и перекроют все пути отхода банды... По трем красным ракетам ему разрешалось выводить своих солдат из боя и заняться непосредственным делом: прикрыть трубопроводчиков, которые по тем же ракетам должны будут выехать к месту диверсии для ремонта и восстановления трассы.

Он лишь приблизительно знал численность душманской банды, но по перестрелке понял, что стволов бьет много, да еще гранатомет, которого — он это знал точно — нет на постах афганской армии и милиции.

«Броню придется оставить в предельной дальности гранатомета. На воздух пока надежды нет. Воздух будет занят десантом... Что мы имеем: снайпер, пулемет и пушка безмеше, которую еще не знаю, как задействовать... Связать боем!.. Пулемет — мой резерв! Связи с афганским постом нет — танковая радиация молчит... Горы... Но место прорыва обозначено перестрелкой. БМП пошло во втором эшелоне, будет поливать огнем горы. Боезапаса у нас на двадцать минут — можем дать лавину огня и еще на полчаса — «ефрейторский зазор» — приличного боя хватит».

Он сел на броню, свесив в командирский люк ноги.

— Комиссаров, в речку давай, назад! Пойдем по руслу! Собаки с нами?

— Как обычно.

БМП развернулась на месте и, качнувшись всем корпусом назад, взяла с места.

— На скорости! Вверх по течению! Пятьсот метров! — сказал пропорщик. — Потом — стоп!

Вода весело журчала. Машина летела, взметывая по сторонам воду. Пятьсот метров... Речушка плавно поворачивала вправо. Комиссаров с креном принял левее, как на трековых гонках, резко тормознул и встал почти попере реки.

— Корма на берегу, товарищ пропорщик, — доложил Комиссаров. — Зачем ребятам зря ноги мочить?

— Артист!.. Мы сейчас вдоль бережка подтянемся, а ты минут через десять по складочкам-морщинкам поднимись наверх и так же — по складочкам-морщинкам выдвигайся к афганскому посту... Помните? Там одиничный танк и пулемет в капонирчике... Эту сторону — от реки до дороги — не трогайте. Весь огонь дайте на ту сторону — по склонам гор. Пусть оператор в башне накроет все, что шевелится! Сам только, сынок, встань в складочке-морщинке! У них, похоже, гранатометчик не плохой... Танка-то не слышно! Оператор пусть в башне орудует, а ты на горочку-макушечку заберись и сеши! Ихнего гранатометчика секи! Сожжет же машину, гад! Тихонечко-внимательно лежи! Зазря не стреляй, не обнаруживайся. Ну, давай, Коля!

Нияжмаков рассчитал правильно: если душманы и ждали их, то со стороны дороги, там и прикрытие наверняка оставили... Удар с фланга, да еще в том месте,

где их не ждут, может дать желанные двадцать минут... Пока банда сообразит, какими силами им навязывают бой, пока перегруппируется — вот и набегут желанные минуты!

Но одного не мог учесть пропорщик...

Танк душманы действительно сожгли почти сразу — гранатометчик в крестьянской одежде подъехал к посту на ослике один. Он бы все сделал, как планировали его хозяева, забросал бы капонир гранатами, отбежав в сторону, вскинув бы к плечу гранатомет и почти в упор прошил бы борт танка, но один солдат афганского поста, ушедший к реке за водой, заметил людей с оружием, открыл огонь... С поста закричали «крестьянину» на унылом ишаке, чтобы он бежал к дороге или залег. И он побежал, выдирая из-под хвороста, навыченного на ослика, трубу гранатомета, и достал ее только отбежав метров на двести, когда башня танка уже развернулась и успела два раза выстрелить осколочными по берегу...

У реки в стороне вел огонь солдат, ходивший за водой. Его еще не задело. Он был скрупульно расчетливо, понимая, что шансов у него почти нет, но дрался хладнокровно и отчаянно — меняя позиции, переползая, опять бил и снова полз...

В капонире раненный осколками в спину пулеметчик захлебывался собственной кровью, скрежетал зубами от немыслимой боли, которую доставляли ему толчки приклада пулемета, и яростно поливал долину длинными очередями. Душманы залегли.

Когда группа Нияжмакова вышла во фланг, пулеметчик уже затих... Тотчас в капонирчик ворвалось скользнули два бородача и принялись орудовать ножами, отрубая убитым кисти рук, уши,олосую их лица, вырезая половые органы. Так было приказано поступать с врагами, чтобы вселить ужас в остальных, продавшихся неверным!

Банда еще лежала, не веря в то, что пост уничтожен. Один из бородачей влез на башню танка и стал кричать, размахивая чем-то окровавленным в левой руке. Он орал нараспев то ли песню, то ли молитву, когда Степанов аккуратно снял его выстрелом в переносицу. Вставшие было бандиты вновь попадали на землю. И шестеро свалились не по своей воле...

Душманы быстро поняли, что их неуклонно, с неумолимостью дорожного катка, отжимают к дороге. А там не видимая им пушка густо накрывала склон, не оставляя никаких надежд на прорыв. Они попробовали оторваться, применив не раз отработанный в учебных лагерях вариант: прикрытие принимает бой, остальные, отходят... Но откуда-то в спину открыл огонь афганский автоматчик, еще раз сменивший позицию, а от реки авторитетно забасил пулемет...

Отчаяние подстегнуло их фантазию. А может быть, они решили, что советские солдаты оголили пост, всеми силами зайдя им во фланг. И банда пошла в прорыв вдоль дороги, маскируясь дымом горевшего топлива из пробитого трубопровода.

Комиссаров быстро понял, что его мужики связаны боем с основной массой бандитов, а человек двадцать идут на него. Они бежали без огня, ничем себя не обнаруживая, стараясь проскочить между дорогой и безмешкой, спрятанной в лощине...

Он лежал на горочке-макушке, открытой всем ветрам, и мог бы пропустить их, надеясь, что там, на посту, оставшиеся ребята и трубопроводчики примут гостей, как надо. Его не видели. Он лежал, уютно устроившись между камней, а у правого сапога тихонько фыркал Крез. Он мог пропустить душманов, но ефрейтор даже не подумал об этом. Он только обернулся, с кривой, несколько растерянной улыбкой тихо попросил: «Шел бы ты домой, Крез?» Пес тявкнул. «Понял вас, — прошептал Комиссаров и передернул затвор, хотя уже давно загнал патрон в патронник. — Ну и манеры у вас, сенатор! Зажмите уши!..

Ефрейтор понимал, что поступает нерасчетливо, но сразу же врезал длинную очередь — ошеломить противника! И тут же вдогон три коротких, чтобы опорожнить магазин и вставить новый — на перебежке. Но, подумав, перебежку делать не стал — откатился в сторону метра на три.

Противник был опытный. Прежнюю позицию Комиссарова плотно обстреляли.

Броском Комиссаров преодолел еще метров пятнадцать и залег. «Дальше нельзя, сенатор, — минное поле». Амур глухо зарычал. Ефрейтор напряженно вглядывался вниз. Сейчас они должны показаться... Сейчас... Краем глаза он уловил совсем рядом легкое движение. «Слишком близко! — сожалением подумал он. — Ни слова, друг мой, ни вздоха... Автомат здесь не помощник. Не успею... Он выстрелит раньше... Штык у меня в сапоге... Крез?.. Молодец! Отвлеки его на секунду!..

Внезапно оттуда раздался высокий истерический визг. Из-под камня выскошила борзая и бросилась вверх по склону. «Видно, пуля душманская ее задела! Куда, дурища, — успел подумать Комиссаров. — Мины!» Но тут же на макушечке, на его прежней позиции, показался ползущий человек. Сзади за ним — еще один... И вправо от горы на открытые пространство потекли серые тени.

«Все! — подумал ефрейтор. — Ничего уже не успевай! Только принять бой!..

Он был из автомата, уже понимая, что сменить позицию не сможет, что зажат между теми, кто внизу, и теми, кто влез на горку! Первого на горке он срезал...

Амур знал, что такое минное поле, знал и то, что ступить на него может только сапер. Он рванулся, чтобы отогнать борзую в сторону, и уже почти догнал ее, но какая-то сила подняла его в воздух: «Это тебе, сын, ко дню рождения!» И ему почудилось: он опять, как когда-то очень давно, оказался в теплых ладонях своего хозяина и друга — Володи...

Ефрейтор вырвал из подсумка новый рожок, но тут увидел почти над самой головой афганские вертолеты в коротком пике и острое пламя стартующих ракет из их бортовых кассет. Грохот разрывов слился с легким хлопком позади. Комиссаров его не различил.

Отвалив метров на восемьсот, вертолеты зависли над самой землей — из них горючим посыпался десант. К полю боя бежали афганские солдаты. Серые тени внизу распрямлялись, принимая очертания людей с поднятыми вверх руками.

Комиссаров сидел на камушке и курил, когда различил шаги и услышал голос пропорщика Нияжмакова:

— Живой! Значит, потерпеть нет!

— Как это нет? — возразил Степанов. — А Крез? Вон он там подорвался! Я в прицел видел! Погнался зачем-то за этой... Эх, Крез!

Комиссарову очень хотелось заплакать, но он почему-то не смог сделать даже этого. Он глухо спросил:

— Забрать его нельзя, конечно?

— Как его заберешь? Мины...

— А эта... Клещи?

— Там сидит... Недалеко от него... Воет. Ты что, не слышишь?

Ефрейтор встал, тщательно растир подошвой ботинка окруок и сказал:

— Надо бы хоть ее забрать. Крез к ней... Слыши, Степаныч, она тебя слушается, позови ее. Крез же хотел, чтобы мы ее... чтобы она с нами...

— Попробую. Иди уж... А ты лучше безмешку заведи — вот она и прибежит как миленьяка!

Но борзая не ушла с минного поля. Две ночи она выла, а потом замолчала. Солдаты клялись, что разрыва не слышали. И все решили, что Клеопатра подалась в родные места.

ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ

Юрий ТАРАН,
электромеханик,
Донецк

Товарищу по труду

Если дорожишь рабочим званием
и на ветер не бросаешь слов,
вырвавшись вперед в соревнованья,
подтянувшись отставшего готов,
выполняешь регулярно планы,
дорожишь доверием друзей,
и не может отыскать изъянов
ОТК в продукции твоей,
в мастерстве не топчешься на месте,
двигаясь технический прогресс,—
значит,
встретил ты достойно, с честью
съезд КПСС.

Валерий АВДЕЕВ,
слесарь,
Рязань

Человек за работой поет,
Раз поет—значит, ладится дело:
По стамеске киянко бьет,
Пилкой тонко режет умело—
И доска превращается в вязь
Листьев,
Ягод невиданно-дивных,
И лучистое солнце, смеясь,
Поместились как раз в середине!
Вот и птиц полетел хоровод
В золотистых узорах по низу!
Человек напевает...

И вот
Сказка-сад оказалась карнизом!
Человек, улыбаясь, ушел—
Значит, труд свой он выполнил
Честно.
И пропетая всею душой,
Стала жить над окошками
Песня!

Рита ТОЛЧИНСКАЯ,
библиотекарь,
Ленинград

Мне вручили, как орден,
Комсомольский значок.
Путь, что юностью пройден,
Через сердце пролег.
Ни цветочка, ни травки—
Все пылает в огне.
Это я рядом с Павкой
На горячем коне.
Утро хмурове, злое
Прячет тайну свою.
Это я рядом с Зоей
На морозе стою.
Дни проносятся роем
В голубой вышине.
Я смотрю на героев,
Ставших близкими мне.
И отчетливей, строже
Понимаю сейчас,
Как мы в главном похожи,
Сколько общего в нас!
Кто-то стяг первым поднял,
Кто-то шел на Берлин,
Кто-то строит сегодня
Уренгой, Усть-Илим.
Ну, а если б другие
Нас спросили бы, мол,
Кто мы вместе такие?
Вместе мы—Комсомол!

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборок их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем.

Вилорий ОРЛОВ,
тренер,
Москва

Подснежник

Сквозь снег, сквозь лед,
сквозь мартовские выюги,
Характером российским наделен,
Подснежник белый тянет к людям руки—
Солдат, и вестник, и разведчик он.
За ним, по им проторенной дороге,
В ложбинах, в рощах, на полях родных,
Пройдут полки цветов. Их будет много,
И лишь подснежника не встретишь среди них.
Путь проложил цветам, за ним идущим,
А сам сгорел под выюгой ледяной.
И все цветы при жизни в желтой пуще
Головки наклоняют над тобой.
...И чувством долга я пришел объятый
К могиле Неизвестного солдата.

Юрий ЛАПШИН, горный инженер,
г. Октябрьский Башкирской АССР

Сны

Жалею тех, кто спит без сновидений—
пусть даже черно-белых, не цветных,—
порю, что не даст ушедшему день нам
проходит чередою яркой в них.
Пусть медики твердят, что самый крепкий,
здоровый сон—без призрачных картин,
как хорошо, когда под наши веки
проскальзывают радостные сны.
Когда взлетаем над цветущим маем
на дельтапланах с крыльями зари

и этих легких крыльев не теряем
под встречным ветром сплетен и молвы.
Рождаемся и старимся в полетах,
из повседневной зыбкой суеты
короткий путь до ощущения взлета
проделав под покровом темноты.
И снова обретаем притяжение,
когда в окно обрушится рассвет.
Жалею тех, кто спит без сновидений—
без них, наверно, и полетов нет.

Андрей МИНАРОВ,
фрезеровщик,
Ульяновск

Поэзия работе помогает,
Работа вдохновляет на стихи...
И мне судьба не мыслится другая,
В плена удач и жизненных стихий,
В плена годов, безудержно летящих,
Я не желаю участия иной,
Чем жить для дел высоких,
настоящих,
Пока сияет солнце надо мной!

Вера КАРАМАН,
переводчик,
Владивосток

Замолчали в лесу соловьи,
отгорели жасмины и розы,
и слетел на ладони мои
первый лист пожелтевшей бересклета.
И его в неоглядную даль
ветер теплый сентябрьский уносит...
Лето кончилось. Все ж не печаль—
впереди еще целая осень.

Сусанна ЛУНЕВА,
медсестра,
Боровичи

Прискорбны муки ожиданья
Осиротевших матерей,
Но вера теплится в сознанье—
Все ждут старушки сыновей...
Пусть с каждым годом
в День Победы

Все меньше траурных платков—
Живущий в мире, вникни в беды
Всех войн истории веков...
И верь могучей вечной силе,
С какой умеют помнить, ждать
Сынов все матери России—
Ведь и она, Россия.—Мать!

Дмитрий МАТВЕЕВ,
журналист,
Альметьевск

Буровики

У Девона в плена
Истомились моря нефтяные.
Мы идем в глубину
Сквозь кремнистые тверди
земные.

Наши руки черны.
Наши мысли светлы,
как рассветы.
Будет нефть у страны—
Значит, вырвутся в космос
ракеты.

И по трассам земли
Будут петь свои песни моторы.
И уйдут корабли
Бороздить океанов просторы.

По тайге наш маршрут,
По зыбучим песчаным барханам.
Мы приходим—и бьют
Из земли нефтяные фонтаны.

ДЕРЕВЕНЬ НА ГОДЕ. ДУ

Николай ЛЕОНОВ
ПОВЕСТЬ

НА ГОДЕ. ДУ

12. Старший оперуполномоченный майор милиции Лев Иванович Гуров

Есть бородатый анекдот о пьянице, который ищет монетку под фонарем не оттого, что там потерял, а потому что под фонарем светлее.

Когда не знаешь, с чего начать розыск, лучше направиться в место посветлее, там хотя бы лоб не расшибешь.

Лева отыскал кинооператора Игоря Белана и тренера Кепко Анатолия Петровича. Может, все это и бессмысленно, но с обоими легко говорить откровенно, а в оперативной работе такое не каждый день случается.

Вскоре они собрались в просмотровый кинозал и начали крутить фильм. Белан таким вниманием к своей работе был польщен, Анатолий Петрович глядел на экран наступивши. Он очень переживал проступок своего любимого ученика и был огорчен предательством друга, другого определения для Олега Краева он не находил.

Гуров попросил оператора отобрать максимальное количество пленки, где сняты бытовые сцены, зрители. Как Астахов бегает, старшего инспектора не интересовало. Он сидел в кинозале рядом с Анатолием Петровичем и больше следил за выражением его лица, чем за происходящим на экране.

Большая группа молодежи шла по празднично убранной улице. Белые, черные, желтые и коричневые лица. Улыбки, смех, веселье. Астахов раздавал автографы, махал рукой, что-то кричал звавшим его друзьям. Наконец он вырвался из окружения и побежал догонять их.

Говорила по телефону Нина Маевская. Она тоже ульялась, кивала.

И наконец прорвался звук:

— Я в тебя верю. Люблю. Целую. Жду.

И снова развернулась тартановая дорожка. С первой позиции были видны пригнувшиеся фигуры соперников. Вытягивая левую руку назад, они словно вымаливали эстафету.

И вот сорвался кудрявый негр, вытянулся вперед... За ним рванулся блондин...

Метнулся под ноги тартан. Спины противников замерли, начали медленно приближаться, поплыли мимо.

Впереди была лишь финишная ленточка.

Астахов сидел в салоне самолета. Отстранился от окна, болезненно поморщился, потер ладонью бедро и поднял голову.

Над дверью горела надпись: «Не курить. Пристегните ремни».

Продолжение. Начало в №№ 1—5.

— Стоп! — громко сказал Гуров.

Игорь вскочил, замахал руками, экран погас.

— И не то мы смотрим и не так мы смотрим.

Последнее касается вас, Анатолий Петрович.

Кепко не ответил, лишь поклонился.

— Игорь, покажите нам забег, когда Павел проиграл. Там он еще поднимает бутылку и опускает в урну.

— Сейчас! — Белан побежал к механику.

— Давно работаете тренером?

— Да уж дольше, чем вы живете, — огрызнулся Кепко. Его беспокоило, что милиция не оставляет Павла в покое.

— А это хорошо или плохо? — Гуров не реагировал на грубость.

— Не понял.

— Ну, с годами не только опыт накапливается, но и усталость, и чувства притупляются.

— Вы это к чему? — Кепко смотрел раздраженно.

— К тому, что если быть до конца честным, то мы с вами слишком часто говорим: мол, работаем для блага людей, а работаем-то мы для себя. Ради сознания, что ты человек, ты нужен, тебя ценят... Мы очень себя любим. Вы сейчас переживаете не столько за Павла, сколько за себя...

— А ты не молод, чтобы?..

— Нет, я в самый раз, — перебил Гуров. — Вы говорили о благодарности и о помощи. Так вы на экран смотрите и думайте, а не переживайте. Вам на Лозянко наплевать, он не те секунды показывал. Вашего Астахова чужой смертью хотели угробить, и убийца на свободе.

— Я вас не понимаю, товарищ майор! — Кепко повысил голос.

Лев Иванович Гуров, несмотря на свои бесконечные «будьте любезны» и «пожалуйста», мог и жестким оказаться.

— Хотите понять, так слушайте, и не себя, а меня! Убийца на свободе, возможно, озлобится от неудачи еще больше, возьмет рогатку или кирпич, и Павел Астахов не побежит, он даже ходить перестанет. — Гуров смотрел тренеру в глаза, пока тот не отвернулся.

Вернулся Игорь Белан, тихонечко сел рядом, зашептал:

— Этот ролик у меня дома оказался, сейчас привезут.

— Спасибо. Анатолий Петрович, сейчас вы сосредоточитесь, и, как говорят киношники, мы отмываем ленту назад. Вы встретитесь с Пашей Астаховым в одна тысяча девятьсот таком-то году. Я вас слушаю.

Кепко взглянул на Гурова строго, оценивающе, покашлял, покрутился в кресле, сказал:

— А ты ничего, ты мог бы даже тренером работать. Характер имеешь и удар держишь. Ну, что Паша?

И Анатолий Петрович начал рассказывать о Павле Астахове. Как Гуров и ожидал, ничего интересного для себя он не услышал. Секунды... Поражения... Победы... Травмы... Работа... Работа...

В каждой профессии есть свои секреты и не только секреты, но и приемы, техника. Гурова не интересовали объемы и тренировочные нагрузки, психологические стрессы, его пока не интересовал даже сам Астахов. Майору нужен был Анатолий Петрович Кепко, его настрой, душевное состояние, погружение в жизненный мир ученика. Тренера надо было превратить в Астахова, вспомнить его досконально, заставить жить его чувствами.

Анатолий Петрович говорил и говорил; когда называл имя Краева, морщился, словно от зубной боли.

— Павел Маевскую любит? — осторожно спросил Лева.

— Нет, — ответил Кепко. — Он хочет жениться. Ему нужен сын. Паша полюбит позже, сейчас в нем места для любви нет. Любовь в человеке очень много места требует.

— Кто был чемпионом области до Астахова?

— Разные были, менялись, — Кепко пожал плечами. — Смирнов был, Володка... Усольцев... Калинин. Саша год сверкал. Его даже в сборную приглашали.

— А Лозянко?

— Перестаньте. — Кепко улыбнулся. — Игорь четыреста и не бегал.

Гуров старался подстроиться под тональность Кепко.

— Паша быстро бежал вперед, кого-то обгонял, невольно вытеснял с дорожки, занимал чужое место?

— Паша всегда занимал свое место. Если сейчас он уйдет, то останется пустое место. В команде-то кто-то будет... Только этот кто-то не займет место Астахова. Я понимаю ход ваших мыслей, вы на неверном пути, его не пытались выбить из обоймы, этого сделать нельзя, так как он не в обойме. Он сам по себе. Он Павел Астахов, и все! Непонятно? Ну, вот был Валерий Борзов. Сейчас тоже выигрывают первенство страны, могут выиграть Европу, даже Олимпийские игры, дай им бог здоровья. Но никто не станет Валерием Борзовым, как и Виктором Санеевым или Игорем Тер-Ованесяном. Личность такого калибра, когда она появляется, никому не мешает, ничьего места не занимает, она просто объективно существует.

— Вот-вот, мы подплываем, — сказал Гуров и, отвечая на удивленный взгляд Кепко, пояснил: — Вы сказали очень точно: объективно существует. Объективно. Однако подавляющая большинство людей в своих суждениях и оценках субъективны, имеют иную точку зрения. Паровоз катится по рельсам, это его рельсы, и занимать их неразумно. Но если кто-то сунул на рельсы ногу, то останется без ноги. Паровоз прибудет на станцию назначения без опоздания. Конечно, можно сказать: мол, не лезь на чужие рельсы, но ноги нет, и человеку больно.

— Вы хотите сказать, что Паша кого-то переехал и не заметил? — спросил Кепко.

Белан осторожно что-то писал, казалось, он даже не дышит.

— Тут посложнее, — возразил Гуров. — Астахов никому не мешал ни объективно, ни даже субъективно. Некто, чья жизнь в спорте не сложилась по различным причинам, мог придумать, создать в свое оправдание сказочку, что был убит Астаховым.

— Ну, дорогой мой! — Кепко развел руками и повернулся к Игорю Белану, призывая в союзники. — Придумать кто угодно и что угодно способен! Это задание из категории: пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

— Изволили сказать глупость, уважаемый Анатолий Петрович. — Гуров успел понять: спортсмены не обидчивы и ценят ясность. — Придумать такое способен не кто угодно. Вы подумайте, подумайте, кто из жителей вашего города способен винить Павла в своих неудачах? Я же не говорю «Москва... Страна... Мир...» Город-то у вас, извините, не вся вселенная... Ну, давайте, давайте! — Гуров изобразил раздражение.

— А вы не кричите!

— А вы мозгами шевелите! Вас легкоатлеты называют «отец родной!» — мгновенно сочинил Гуров. — А вы собственных детей не знаете!

— Из-за Нинки тоже могло...

— Не трогайте линию Маевской. Отложим. Павел Астахов не этим знаменит.

— Игорь! Мы зарядили! Крутить? — крикнул киномеханик.

— Минуточку! — ответил Гуров. — Астахов часто проигрывает?

— За последние два года он проиграл один старт. Эстафету в Ленинграде. У него задняя поверхность бедра была потянута...

— Астахова зрители любят? — перебил Гуров.

— Когда выигрывает, любят. В Ленинграде тогда чуть ли не убить могли. — Кепко горько улыбнулся.

— Злость, разочарование, болельщики жестоки, как дети. Так ведь не радовались же?

— Надеюсь...

— Давайте посмотрим, — Гуров повернулся к Белану. — Командуйте.

Белан встал, захлопал в ладоши, махнул рукой, и экран зажегся.

— Матч с США, — пояснил Кепко. — Вот здесь Паша и проиграл. Он просил не ставить его в эстафету. Видите, ему и принесли поздно...

На последней прямой Астахов «достал» соперника. Стадион затих. Казалось, что в этой противоестественной тишине стали слышны бег спортсменов и их дыхание.

— И здесь Паша «бросил», — сказал Кепко. — Он был не готов.

На финише Астахов проиграл. Целую секунду стадион молчал, затем обвалился свистом и грохотом.

Трибуна, мимо которой шел Павел Астахов, свистела особенно усердно. Некоторые зрители вскочили со

своих мест и что-то кричали ему, размахивая руками.

Лицо Кепко, лицо Краева... Чье-то радостное лицо...

— Остановите! — сказал Гуров.

— Стоп! — Игорь встал и замахал руками.

Изображение застыло на кадре, где Астахов поднимал брошенную с трибуны пустую бутылку.

— Болельщики, как дети? — сказал Кепко. — Злодей они часто, а не дети! Видите? Словно Павел Астахов заранее и навсегда обречен на победу...

— Я полагал, что человека надо показать в различных ситуациях. Потрясающий кадр — как Павел поднимает бутылку и спокойно опускает ее в урну, — сказал Белан.

— Где проходил матч? — спросил Гуров.

— В Ленинграде, — ответил Кепко.

— В Ленинграде, — задумчиво повторил Гуров. — Можно чуть назад? До изображения Краева и Анатолия Петровича.

— Сейчас. — Игорь побежал к киномеханикам.

— Анатолий Петрович, вы знаете Усольцева? Он в спорте на какой-то хозяйственной работе? — спросил Гуров.

— Сережу? — Кепко поморщился. — Мой ученик... К сожалению... Недобрый парень... В спорте был в свое время... Я виноват, не справился... — Он резко повернулся и замахал на Гурова руками: — Глупости! Вздор!

На экране изображение побежало назад и застыло.

Лицо Краева... Лицо Кепко... Радостное лицо Усольцева.

— Я не ошибся? — спросил Гуров.

— Да, в этом, пожалуй, весь Сергей, — кивнул Кепко. — Паша проиграл, а он радуется, паршивец. Но ведь это еще не доказательство...

— Спасибо. — Гуров поднялся. — Радуется? Это интересно...

— Вы, конечно, профессионал, — бормотал Кепко, выходя из зала, — а тут вы загибаете...

— Возможно. Вы, Александр Петрович, плекну не видели и со мной не разговаривали, — прощаешься, — сказал Гуров. — Мы еще встретимся. До свидания.

Вернувшись в управление, Гуров столкнулся с Борей Ткаченко.

— Здравия желаю! Какие будут указания, шеф?

— Меня зовут Лев Иванович. Если ты хочешь походить на строевого офицера, обращайся ко мне: «Товарищ майор». А сейчас, пожалуйста, сходи пообедай.

— Я обедал, товарищ майор! — Боря явно обиделся.

— Неважно. Сходи в столовую, выпей кефира, — сказал Гуров. — Мне надо побывать одному.

— Я могу посидеть в коридоре, товарищ майор!

— Посиди в коридоре. — Гуров вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

Итак, Усольцев? Почему он? Просто больше у тебя ничего нет, майор. Все твои рассуждения притянуты за уши. Случалось, ты разрабатывал и менее беспрекличивые версии.

Убийство милиционера Трифонова. Он был убит выстрелом в грудь в центре Москвы в восемь утра. У него забрали оружие. Казалось бы, мотив ясен: завладеть пистолетом. Но зачем стрелять в центре Москвы? Трифонов был богатырь, почти двухметрового роста. Чтобы добыть пистолет, можно поздно вечером где-нибудь на окраине подыскать милиционера негренадера, ударить сзади кирпичом по голове. И убийства на себя не «вешать», и шума не производить. В центре Москвы? Стрелять? Могла проезжая патрульная машина или хотя бы такси. Убийство странное, с абсолютно непонятными мотивами, ухватиться совершенно не за что. Для розыска убийцы создали бригаду, и Гуров получил безумную версию. Когда Трифонову выстрелили в грудь, то, видимо, он сразу не упал, потому что убийца ударил его в висок рукояткой своего пистолета. В его ТТ был последний патрон, пистолет был старенький, и обойма выскочила. Убийца этого не заметил, и обойма забыла.

Лев Гуров получил ту обойму и отправился в Тулу на оружейный завод. По номеру на обойме установили, что эта партия пистолетов изготовлена в сорок третьем году и отправлена на Второй Украинский фронт. Вернувшись в Москву, Гуров засел в военкомате и стал выбирать оставшихся в живых офицеров, которые в сорок третьем году воевали на Втором Украинском фронте. Каковы шансы такого розыска? Пистолет только за годы войны мог сменить нескольких хозяев. А после войны? Говорят, один шанс из тысячи. Вряд ли он здесь был, этот шанс. Но ведь тогда Гуров работал! Правда, он ничего не добился, и убийцу задержали спустя два года. Гуров к задержанию не имел никакого отношения. Сорок с лишним дней Гуров занимался обоймой, номерами, картотеками.

Так почему версия с Усольцевым так уж безнадежна? Если есть вероятность, надо работать.

Гуров пошел к Серову, в кабинете опять находился следователь Фирсов. Снова они втроем, словно не расставались. По просьбе Левы оператор Белан

сделал несколько фотографий Усольцева. Гуров молча протянул следователю и подполковнику по фотографии.

Следователь взглянул на фото Усольцева, перевернулся, прочитал надпись на обороте, сказал:

— Я читал протокол допроса.

— Знаю, — сказал Серов. — Есть соображения?

— Когда вязнешь в трясине по горло, — ответил Гуров, — и за ниточку хваташся, как за канат.

— Ну-ну, что за ниточка? — спросил Серов.

— Только не смеялся! — сказал Гуров.

Серов тяжело вздохнул, махнул на Гурова рукой.

— Лично я разучился.

— Усольцев двадцатого вечером был в аэропорту и сорвал Астахова с Лозянко. В разговоре со мной Усольцев изображал простака, каковым не является. Усольцев единственный из всех, с кем я беседовал, вроде бы проговорился, что Астахов убить способен. Усольцев Астахова явно не любит. Конечно, это слабо. Но, возможно, он Астахова ненавидит? Усольцев неудачник и плохой человек.

— Допрашивая Маевскую, я коснулся взаимоотношений с Усольцевым, — сказал следователь. — А вдруг?

— Возможно, — без энтузиазма сказал Серов. — Усольцев? — Он хмыкнул, покачал головой. — Будем работать.

Серов начал быстро писать, говорил:

— Где работает? Кем? Как? Женщины? Где находился во время убийства?

— У Усольцева алиби, — сказал Гуров.

Серов и следователь переглянулись недоуменно.

— Алиби? Так ты чего? — Серов даже встал.

— Убийство с заранее обдуманным намерением. Оно готовилось. У убийцы и должно быть алиби. Фальшиво. — Гуров выдержал паузу. — Если мы докажем, что алиби Усольцева фальшиво, то козырной туз из его рук автоматически переходит в наши. В двадцать один сорок пять Усольцев находился в ресторане «Центральный».

— Кто может подтвердить? — спросил следователь.

— Два его приятеля. — Гуров улыбнулся. — И я. У ресторана стояли «Жигули». Машина не Усольцева. И за рулем сидел не он. Я сразу ушел. Они ужинали. Выходил Усольцев? Не выходил? От «Центрального» до дома Лозянко минуты три. Главное: у кого в этот момент находились ключи от машины? Допросить друзей Усольцева.

— Они давно договорились, — вздохнул Серов.

— Если Усольцев действительно убийца, они не могут договориться, — возразил следователь.

— Ты прав, Коля, я глуплю. — Серов повеселел. — Он же не может сказать: ребята, если вас станут допрашивать, вы не говорите, что я из ресторана уходил и ключи от машины были у меня. Они не могут договориться! Это шанс!

— Шансик! — поправил Гуров.

— Николай, возвращайся к себе, мы этих ребят разыщем и к тебе доставим.

— Попробуем. — Фирсов кивнул и вышел.

Через полчаса в кабинете, кроме Серова и Гурова, находились человек десять сотрудников уголовного розыска. В основном это были молодые люди лет двадцати пяти или чуть старше.

— От вашей внимательности, терпения и еще раз терпения зависит очень многое. Вы приходите к человеку, а у него неприятности на работе, или он поссорился с женой, либо болен, возможно, у него просто скверный характер. Улыбайтесь, ищите подходы. Какой-нибудь бабушка, которая сидит целыми днями на крылечке, а вечерами у окна, надо в булочную или в аптеку. Сбегайте. Выбернитесь наизнанку, но Гутлина и Ходжава разыщите и доставьте в прокуратуру немедленно. Об Усольцеве мы должны знать все, может быть, даже то, что он сам о себе забыл.

Серов внимательно оглядел присутствующих.

— Не у подъезда, но неподалеку от дома Лозянко двадцатого около двадцати двух часов стояли голубые «Жигули». Третья модель. В каком точно месте стояли? Кто видел? Кто видел мужчину, который выходил из машины или садился в нее? И не докладывайте, что свидетелей нет. Такого не бывает. Выполните.

Подполковник провел инструктаж в утвердительном тоне. Где-то неподалеку от дома Лозянко стояла машина... Не может быть, а именно стояла. «А если я все придумал?» — Гуров взглянул на Серова.

— Это их работа, майор, — сказал он. — Понимаешь? Когда они вырастут, научатся думать, как ты, — бегать по улицам начнут другие. Если ты ошибся, то их работа не пропадет, они кое-чему научатся. Так что не бери в голову...

Арнольда Гутлина разыскивать, тем более доставать из-под земли не пришлось. Оперативник установил место его работы, позвонил в лабораторию и попросил приехать в прокуратуру, благо и машина у него имеется.

С Кахи Ходжавой было немного сложнее, однако

через час с небольшим его нашли в одном из кафе в обществе двух очень молодых и не очень трезвых девушек. Кахи, как истинный рыцарь, заявил, что бросить дам не может, тогда «дамам» шепнули: мол, на скамейке в сквере отрезвеете быстрей, чем в отделении милиции, они вышли в туалет и не вернулись.

Допрошенные Гутлин и Ходжава расписали вечер в ресторане «Центральный» по-разному. Но в главном они оказались единодушны: Сергей Усольцев дважды выходил звонить, потом увязался за какой-то девушкой, которая сидела за свадебным столом, и пропадал с ней чуть ли не час. Ключи от машины Гутлина в тот вечер находились у Усольцева.

Следователь умышленно не выяснял, как ключи попали к Усольцеву.

К вечеру Боря Ткаченко, по выражению розыскников, «зацепился», как и предсказывал многоопытный подполковник: нашлась старушка, которая любила сидеть у окна. И вот уже несколько часов Боря прогуливался у дома, а старуха торчала в окне первого этажа.

Тоскливо, явно не в первый раз, старуха сказала:

— Ну чего маешься, зайди поешь.

— Спасибо, я съел.

— Цельный день не ел и съел. Чайку попей. — И, не ожидая ответа, продолжала: — Вот служба у человека. Это же за какие деньги так уродоваться можно? Я же тебе сказала: не жди. Они за полночь придут.

— Так ведь двадцатого они в десять пришли? — тоже не в первый раз спросил Боря.

— И тогда за полночь. Шалопуты.

— А машина стояла?

— Как тебя вижу.

— Так она в десять здесь стояла.

— Чтоб тебя! — Старуха захлопнула окно.

И тут же за углом раздался дробный стук каблуков. шаги, голоса... В переулок вышли парень и девушка.

— Здравствуйте. — Боря преградил им дорогу, представил удостоверение, взглянул на часы, было ровно десять.

— Сознавайтесь, вам послабление будет! — Старуха вынула из окна. — Я все видела! Все!

Боря взял девушку и парня под руки и пошел с ними по переулку. Старуха вытягивала жилистую шею, услышать ничего не могла. Она хлопнула рамой и погасила свет.

В переулке было тихо, лишь шаги и приглушенные голоса.

— Мы видели его в спину. Он вышел из машины и быстро свернулся за угол. Спортивный мужик, крепкий, — сказал парень.

— Светлый пиджак с двумя шлицами, — добавила девушка.

— Что? — не понял Боря.

— С двумя разрезами, — пояснила девушка.

— В лицо не видели?

— Только сзади...

— Нет, — перебила девушка. — Он повернулся, посмотрел на нас. Вроде приостановился, потом свернулся.

— Так узнаете? — спросил Боря.

Парень с девушкой переглянулись и отрицательно покачали головами.

— Но он вас видел?

— Конечно, — ответила девушка.

— Голубые «Жигули», номер не запомнили... — Боря сделал пометку в блокноте.

— «Трешка», — сказал парень.

— Да! — вспомнила девушка. — За стеклом такая смешная белая обезьянка болтала.

— Спасибо вам большое. — Боря пожал молодым людям руки. — Значит, договорились, завтра к десяти в прокуратуру.

Серов, следователь и Гуров выслушали Боря, отпустили домой, остались втроем. Молчали. Каждый понимал: с одной стороны, день прошел очень успешно, с другой — не только прямых, но и косвенных доказательств добить не удалось.

— Надо исходить не из того, что плохо, а из того, что у нас хорошо, — сказал Серов. — Вчера мы не знали убийцу, сегодня знаем.

— Лично я ничего не знаю, — возразил следователь. — Есть версия и стечения некоторых обстоятельств. У меня нет оснований задерживать Усольцева — хотя бы на семьдесят два часа. Я могу его вызвать в прокуратуру и передопросить. Какой вопрос я ему задам? Куда он выходил из ресторана? И он начнет рвать на себе рубашку, рыдать и каяться?

13. Убийца

Как обычно, около четырех утра он проснулся. К щеке прилипла влажная подушка, он перевернулся, лег на спину, вытер приготовленным с вечера полотенцем лицо, скинулся одеяло, взглянул на уже серое окно.

Голова была ясная, еще не знобило, не корежило, пахмелье наступало значительно позже. В тысячу какой-то раз он решил, что именно сегодня «заявляет».

Паша сейчас еще хуже, подумал он. Не пьет, рекорды, слава, ордена... Тюрьма. Я из своей камеры выберусь сегодня. Когда выскочишь ты? Главное, кем ты в тот день будешь?

Он поднялся, живот вывалился, еще год назад это раздражало, сейчас привык. Шлепая по прохладному линолеуму, прошел в кухню. У настоящего профессионала инструмент на месте: он вынул из холодильника бутылку кефира, из шкафа — валерьянку и зленин, все выпил и вернулся к койке. Перед тем как лечь, расправил простыню, открыл форточку, задернул плотные шторы, чтобы день не ворвался, не разбудил. Лежа на спине, расслабившись, он ждал сон, стараясь разогнать мысли, даже приятные, например, о Паше Астахове, который сейчас...

Сережа Усольцев родился в Городе, рос единственным и ненаглядным в здоровой интеллигентной семье. Мама — зубной врач, папа в НИИ, сегодня кандидат наук, старший научный... Семья жила обеспеченно, любили принимать, дом слыл хлебосольным, пользовался уважением. Водкой в доме не баловалась, в пятницу и субботу к столу подавалася бабушкин граffинчик, ну, еще в праздники.

Сережа однажды попробовал, не понравилось, он рос трезвенником. Увлекся спортом. Начинал он у Анатолия Петровича Кепко, смешная фамилия вызывала у Сережи улыбку. Очень скоро улыбка пропала, тренер оказался человеком серьезным. Начал Сережа с короткого спринта и прыжков в длину, но через год, когда уже и разрядником стал, тренер предложил ему пробежать полный круг, то есть четыреста метров. Результаты, как говорится, «поперли».

Сережа окончил школу, поступил в педагогический, бежал четыреста за пятьдесят с десятыми, стал перворазрядником. В Городе Сережу уже знали, начали прогнозировать, какой результат при таких темпах роста он покажет через пару лет.

Паша Астахов, пацан, бегал где-то рядом, Сережа его даже не замечал, он уже выполнил норматив кандидата в мастера спорта.

Прошло еще два года, Сергею исполнилось двадцать три, Павлу — девятнадцать, оба были кандидатами, оба тренировались у Краева. Тогда и произошло первое столкновение. Тренировались, бегали «голова в голову». Неожиданно на первенстве области Павел опередил Сергея на целую секунду, стал мастером спорта и уехал на первенство России.

Анатолий Петрович Кепко обнял тогда Сергея за плечи и сказал:

— Он убежал от тебя, и ты его никогда не догонишь. Не расстраивайся, парень, у каждого из нас своя высота, потолок, который никакой работой не пропишишь.

Астахов улетал и возвращался, снова улетал. Через год вернулся весь в золоте.

— Проведать родное гнездо, — сказал кто-то. — Завтра эту золотую птичку мы будем наблюдать только по телевизору.

«Кто-то» ошибся, золото Астахова тяжелело, появились правительственные награды, а он всегда возвращался в Город.

Молодежь подпирала Сергея, обгоняла, он уже не попадал даже в сборную области. Астахов бегал за горизонтом. Усольцев почему-то винил в своих неудачах именно Астахова, именно его, первого, который и отбросил его, Усольцева, назад.

Сергей благополучно окончил институт, начал работать в спортивном комитете, выступать перестал. Кому интересно, глотая желчь, смотреть в удаляющиеся спины?

Однажды, вернувшись с работы домой, Сергей застал отца у телевизора.

— Сережа! — позвал отец. — Смотри, наш-то Пашка что делает? Опять первый! Нет, не обеднела Россия талантами!

Спортивная передача кончилась, отец подошел к буфету, достал граffинчик.

— Тебе не предлагаю. — Отец налил рюмку. — Ты у нас мусульманин. — Он выпил, хрюкнул яблоком.

— По рождению я христианин. — Сергей спокойно достал стакан. — За победу земляка не грех и крещение принять.

Отец смотрел недоверчиво, но с одобрением. Сергей наполнил стакан, выпил заплом, тоже закусил яблочком и сел ужинать, рассказывал о работе, загнул пару анекдотов. Выйдя из-за стола, отец внимательно взглянул на совершенно трезвого сына, хлопнул по плечу, сказал:

— Молодец! Настоящий русский мужик! — и пошел в кабинет работать.

Природа мудра, нам не дано заглянуть в свое завтра, иначе жизнь человеческая превратилась бы в пустую затею. Отец подтолкнул сына к пропасти и, увидев, как сын шагнул, похвалил. Кто сказал, что «настоящий русский мужик» должен, не хмелев, выпивать стакан водки?

И отцу, и сыну лучше бы себе по руке оторвать, которыми они наливали, легче бы жилось на свете. Но они завтрашнего дня не знали. А когда этот день пришел, то сын во всем обвинил Павла Астахова, а отец ничего не понял, а уж себя виновным не считал ни в коем разе.

Наступило завтра, послезавтра...

Всего через год среди своих приятелей Сергей отыскал врача-нарколога. Тот внимательно выслушал, дал какую-то коробку с карточками, на которых были написаны вопросы, предложил разложить налево, направо, по принципу «да» или «нет». Они еще долго беседовали, в заключение врач сказал:

— Сережа, должен тебя огорчить, но ты физиологически от алкоголизма не защищен. Ты к нему предрасположен. Ты выслушай, не горячись. Существует, к сожалению, масса заболеваний. Почему-то одни из них считаются благородными, другие — постыдными. К примеру, слабые легкие — в старину говорили «чахотка» — болезнь благородная. Сифилис, алкоголизм постыдны. Глупости и предрассудки, любая болезнь — беда.

— Откуда незащищенность-то? — усмехнулся Усольцев. — Отец в конце недели да по праздникам двести — триста граммов максимум. Я его в жизни пьяным не видел.

— Случается, что человек очень быстро приучает себя к алкоголю и спивается, доводит себя до состояния полной зависимости от стакана.

— Как у меня? Это я зависимый?

— Ты пришел совета просить или учить? — друг доктор повысил голос. — Сиди, слушай, мотай на ус, если не хочешь закончить жизнь в психушке. До двадцати четырех ты в рот не брал, тяги не имел, а в двадцать пять, по твоему выражению, каждый день и прерваться не в состоянии. Так?

Сергей Усольцев лишь кивнул.

— Выход у тебя один... — доктор сделал паузу, — бросить, забыть, спиртное для тебя не существует ни в каком виде и ни в какой дозе. Иначе ты срываешься, и все возвращается к сегодняшнему дню. Я тебе помогу, но бороться ты должен сам. Положим в больницу...

— Никогда! — Сергей вскочил.

— Тихо! — прикрикнул доктор. — Не ко мне, не в наркологию, чтобы в Городе не знали. Диагноз придумаем. Успокоим, почистим, подкорим витаминами, на диете выдержим, станешь как новый пятиалтын.

Сергей прислушался, вылежал две недели в отделении общей терапии с диагнозом «воспаление почек». И вышел веселый и бодрый. «Никогда в жизни», — сказал он себе.

Прошло около года, однажды в компании, когда в очередной раз уговаривали, да и девчонка рядом, обаятельная до чертиков, пила коньяк аккуратно. Сергей опрокинул несколько рюмок. На следующий день он чувствовал себя прекрасно, вспомнил устраивающие речи друга-доктора и рассмеялся. Чушь собачья, иногда можно, как все люди.

Через две недели он вернулся на круги своя, каждый день бутылка минимум.

Он бросал, возвращался к жизни и вновь срывался в стакан, становился рабом. Что Сергей Усольцев «в этом деле чемпион», вскоре знали все окружающие. Из дома Сергей ушел, отец сказал, что алкоголиков среди Усольцевых никогда не было и он терпеть не намерен. Один из друзей уехал на три года за рубеж, отдал ключи с условием: плати за квартиру, сделай ремонт и содержки в чистоте. Мать переживала, однако не так уж бурно. Сергей поселился в отдельной квартире и остался с водкой один на один.

Он боролся, бросал, запершись и отключив телефон, пил минералку и кефир, закусывая твердым и зленином. Держался в «сухом доке» неделю, две, порой месяц. Оказалось, почти все окружающие против того, чтобы Сергей не пил.

Усольцев работал в спортивном комитете, занимался распределением спортивного инвентаря. Многие зависели от него, но и он зависел. Начальство смотрело на присутствие Сергея в кабинете сквозь пальцы: мол, важно дело, а не просиживание кресла от звонка до звонка. Взяток Усольцев не давал и не брал, все вопросы решались по справедливости, основой отношений являлось точное выполнение обязательств. Одно плохо, переговоры было принято проводить не в кабинете, а за обедом, за который платил ходатай. Обед взяткой не считался, вместе поели, выпили, обсудили, ради чего собирались, договорились и разошлись. Несколько раз Сергей во время таких обедов не пил, разговор сворачивал с деловой магистралью и проходил примерно так:

— А ты чего?

— Завязал, перерыв, друзья. Жирею. Сердце чего-то покалывает.

— И правильно, рюмку за компанию, и все.

Рюмки наполнялись. Сергей не пил.

— Сережа, не уважаешь? Здоровый бугай, что тебе от ста граммов? Начальником стал?

Долго и нудно повторялись одни и те же слова. Если Усольцев характер выдерживал, расставалась холод-

но, обещая созвониться. Вечером он глотал снотворное, матерился, долго не спал. «Я не могу сто граммов, болен я, пощадите!» — так он сказать не мог. Однажды в состоянии пьяной депрессии он исповедовался другу. Тот выслушал и ответил:

— Переbral ты сегодня, Сережа. Проспись. Алкоголик? Я что, алкоголиков не видел?

На том и закончился разговор, на следующий день Усольцев о нем жалел.

Люди считают, что алкоголик — жалкое, трясущееся существо у винного отдела или пивного ларька. Если ты всегда чисто выбирь, в свежей рубашке и глянцевом костюме, то не говори глупостей, не ридись под убогого, давай сегодня выпьем, меру мы знаем, а завтра на работу.

В «сухие» периоды и приятели избегали Сергея Усольцева. Как-то не по-людски получается: собирались с женами, с девочками, посидели, выпили, расслабились, идет общий треп. Никто на глубокую философию не претендует, от лишней рюмки наверняка глупости порой говорим, а он сидит трезвый, смотрит насмешливо, всегда он лучше всех. И друзья звонили ему и спрашивали:

— Сергей, ты сейчас как, в состоянии нормальном?

Под «нормальным» подразумевалось, что он пьет. Если в нормальном, давай встретимся, за жизнь поговорим, а если нет, то до лучших времен.

Не менее важной проблемой, пожалуй, являлись женщины. Выпивший Усольцев, свободный и обаятельный, штурмовал любые крепости. Даже если его сбрасывали со стен, что случалось довольно редко, он не ушибался, смеясь, целовал ручки и оставался доброжелателем, готовым поддержать, дать совет. Трезвый Усольцев от скованности беспричинно хамил, держался заносчиво. Главное же, что и с постоянной подругой в интимные моменты он становился неуверенным, порой несостоительным. Естественно, организм не выдерживал издевательства: то вливали наркотик в неограниченном количестве, то перекрывали подачу нагло. А нервная система у Сергея существовала, как у всех остальных людей, хоть он с ней считаться и не желал.

Выражение это совсем не точное: «желать» и «не желать». Сергей последний год уже не мог. Периоды «нормального» состояния удлинялись, «сухие» паузы становились все короче.

Он пытался ухватиться за женщину. Если я женюсь, обязательно на красивой и известной, то волей-неволей стану соответствовать, решил он.

Трезвый и выхоленный, он упал к ногам Нины Маевской, получил кокетливый отказ. Через полгода попытку повторил, результат не изменился.

Павел Астахов. Он выкинул меня из спорта, из-за него я выпил первый стакан, женщина, которая мне нужна, влюблена в него. И тогда, год назад, над собой подсмеиваясь, Сергей Усольцев подумал: убить мертвца. Подумав так, он рассмеялся.

В светлые периоды он заходил вечерами домой, отдавал матери рубашки, брал свежие. Выйдя от родителей, он, как правило, срывался, брал в магазине спиртное, шел домой, отключал телефон.

Последний год Сергей походил на человека, которому к ногам привязали гирю и бросили в воду. В темноте, где дышать нельзя, он барабанился и бился до изнеможения, вынырнув, наконец, он жадно глотал воздух, разглядывал небо, мечтал о новой жизни, даже принимал решения. Глубина моря, гиря тянула, он расслаблялся и уходил назад, якобы на минутку, убежденный: сейчас вынырну. И выныривал, только пребывания на поверхности становились все короче.

Если бы процесс происходил безболезненно, опустился бы в конце концов, не выплыл и затих на глубине, тихо скончался в стороне от людей. Но он тянулся к людям, к жизни, был неприспособлен к жизни на дне, в тине и грязи, во мраке, без кислорода. И Сергей Усольцев боролся.

Пробылся он около четырех утра, иногда к кефиру и минералке добавлял тарелку горячих щей, ложился снова. Через час примерно он снова засыпал, поднимался в одиннадцать. Пил кофе, долго занимался туалетом, знал: внешний вид — последняя опора на поверхности.

На улице ему, становилось хуже, ноги слабели, сердце покалывало, голова кружилась. Он шел на пешком, временами пугаясь не только машин и трамваев, но и прохожих. Минут через тридцать он к улице привыкал и мог, десять раз оглянувшись, ее пересечь.

В кабинете он сразу запирался, вытирая пыль, перекладывал на столе бумаги, пообмыкнув, открывал дверь, звонил начальству.

— Салют, старик! Я нужен? Где прохлада? Не скажу. У тебя претензии к моему участку есть? Нет? Так не мешай работать. Я до семнадцати в твоем распоряжении.

Он мог потихоньку хлебнуть и поутру, так случалось, но тогда становилось совсем плохо. Пока он не выпил, он больной человек, а как хлебнет, превращается в машину, которая требует систематической дозаправки топливом.

После первого стакана, именно стакана, не меньше, переставали трястись руки, пропадало чувство страха, казалось, человек выздоровел. Но через час наступал упадок сил, требовалось в толку подбрить.

И Сергей терпел до семнадцати, писать он не мог, расписывался с трудом. Время с четырех до шести и с тринацати до семнадцати было самыми страшными часами его жизни. Самоунижение, раскаяние, ненависть, боль, последние клятвы, в которые сам уже абсолютно не верил.

Терпеть, дождаться до семнадцати. Стрелки часов не двигаются, прилипли. Отвечать на звонки, улыбаться, что-то говорить, зайдти к начальству. Иди неторопливо, иначе начнешь потеть, разговаривая, выдыхать только через нос. Мысли, мысли только об одном: где, когда, с кем.

В эти часы в нем поднималась лютая ненависть; он начинал разрабатывать планы, принимал и отменял решения.

Почему? Почему ему — Павлу Астахову — все, а мне ничего? Смешная мысль об убийстве, вроде бы случайно повернувшись вокруг головы, застяла в ней гвоздем. Нет бога, и я не наместник, но справедливость должна же существовать? А если нет, так я ее установлю!

Как стрелки часов ни цеплялись друг за друга, как ни прилипали к циферблату, а в положенный срок показали, что уже можно.

В большинстве случаев встречи назначались на семь, два часа надо «убить», но сначала... Взяв бутылку водки, Сергей заходил в кафе, где его знали. Существует много анекдотов о том, что алкоголик не может донести первый стакан до места назначения. Для Сергея это не анекдот, проблема, которую надо решить, не привлекая внимания, не компрометируя себя. В кафе, за салатово-грязной фанерной перегородкой находился буфет, где официантки получали спиртное, воду, сигареты и прочее. Сергей заходил туда, молча протягивал буфетчице бутылку. «Сердобольная» с видом заговорщицы быстро наливала полстакана, полного ему не донести, в другой стакан плескала воду и деликатно отворачивалась.

Иногда получалось сразу, порой он часть проливал, случалось, он нагибался, зажимал зубами край стакана, затем уже опрокидывал вовнутрь.

С официантками и буфетчицей он держался просто — в порядке я, вы ничего не видели, не знаете. В кафе Сергей по-своему уважали, втихомолку жалели: «Больной человек, а себя блюдет, всегда чистенький, вежливый». Половину бутылок он оставлял в буфете и отправлялся гулять.

Вечер складывался по-разному. Как правило, Сергей пил за чай-то счет, будучи человеком для многих нужным. Выпив, Сергей становился обаятельный, очень коммуникабельный. Он никогда не скандалил; чувствуя, что начинает терять контроль, выпивал на посошок и уходил тихо, незаметно, по-английски.

Алкоголиком его никто не считал, ведь портвейн он не пьет и поутру не опохмеляется. Сергей понимал, что если ничего кардинального не предпримет, то и красненькое не за горами.

Дойдя до края нервного и физического истощения, Сергей «заязывал». Технологию он разработал до мельчайших деталей. «Операция» назначалась на субботу. Не работать и назавтра — в баню.

Подруга варила щи или бульон, закупались минеральная вода и молоко, валерьянка и элениум. Нужна еще книга, лучше фантастика.

«Сражение» начиналось в четыре, начало известно. Около часа дня, ползая по квартире на дрожащих ногах, словно старик, выпивая то горячего молока, то минеральной воды, он занимался уборкой. Вытирал пыль, елозил по полу с мокрой тряпкой, его прошибал пот, тут же начинался озноб. Сергей ложился, читал, а точнее, пытался читать, чаще лежал в полусладко, жалел себя и в конце концов вновь упирался в Астахова: ведь первый стакан Сергей выпил, когда Пашика в очередной раз где-то поднялся на пьедестал. И мысли крутились по замкнутому кругу. Почему ему все, а мне ничего? Где справедливость? Убить? Его похоронят с венками и оркестром. Он, не мучаясь, исчезнет, перестанет существовать, о нем станут рассказывать легенды.

Извлечь? Так ведь не «там» живешь, людей не найдешь. Однажды в какой-то фантастической повести Сергей прочитал, как фабриковалось преступление и ненужных людей компрометировали и сажали в тюрьму. Это годится, решил Усольцев. Как Астахова посадить? Валюта? Подбросить? Где достать? Да и не поверят, любимца обелят. И тут на глаза Сергею попался сердце Игорек Лозянко, его переглядки с Маевской, вспомнились слухи. Треугольник? Старо, но и безотказно, как колесо телеги. Не надо придумывать порох, его уже придумали. Усольцев начал думать, разработка «операции» доставляла истинное наслаждение. Игорька убить и уложить Паши на плечи. Прокуратура и суд в чемпионских титулах не разбираются, у них иные заботы и задачи.

Так рассуждал Сергей, дрожа и потея под одеялом.

В пять-шесть вечера мучения становились невыносимы, в семь приходила подруга и приносила четвертинку, не больше, но и не меньше. Организм приучен, ему необходимо, иначе «мотор» может отказаться, такие случаи известны. Он выпивал стопку, съедал две тарелки горячего, допивал остатки. Пока еще «мизерная» доза действовала, подруга быстро уходила, запирала дверь и уносила ключи с собой. Случалось, он пытался выломать дверь, но силенок уже не хватало, и он ложился.

Забытье, дремота до трех-четырех. Ночью он снова ел горячее, пил молоко, принимал снотворное и к утру крепко засыпал.

На следующий день, в воскресенье, Сергей шел с непьющей компанией, существовала у него и такая, в баню. Вечером он читал, «сажал» Астахова, смотрел телевизор.

С понедельника он начинал жить и работать. Сергей Усольцев был человек, безусловно, способный и довольно быстро латал образовавшиеся на его «участке фронта» бреши. Начальство оставалось довольно. «Отличный работник, хороший парень, ну, выпивает порой. А кто без греха?»

Трезвый Усольцев был деятелем, сдержан, организован. Через неделю, когда алкоголь из крови уходил, Сергей наслаждался жизнью, свободой. Он смеялся и ликовал, рассуждая: мол, никогда больше в жизни, водка — для слабоволных дебилов. Через две недели жизнь начинала давать сбои. Как уже известно, рушились деловые контакты, исчезали женщины, сторонились «друзья», главное же, появлялись совершенно пустые вечера.

Хорошо, если по «ящику» есть на что взглянуть, а если нет? Он целыми днями слышит: мол, не хватает времени, где взять время? У Сергея иная проблема: как свободное время убить? Иногда есть книжка либо телевизор, чаще вакуум, пустота. Недели через три он идет в ресторан, «посидеть, как все». Двести — триста, а завтра ни грамма, принимает он волевое решение.

Через несколько дней он просыпается, как обычно, около четырех утра.

С месяц назад, на совещании в спорткомитете во время перерыва Астахов выпул из кармана пачку «Уинстона», бросил на стол.

— Курите, ребята, отравляйтесь, — улыбнулся он. — Давно пиджак не надевал, там завалялась.

В общем разговоре Павла не все слышали. Усольцев стоял рядом со столом, не отдавая себе отчета, накрыл пачку сигарет платком и убрал в карман. О пальцевых отпечатках Сергей читал неоднократно. Пригодится, решил он и не ошибся.

В тот день, когда провожали ребят на спартакиаду школьников, Усольцев находился в состоянии «умеренного» пиятия, принял стакан, он «оседал» Гутлина, прихватил с собой Кахи Ходжаву и отправился в аэропорт.

Он увидел столкновение Астахова и Лозянко, оценил количество очевидцев, решил, что ему выпадет шанс. Он увидел, как Краев увез Нинку и Игорька, конечно, тренер их разъединил, решил Усольцев. Среди создаваемых в периоды похмелья комбинаций он начал искать подходящую. Мне необходимо алиби, а Астахова надо вытащить к трупу. О такой «ерунде», как жизнь Игоря Лозянко, он не думал.

Итак, в этот день он поднялся около одиннадцати. Ноги привычно дрожали, сердце покалывало, а настроение было отличное.

Все прекрасно, прокуратура работает, тут еще милиционер из Москвы оказался, он не даст местным властям прикрыть Паши. Да и убийство не прикрывают, каждый своим местом дорожит, тут уж не до симпатии.

Размозженный затылок Игоря Лозянко ему не снится, даже не вспоминался. Полный порядок. Нет справедливости — мы ее установим. Интересно, сколько Паши дадут? Каким он оттуда выйдет? Может, он тоже пить начнет?

И Усольцев представил себе, как встречается с Павлом Астаховым около двух у магазина, они молча кивают друг другу, ждут конца обеденного перерыва, берут горячее и идут в кафе. Там у них персональный столик в углу, пьют молча, пока не «достанет». Вот и руки перестали дрожать, пот бисеринками скатился за уши, повис на бровях. Неторопливо утеревшись, налил по новой, они начинают беседу. Все их знают, здоровятся издалека, подойти не смеют.

Усольцев тонко хихикнул и, потряхивая животом, затрусил на кухню.

14. Начало конца

Почему Гуров обратил внимание на Усольцева? Он единственный, кто «говорился», что Паша, мол, убить может. И лишь Усольцев смеялся в момент проигрыша Астахова. Мало? Не только мало, практически ничего. Гурову просто не за что было уцепиться, он не знал, с чего начать.

Надо проникать в окружение Астахова. С чего-то всегда надо начинать. Можно обвинить старшего оперуполномоченного в примитивизме, что он пошел по методу «тыка», то есть ткнул пальцем и сказал: копать здесь. Где наука, где современная техника? Они, конечно, есть, но сначала необходима достаточная информация. А где ее взять?

Как работают геологи? Наука наукой, а сотни поисковых партий топают ножками тысячи километров и берут ручками тысячи проб.

Казалось, Гуров не выхаживал километры, он определил место под фонограммой, где светнее.

Что такое талант? Возможно, способность увидеть то, что коллега не заметил, умение рискнуть, не испугаться насмешек, собственных ошибок? Потом скажут, что Гуров просто счастливчик.

Показания Кахи Ходжавы и Арнольда Гутлина, обнаружение в квартале от места преступления голубой «трешки» и спортивного мужчины в светлом пиджаке с двумя шлицами были и ничем, и всем. Серов да и следователь прокуратуры хотят и морчились, и изображали недоумение, но поняли: москвич вроде и ткнул пальцем просто под ноги, но, возможно, место указал правильно. Только как теперь до золотой руды доказательств добираться? И существуют ли они, доказательства? А может, их нет? Так тоже случается. Преступление, преступник, версия — все есть. А доказательств нет.

Естественно, что вечером после допроса в прокуратуре Ходжава и Гутлин встретились и начали собственное расследование. Что происходит, зачем их официально допрашивали? Перебивая друг друга, запутавшись в вопросах и не найдя ни одного разумительного ответа, друзья кинулись к Усольцеву. Он выслушал их бессвязный рассказ и неожиданно начал кричать. Друзья стояли в пустом дворе около голубых «Жигулей». Ходжава большими черными глазами смотрел на Усольцева удивленно. Гутлин, поправляя сползающие очки, растерянно оглядывался, словно хотел обнаружить причину столь внезапного гнева.

Лицо Усольцева было неизвестно бешеным. Он кричал:

— Ну, что вам Астахов? Что? Быстро бегает? Так эта тачка, — он пнул ногой в колесо, — бегает быстрее. Так поклонитесь ей! Нет? Вам нужен бог! Вы не можете без бога? Вам обязательно надо кого-то целовать в задницу? Вы рабы! Для меня нет богов! Я ниспровержаю их! Я сам себе: и бог, и царь, и герой!

— Слушай! — Кахи махнул рукой. — Зачем так? Паши не бог. Паши — человек!

Усольцев взял себя в руки, даже улыбнулся.

— Сергей, — тихо сказал Гутлин. — Об Астахове вообще разговора не было. Расспрашивали про тот вечер. Кто с кем сидел, кто выходил, кто не выходил. Почему-то спросили: у кого были ключи от машины?

Гутлин подбросил на ладони ключи. Повисла пауза.

— От твоей машины, твои ключи, — глухо сказал Усольцев.

— Я так и сказал, — пробормотал Гутлин. — Но ты помнишь, когда мы вышли из машины, тыключи у меня отобрали. Сказал, что я снова потеряю их. Какое это имеет значение? — Он бросил ключи Усольцеву. — Возьми, я действительно растяпа.

— И что ты там ответил? — спросил Усольцев.

— Как было, так и сказал.

— Правильно. — Усольцев передохнул. — Мы весь вечер были вместе, никто никуда не выходил.

— Эй! — Кахи погрозил пальцем. — А блондинка? С такими ногами? Ты с ней танцевал, потом вышел. Ты, дорогой, с ней час беседовал. Ну?

— Какой час? Ну, минут пять! — возмутился Усольцев.

— Не говори! — Кахи вновь взмахнул рукой. — Я ревновал! Я помню! Я следователю эту блондинку нарисовал, как Микеланджело. Досконально!

Усольцев посмотрел на одного, потом на другого, сказал:

— Черт-те о чем говорим. Пойдем выпьем.

Он открыл «Жигули», загораживая собой дверной проем, протянул руку, сорвал висевшую под зеркалом обезьянику и сунул ее в карман.

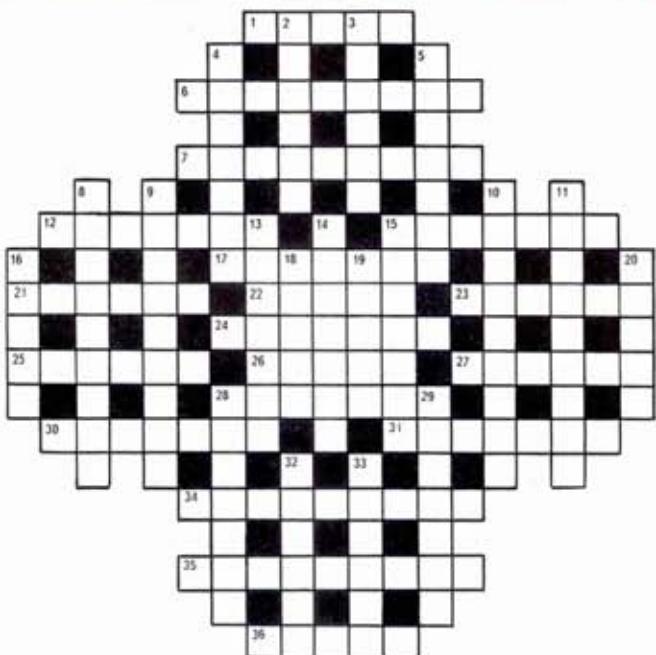
«Неужели меня заподозрили? — рассуждал он. — Или случайность, шарят в темноте? Нет, подозревают. Эти кретины подбросили сыщикам дровишки. Глупости все, нервы. У кого ключи от машины? Выходил, не выходил? С такими доказательствами они умрутся».

И Усольцев уверенностью походкой отправился договаривать приятелей.

КРОССВОРД

Составил М. РУДЬ, Москва

По горизонтали:

- Лесная поляна.
- Воздушный спортсмен.
- Самоцвет, из которого в Древней Греции делали геммы на морские сюжеты.
- Прототип Оттилии в романе Гете «Избирательное сродство».
- Одно из орудий труда, изображенных на гравюре А. Дюрера «Меланхолия».
- Ботаническое название белой акации.
- Зерновая культура, происходящая из Тибета.
- Кондитерское изделие со сладкой начинкой.
- ...—теневое растение с красивыми сердцевидными, заостренными листьями и белыми цветами» (В. К. Арсеньев. «По Уссурийской тайге»).
- Древнейший вид танцевального искусства.
- Ввоз товаров из-за рубежа.
- Птица, у которой не бывает сокращения мозга.
- Позма И. Козлова.
- Русский адмирал, один из трех создателей науки о непотопляемости кораблей.
- Сербский композитор, основатель Белградской оперы.
- Палехский художник, автор иллюстраций к «Слову о полку Игореве».
- Герой романа Ж. Верна «Пять недель на воздушном шаре».
- Уникальное свойство серебра.
- Повесть А. Неверова о школе.

По вертикали:

- Металл, по которому названо семейство из 14 химических элементов.
- Кит-единорог.
- Форма лекарства.
- Правосудие.
- Чувствительный элемент в устройствах для измерения температуры.
- Один из создателей кинофильма.
- Бусы, ожерелье, перстень (общее название).
- Настоящая фамилия писателя А. Платонова.
- Одна из самых редких хищных птиц в современной Европе.
- Искусство, необходимое в воздушном бою.
- Специалист, изучающий живую клетку.
- Выторгушка у кукиша ... (русская поговорка).
- Одно из бытовых называний красной свеклы.
- Город на Луаре к югу от Парижа.
- Картина А. Г. Венецианова.
- В греческой мифологии — Арина, в римской — ...
- Михаил «рассказывал мне о своей далекой орловской деревне, о кулаке-старшине, забравшем в руки всю ...» (В. Вересаев. «На мертвый дороге»).
- Народное название одного из домашних цветков.
- Чувство усталости, расслабленности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

- Овчарка.
- Таураге.
- Алаколь.
- Аретино.
- Урарту.
- Григор.
- «Электросила».
- Хаки.
- Иена.
- Бидструп.
- Проценко.
- Самова.
- Варлаам.
- Монитор.
- Бурак.
- Иризация.
- Шиловник.
- Швея.
- Анау.
- Фигармония.
- ...заслон...
- Ячмень.
- Энцелад.
- Варьете.
- Трейлер.
- Изванта.

По вертикали:

- Каратэ.
- Йога.
- Фактура.
- ...жало...
- «Юнкера».
- «Гадалки».
- Веракрус.
- Канистра.
- Улугбек.
- Ультрамарин.
- Гляциология.
- Абразив.
- Идиллия.
- Индiana.
- Ножовка.
- Пиджай.
- Поташ.
- Биогенез.
- Киловатт.
- Реостат.
- Интерес.
- Арсенал.
- Фольга.
- Ячейка.
- Этил.
- Драп.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд. 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.02.86. Подписано к печати 27.02.86. А 09630. Формат 70×108^{1/4}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 791. Заказ № 2415. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Повары», 24.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 6 (1412) МАРТ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
весны цветение.

Фото
Николая ШИЛОВА.

- XXVII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
- МОЛОДЫЕ ДЕЛЕГАТЫ ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА: «ЧУВСТВО ПОВЫШЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ».
- Анатолий ЗЕЛЕНКОВ. «ЭКИБАСТУЗ: ТАК ЛИ ХОЗЯЙСТВУЕМ?»
- Евгений ЕВТУШЕНКО. «НЕСВЕРШЕННОЕ ВСЕ СОВЕРШИТСЯ».
- ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА. Павел ЕМЕЛИН. «СТРАСТИ ПО ДОСУГУ».
- Петр НОВИКОВ. «ДАЙТЕ ПОЧИТАТЬ».
- Владислав ЯНЕЛИС. «ОСОБЫЙ ДЕНЬ».
- ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ. «ПОДРУЖИТЕСЬ».
- ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА. Георгий ДАНАИЛОВ. «НЕ УБИТЬ МОЦАРТА».
- Ольга ЧАЙКОВСКАЯ. «ЗЛОЙ ДУХ».
- Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ. «АЛЕКСЕЕВСКИЙ КЛЮЧ».
- Виктор РОЗОВ. «ЧЕРТА ХАРАКТЕРА».
- НОВОЕ ИМЯ. Рассказ Леонида БОГАЧУКА «КРЕЗ И КЛЕОПАТРА».
- КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗЕМЛЯ. МЫ ДЕТИ ТВОИ».
- Повесть Николая ЛЕОНОВА «ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОННИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

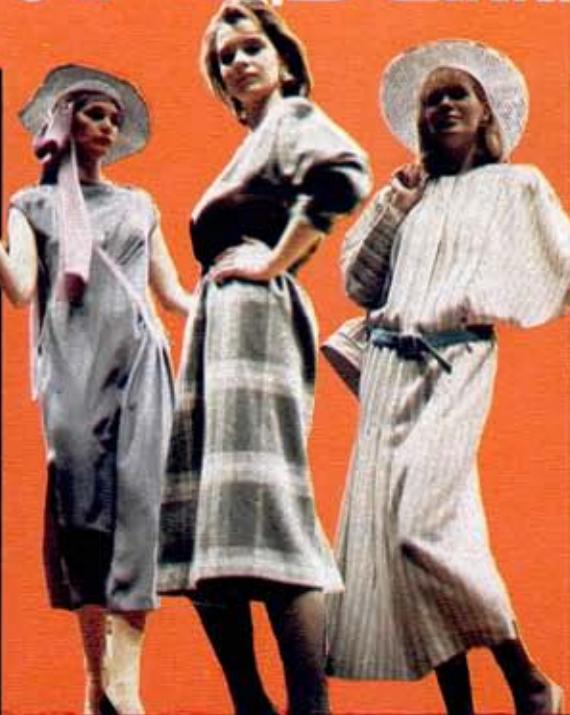
Марина КРАЙНЯЯ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

«Следовать моде нелепо, а не следовать смешно», — говорил Гегель. И чтобы не выглядеть смешно и нелепо, посмотрим, какая она, мода нынешнего сезона.

Начнем с демисезонного пальто.

Ведь именно оно чаще всего преподносит сюрпризы, как, например, вот этот: наряду с объемной,

СТИЛЬ И ЦВЕТ

комфортной одеждой, характерной для прошлого года, появляются литые, компактные модели, будто очерченные карандашом. Конечно, нас этим не удивишь, потому что не успели мы еще отвыкнуть от полуприлегающего силуэта, а он опять в моде. Правда, с элементами нового: это касается цвета и длины.

Наверное, не только меня, но и многих привлекает демократичность современной моды: нравится тебе макси — носи, мини — тоже не возбраняется. И все же особая новизна, даже некоторая авангардность, в длинной — почти по щиколотку — юбке или платье. Отметим также, что не голубой, розовый и салатовый тон диктуют свои права, а контрастные, даже резкие сочетания очень насыщенных, основных цветов с элементами графики, с отделкой из искусственных кож.

Мода сезона предлагает обратить внимание на незаслуженно забытое платье — оно переживает второе рождение и в этом сезоне будет очень популярным. Особая же популярность ожидает легкие летние платья в романтическом стиле. Они

Молодежная мода

напоминают нам о моде двадцатых, пятидесятых годов. Только носить такие платья надо с бижутерией — пластмассовые или деревянные украшения усилият эмоциональность образа. Мужчинам, похоже, все больше и больше нравится их нынешняя роль — этаких «нигилистов», опровергающих привычные

каноны: пиджак становится пиджаком-курткой, «бананы» уже приемлемы не только для молодежи, но и для других возрастов. Рубашку можно чуть расстегнуть, но в таком случае под нее на шею нужно повязать шарфик, скажем, красный.

Нет, это не небрежность, а скорее игра в молодость, предельная эмоциональность (не зря же снова «зацвела» хризантема в петлицах пиджака, как много лет назад) — и все это соседствует с респектабельностью. Таков современный мужской стиль одежды.

В заключение позвольте себе маленький совет. Нынешняя мода демократична, но это не значит, что она стерпит безвкусие, аляповатость, неряшлисть. Не стоит и слепо копировать понравившийся вам образ из кинофильма или журнала мод. Страйтесь развивать свой эстетический вкус, и он вас не подведет.

ЭТИ МОДЕЛИ ДЛЯ МОЛОДЫХ
РАЗРАБОТАНЫ В СПЕЦИАЛЬНОМ ХУДОЖЕ-
СТВЕННО-КОНСТРУКТОРСКОМ
БЮРО МИНИСТЕРСТВА РСФСР.